

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ВАРВАРСТВО

Цивилизация и варварство обычно
считаются взаимоисключающими категориями,
но каждое общество есть их смесь.

Фелипе Фернандес-Арместо

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTER OF COMPARATIVE HISTORY AND
THEORY OF CIVILIZATIONS

LABORATORY OF RESEARCH OF
CIVILIZATION AND BARBARITY

CIVILIZATION AND BARBARITY

THE MAN OF THE BARBARIAN WORLD AND
THE BARBARIAN WORLD OF THE MAN

VI

2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ И
ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСТВА

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ЧЕЛОВЕК ВАРВАРСКОГО МИРА И
ВАРВАРСКИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

VI

2017

CIVILIZATION AND BARBARITY

THE MAN OF THE BARBARIAN WORLD AND THE BARBARIAN WORLD OF THE MAN

2017 • ISSUE VI

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*
(Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Prof. *Levon H. Abrahamian* (Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia), Prof. *Marina Ts. Arzakanian* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Alexander S. Balesin* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Mikhail V. Bibikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey A. Vasyutin* (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation), Dr. *Olga V. Vorobjova* (deputy chief editor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sabine Jansen* (National conservatory of arts and crafts, Paris, Republic of France), Dr. *Ivan A. Kopylov* (National Autonomous University of Mexico [UNAM], Mexico city, Mexican United States), Prof. *Maya S. Petrova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Louis E. Primero Rivas* (National Pedagogical University (UPN), Mexico city, Mexican United States), Prof. *Lorina P. Repina* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey Ju. Saprykin* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation), *Larisa L. Selivanova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor E. Surikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Victoria I. Ukolova* (Moscow Stat Institute of International Relations [University] of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation), Prof. *Pavel P. Shkarenkov* (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation), Ph.D. *Jens Shneevajss* (Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe at the University of Leipzig [GWZO], Federal Republic of Germany).

Publisher: Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is
included in the Russian Science Citation Index
(RSCI)

All materials published in the "Civilization and
Barbarity" undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp.,
Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: + 7 (916) 081-29-66

e-mail: labeb@yandex.ru

website: <https://www.aquilopress.com>

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ЧЕЛОВЕК ВАРВАРСКОГО МИРА И ВАРВАРСКИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

2017 • ВЫПУСК VI

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

член-корр. НАН РА *Л.А. Абрамян* (Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Армении [НАН РА], Ереван, Армения), д.и.н., проф. *М.Ц. Арзаканян* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *А.С. Балезин* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *М.В. Бибииков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., доц. *С.А. Васютин* (Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия), к.и.н., доц. *О.В. Воробьева* (заместитель главного редактора, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), проф. *С. Жансен* (Национальная школа искусств и ремесел, Париж, Франция), к.и.н. *И.А. Копылов* (Национальный автономный университет Мексики [UNAM], Мехико, Мексика), д.и.н., доц. *М.С. Петрова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), проф. *Л.Э. Примеро Ривас* (Национальный педагогический университет (UPN), Мехико, Мексика), член-корр. РАН *Л.П. Репина* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Л.Л. Селиванова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н. *И.Е. Суриков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *В.И. Уколова* (Московский государственный институт международных отношений [университет] МИД России, Москва, Россия), д.и.н., проф. *П.П. Шкаренков* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), д-р *Й. Шнеевайсс* (Лейбницкий институт истории и культуры Восточной Европы [GWZO] Лейпцигского университета, Лейпциг, Германия).

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация.
119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081-29-66

e-mail: labcb@yandex.ru

сайт: <https://www.aquilopress.com/>

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО: человек варварского мира и варварский мир человека (Часть 1) / В.П. Буданова (Ред.) — М.: Аквилон, 2017. Вып. VI. — 294 с.

В VI выпуске периодического издания «Цивилизация и варварство» на материале исторических источников, в широком географическом и хронологическом контексте рассматриваются особенности миропонимания и мироощущения человека варварского мира. Авторы анализируют роль варварской элиты в процессе оцивилизовывания варваров. Кем становился бывший варвар в мире цивилизации? Каким был варварский космос его бытия? Каким приоритетам цивилизации следовал состоявшийся на «чужбине»? Кто и как в разные эпохи формировал образ и портрет варвара? Кто он, «новый варвар», в мире «нового варварства»?

CIVILIZATION AND BARBARITY: the man of the barbarian world and the barbarian world of the man (Part 1) / V.P. Budanova (Ed.). — M.: Aquilo, 2017. Issue VI. — 294 s.

The VIth issue of the yearbook discusses the peculiarities of the world understanding and the world feeling of the man of the barbarian world on the material of historical sources in a broad geographical and chronological context. Authors analyzes the role of the barbarian elite in the process of the civilizing of barbarians. Who was the former barbarian in the world of civilization? What was the barbarian cosmos of his being? What were the priorities of the well-grounded in the foreign land? Who and how formed the image and the portrait of the barbarian? Who is the “new barbarian” in the world of the “new barbarity”?

ISSN 2307–7794

TSIVILIZATSIYA I VARVARSTVO

chelovek varvarskogo mira i varvarkii mir cheloveka (Chast' 1) / V.P. Budanova (Red.). — M.: Akvilon, 2017. Vyp. VI. — 294 s.

© Институт всеобщей истории РАН, 2017
© Цивилизация и варварство, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Аквилон», 2017

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

В.П. Буданова

ВАРВАРСКИЙ МИР В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКА ВАРВАРСКОГО МИРА

Статья посвящена проблеме миропонимания и мироощущения человека варварского мира. В транзитивную эпоху II–VII вв. выходцы из европейского варварского мира, представители его так называемой элиты, варвары-германцы формировали портрет и образ своего мира, выражая его систему ценностей и ментальных установок.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, варвары, варварский мир, Иордан, «Getica», готы, элита, Великое переселение народов, Ойум.

Для начала XXI века характерен особый интерес к варварству, как сквозному состоянию в истории. В настоящее время в условиях глобального ценностного кризиса он уже вышел за академические рамки, имеет важное общественное звучание, в том числе и как вызов цивилизации, и как проблема выживания в обществе, в котором мировосприятие основано на разделении мира. В исторических исследованиях сущностные свойства варварства всегда определялись отличительной природой их носителя — варвара. Прежде уже обра-

БУДАНОВА Вера Павловна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра сравнительной истории и теории цивилизаций Института всеобщей истории РАН, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А. — vpbudanova@yandex.ru

щалось внимание на то, что варвары и варварство, как «тень цивилизации» (термин К.Г. Юнга), отмечены в исторических реалиях каждой цивилизации. Но проявление и природа варварства менялись в зависимости от цивилизации, в рамках которой жил варвар.

Известно, что человека от животного отличает цивилизованность и что степень варварства обратно пропорциональна цивилизованности. Но парадокс заключается в том, что варварство начинается там и тогда, где и когда появляется *Homo sapiens*. И в ситуации, когда нарушается баланс биологических и социальных регулятивов, происходит реанимация варварства, как «животного» атавизма. Важно к тому же обратить внимание и на то, что эволюция человека и развитие цивилизации сопровождались деструктивными процессами инволюции и медленным, но постоянным изошренным обновлением варвара и варварства в направлении все большего усложнения. С исторической точки зрения *инволюция* — это обратное развитие, регресс, отступление, нисходящее движение и переход с более высокого цивилизационного уровня развития на уровень более низкий.

Варвар является социальным существом, он не детерминирован законами биологического вида. В некоторых социальных и гуманитарных исследованиях можно встретить утверждение, что от животного варвар отличается только своими недостатками. Согласно исследованиям биологов и психологов, человек не рождается варваром, но становится им. В качестве единицы культурной информации они предлагают ввести такое понятие как *мем* (подобие). Этот устойчивый материальный или информационный шаблон возникает в результате намеренного действия человека¹. Мемы варварства — это не смешение генов отца и матери, а часть сознательного процесса, направляемого человеком посредством *примера* и *подражания*. Но их воздействие на общество сравнимо с воздействием на человеческий организм закодированных в гене химических инструкций.

Все более настойчиво обозначают варвара философы, подчеркивая презентальную проблематичность варварства. Они не сомне-

¹ Подробнее об этом см.: Чиксентмихайи М. 2017, 153–181.

ваются, кто является варваром, а кто нет. Представлен образ варварства, отражающий пренебрежение созидательного труда, желание отнимать у других, агрессию, стремление к разрушению, потребительское отношение к цивилизации и нежелание оцивилизовываться.

Историки также практически единодушно определяют шаблоны (паттерны) варварства, как деструктивную модель поведения человека в истории. И в дополнение к этому представляется целесообразным также выделить некоторые историко-психологические индикаторы инволюции варвара:

- варварство распространяется через верования, ценности и нормы;
- для выживания варвару необходимы внешние стимулы;
- основой жизнедеятельности варвара является неопределенность, непредсказуемость и негарантированность субъектного бытия человека;
- для выживания варвара характерна доминантная направленность в постоянном стремлении извлекать как можно больше пользы для себя из окружающего мира;
- успехи варвара всегда носят временный характер: вчерашний победитель сегодня может стать побежденным;
- историческая динамика инволюции варвара определяется объединительно-разделительными тенденциями и трендами;
- конечным итогом жизнедеятельности варвара является хаос, беспорядок и энтропия.

Как совокупность форм и способов жизнедеятельности людей, отличающихся от сущностных признаков цивилизованности, варварство включает *поведенческие шаблоны (паттерны), ценности, языки и технологии*. Базовые мемы варварства (*дикость, бескультурье, невежество, жестокость и бесчеловечность*), которые передавались от поколения к поколению посредством примера и подражания, утвердились на этапе перехода от первобытного к классовому обществу, в условиях становления частной собственности, социального неравенства, эксплуатации человека человеком и

власти одних людей над другими. Сложилась модель *классического варварства*, которая была характерна для архаических обществ существовавших бок обок с развитыми цивилизациями, как в Европе, так и в Азии, и активно с ними взаимодействующими. В эпоху Великого переселения (II–VII вв.) проявилось и катализировалось истинное «предназначение» варварства, извлекающего высшую доблесть человека из военного превосходства над другими (грубость, жестокость), а не из трудовых усилий над собой. Мемы варварства раскрылись как стихийно функционирующий социально-исторический показатель кризиса переходной эпохи².

Однако, в «осевое время» Великой миграции, уже с конца II в. начал рушиться привычный мир не только у римлян, но и у тех, кого называли «варварами». Так, варвары-германцы, двигаясь по обширным просторам Европы, Азии и Африки, вступая в различные контакты с другими племенами и народами, меняли свой этносоциальный и потестарный облик. Их мир в ходе миграций нес потери, и выжили, разделяясь и объединяясь, только сильнейшие. В это же время многие из тех, кого принято считать носителями варварства, в социальном и культурном развитии значительно продвинулись и в конце Переселения оказались лидерами уже не только среди «своих», но и среди «чужих» для них римлян. Именно благодаря этим «варварам» Римская империя, разрушенная и униженная, перестала быть Римской империей, но не исчезла окончательно.

Эта рубежная эпоха, время кризиса и бифуркации в истории взаимоотношений Римской средиземноморской цивилизации с многочисленными племенами Барбарикума выработала относительно варваров свое понимание их мироощущения. В период Великой миграции германских, тюркских и славянских племен, пользуясь специфической для своего времени системой мыслительных координат, римская элита, в их числе историки, биографы, хронисты, государственные и политические деятели, дипломаты, ораторы, теологи,

² См., в частности: *Энгельс Ф.* 1980; *Goffart W.* 1980; *Dauje Y.-A.* 1989; *Modernität und Barbarei.* 1996; *Буданова В.П.* 2000; *Ерасов Б.С.* 2002; *Leguay J.-P.* 2002; *Античная цивилизация и варвары.* 2006; *Курбанов М.Г.* 2006, 120–122; *Мотрошилова Н.В.* 2010; *Фергюсон А.* 2010; *Barbero A.* 2011; *Цивилизация и варварство.* 2012–2014. Вып. 1–3.

писатели и поэты, сформировала представление о варварском мире, его системе ценностей и ментальных установок. Однако в плане уточнения и дополнения к реконструкции образа европейского варварского мира нас интересуют, прежде всего, сами выходцы из этого мира, представители его т.н. элиты, в частности, германской элиты, их система представлений. На мой взгляд, она по-прежнему заслуживает, самого пристального внимания историков. И, с учетом предостережения философов, что «...всякое представление является *ограниченным, точным, индивидуальным и конкретным* (курсив наш. — В.Б.)»³, поставим вопросы: Каким варваром был он, родившийся и состоявшийся вне Барбарикума, на «чужбине», сложившийся как личность уже римского мира и наблюдавший процесс передвижения своих соплеменников на просторах Римской империи? В чем заключались приоритеты его миропонимания? Каким был варварский космос его бытия?

Известно, что на протяжении нескольких столетий у германских племен шло формирование как наследственно-родовой, так и военно-служилой знати, среди которой выделялся элитарный слой наиболее энергичных и ярких ее представителей. Это и наиболее активные и ориентированные на власть военные вожди и предводители племен, и те, кто имел в племенном сообществе наиболее высокий престиж, статус и богатство, кто обладал не только формальной, но фактической властью родоплеменных институтов, определявших жизнь племени. Это и творческие люди варварского происхождения, занимавшие достаточно высокое положение в политической, экономической и культурной жизни этого времени, лучшие или наиболее авторитетные представители из разных варварских племен. Такими наиболее яркими фигурами среди *интеллектуальной элиты* германцев были *Аблабий* (?) — автор одной из историй готов⁴, готский историк *Иордан* (ок. 485 – после 551)⁵, уроженец Фриуля лангобард

³ См.: Ивин А.А. 2015, 298.

⁴ См. подробнее: *Wagner N.* 1967; 1971, 40–43; *Hachmann R.* 1970; *Вольфрам Х.* 2003, 40. сн. 36; Ср. *Скардилли П.* 2012, 198–200, который считает Аблабия «фальшивкой» и «чистой выдумкой».

⁵ См., например: *Schirren C.* 1858; *Dahn F.* 1881, 522–526; *Gutschmid A.* 1862, 124–151; 1894, 293–336; *Grienberger Th.* 1889, 406–409; *Werner F.*

Павел Диакон (720–797)⁶ и «войсковая королева», дочь конунга Теодериха, Амаласунта (?–535), которая переводила на греческий язык «Энеиду» Вергилия⁷.

История сохранила нам имена и заметных представителей дисциплинированной, смелой и физически выносливой варварской *военно-служилой элиты*. Среди них выделяется консул, патриций, магистр обеих милиций (*magister utriusque militiae*) Востока, представитель знаменитого в Константинополе и могущественного рода готского или аланского происхождения *Флавий Ардавур Аспар* (431–471)⁸. Это и *Флавий Стилихон* (365–408), полуварвар из вандалов, патриций, *magister utriusque militiae* Запада, также один из крупнейших военачальников, опекун и регент несовершеннолетнего императора Западной Римской империи Гонория⁹. Определенным авторитетом и влиянием пользовался и везегот *Гайна* (?–400 г.), который получил от римлян звание *magister militum*, хотя «не имел происхождения». Оставаясь на уровне «мелкого отрядного командира» (определение Х. Вольфрама), своим выступлением он принудил Константинополь кардинально изменить курс в отношении варваров и Барбарикума. В дальнейшем этот исторический поворот спасет Римскую империю на востоке и ускорит ее катастрофу на западе¹⁰. Заслуживает внимания и такой представитель варварского мира как

1908; Schmidt L. 1934–1938²; Wattenbach W., Levison W. 1952; Giunta F. 1952; Wagner N. 1967; Svennung J. 1969. 71–80; 1972; Hachmann R. 1970; Korkkanen I. 1975; O'Donnell J. J. 1982¹; Thompson E. A. 1982; Goffart W. 1988; Уколова. В. И. 1989; Heather P. 1991; Lenski N. 1995, 51–87; Буданова В. П. 1999; 2000; Вольфрам Х. 2003; Санников. С. В. 2007; 2009; Christinsen A. S. 2002; Шкаренков. П. П. 2009; Teillet S. 2011; Coumert M. 2007; 2016, 816–817.

⁶ См. о нём: Paolo Diacono. 2000; Bougard F. 2016, 1044–1046.

⁷ О современных прочтениях образа Амаласунты см.: Schade K. 2003, 219–224; Knaepen A., Joye S. 2005, 229–257; Nelson J.L., Reynolds S., Johns S.M. 2012, 127–143.

⁸ Новейшую литературу о нем см.: Janniard S. 2016, 258.

⁹ См.: Mazzarino S. 1990; Вольфрам Х. 2003; Heather P. 2010; Lançon B. 2014; 2016a.

¹⁰ Вольфрам Х. 2003; Ср.: Cameron A., Long J. 1993; Lançon B. 2016b.

сын вождя свевов и дочери короля везеготов Валии *Флавий Рицимер* (?–472 г.). Он имел почетный титул консула, патриция, высокое военное звание магистра обеих армий (*magister utriusque militiae*) Запада. Рицимер пользовался неограниченной властью в армии и государстве, был преемником Стилихона, являясь фактическим правителем Западной Римской империи. Волею обстоятельств, выдвигая на престол своих ставленников, этот оцивилизованный варвар фактически стал «делателем королей», создателем императоров¹¹. Ранее магистр обеих армий (*magister utriusque militiae*) Запада франк *Арбогаст* (ок. 388–394) также провозгласил своего бывшего секретаря Евгения римским императором. Этот наемник на римской службе возглавил в 389–393 гг. походы против своих соплеменников франков и, командуя вспомогательными войсками гуннов, аланов и готов, оказал поддержку Евгению (392–394)¹².

К благородному воинскому «сословию» родоплеменной аристократии принадлежала также и такая уникальная, по мнению исследователей, завораживающая личность рубежа IV–V вв. как *Радагайс* (?–406 г.). Он не был признан ни Империей, ни Барбарикумом. Но обладая харизмой «войскового короля», этот «скиф, из так называемых ныне готов», собрал в Барбарикуме многонациональную коалицию и вторгся в Италию (405–406 гг.). И этим маршем фактически открыл границу Галлии. А страх, смятение и растерянность, которые пережили римляне, подтвердили целесообразность окончательного перемещения императорской резиденции и двора Гонория в Равенну¹³.

Обратим внимание, что первым германским военным правителем Италии стал также варвар — *Одоакр* (ок. 433–493), сын вождя скиров Эдики, выполнявшего важные поручения при дворе Аттилы¹⁴. Но это уже представитель романизированной варварской воен-

¹¹ Томпсон Э.А. 2003; Вольфрам Х. 2003; Dumézil Br. 2016a, 1134–1135.

¹² Cameron A. 2011; Dumézil Br. 2016b, 217–218.

¹³ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. 1984; Вольфрам Х. 2003; Хизер П. 2011; Бьюри Дж. Б. 2013.

¹⁴ Удальцова З.В. 1959; Chastagnol A. 1966; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. 1984; Томпсон Э.А. 2003; Вольфрам Х. 2003; Dumézil Br. 2016c, 993–994.

но-служилой элиты. Фактически Италией правил римский офицер, патриций и *magister militum*, который после низложения Ромула Августула отказался от императорского титула и от имени императора Зинона (474–491) управлял Италией. Вместе с тем отметим, что судьба Одоакра логически завершает и отражает крайности обустройства варваров на римской земле. Одоакр — это король без народа, который опирался только на довольно пеструю массу наемников-германцев, собрав их в Паннонии и различных гарнизонах Италии. Романизированная варварская элита все более отчетливо демонстрирует столкновение интересов, приоритетов и противоречий. Среди римских военачальников варварского происхождения после 476 г. растет соперничество, а предательство становится тривиальным и банальным явлением.

В перечне государственных деятелей варварского происхождения история сохранила имена многих амбициозных правителей, которые силой, твердостью характера и дисциплиной утверждали законы и традиции своих племен. Среди известных исторических личностей, которые определяли судьбу Европы на рубеже Античности и Средневековья, можно назвать многих германцев. В этом перечне имен, безусловно король вандалов и аланов *Гейзерих* (428–477)¹⁵. Здесь же консул, патриций и король франков *Хлодвиг* (481–511)¹⁶, король бургундов *Гундобад* (ок. 455–516)¹⁷. В их числе также патриций, *magister militum*, король остготов, основатель Остготского королевства в Италии *Теодерих Великий* (ок. 454–526)¹⁸, наиболее выдающийся из последних остготских правителей, умный политик и талантливый военачальник *Тотила* (?–552)¹⁹, а также ко-

¹⁵ Schmidt L. 1942; Courtois Chr. 1955; Дилигенский Г.Г. 1961; Diesner H.-J. 1966; Todd M. 1980; Буданова В.П. 2000; Merrills A., Miles R. 2014; Modéran Y. 2014; Dumézil Br. 2016; Vössing K. 2014.

¹⁶ Rouche M. 1996; Clovis. 1997; Вольфрам X. 2003; Teillet S. 2011; Dumézil Br. 2016d, 443–446.

¹⁷ Корсунский А. П., Гюнтер Р. 1984; Pohl W. 2002; Kaiser R. 2004.

¹⁸ Schmidt L. 1934; Ensslin W. 1959; Удальцова З.В. 1959; Корсунский А.П., Гюнтер Р. 1984; Heather P. 1991; Mussot-Goulard R. 1999; Томпсон Э.А. 2003; Вольфрам X. 2003;

¹⁹ Удальцова З.В. 1959; История Византии. 1967. Т. 1; Корсунский А.П., Гюнтер Р. 1984; Томпсон Э.А. 2003; Вольфрам X. 2003.

роль вестготов *Леовигильд* (568–586), который стремился объединить под властью Вестготского королевства весь Пиренейский полуостров²⁰.

Известно, что родовая элита германцев формировалась вокруг конунга, власть которого имела не только исполнительно-распорядительный, но и сакральный характер²¹. Предводитель племени был сакральным носителем удачи, мог приносить соплеменникам счастье и процветание. Но если удача от него отворачивалась, он мог навлечь на племя большие беды. Сущность самого человека в эпоху Переселения, по-прежнему, определяла принадлежность к роду, ибо считалось, что род вечен и несокрушим. Родовая элита считалась хранительницей племенных традиций и обычаев предков, была пронизана корпоративными родовыми ценностями. По мере того, как власть превращалась в наследственную, становясь прерогативой одного рода, все чаще проявлялось ожесточенное соперничество, которое часто завершалось военными столкновениями. Место человека в родоплеменном сообществе теперь было определено уже не только его происхождением, но принадлежностью к правящей ветви рода, к ее окружению, или статусом воина.

Военно-служилая элита формировалась не всегда по признаку родовой принадлежности, но чаще всего на основе добровольной верности предводителю. Дружины комплектовались из тех, кто не имел крепких родственных связей и не особенно дорожил родовыми традициями, даже пренебрегал ими. Но в нее входили и люди из знатных семей, которые гордились своим происхождением, древностью рода и, участвуя в военных рейдах, разбоях и грабежах, стремились приумножать славу отцов, выделяясь как воины-профессионалы. В дружине царил закон преданности и беспрекословного подчинения вождю, которым мог быть любой, обладавший способностью лидера, склонный к риску и авантюрам. По мере роста почетности ратного дела и престижа военной добычи, война и воин-

²⁰ Корсунский А.П. 1969; Claude D. 1970; Collins R. 2004; Martin C. 2016.

²¹ Hofler O. 1952; 1956, 75–104; Wenskus R. 1961, 308–424; Schlesinger W. 1963, 56–59; Колесницкий Н.Ф. 1985, 5–26; Ср. Wolfram H. 1968.

ская слава стимулировали появление новых дружин и пополнение состава военно-служилой элиты²².

И вновь стоит обратить внимание, что именно германская элита выступила творцом и носителем менталитета германского варварского мира. Деление ее на элиту по происхождению и элиту по заслугам — а они находились то в союзе, то в жестокой конкуренции за власть и авторитет — не могло не породить различий в восприятии германцами и окружающего мира, и изменения ценностных ориентаций, и трансформации племенных традиций. Тем более что носителем и выразителем этих ценностей была, в первую очередь, сама элита. Рожденная в ходе миграций служилая германская элита впитывала идеи и принципы «римского мифа», отчасти подражая, стремясь следовать ему в ходе обустройства т.н. «варварских королевств».

В ходе переселения конунги и вожди варваров, согласно юридическому статусу размещения на римской территории, стремительно приближались и входили в римскую власть. Их манило тщеславное желание стать всесильными властителями и распространить свое господство на известный им круг земель. Возможно, «римский миф» будоражил память представителей германской элиты, и некоторым удавалось на какой-то срок объединить под своей властью территории и народы, входившие раньше в Римскую империю. Опыт героических и трагических взаимоотношений с Римом, а также особенности германского менталитета, укрепляли в их сознании «идею империи» благодаря притягательности самого образа Римской цивилизации. Германцы хотели не просто быть властителями, но быть коронованными, получить все знаки императорского достоинства, носить императорский титул. Эта красивая романизированная мечта выступала как бы новым воплощением стремления древнего германца к достижению «обетованной земли».

В эпоху Великого переселения народов «идея земли» и характер владения племенем какой-либо территорией оказывал значительное влияние на этногенез германцев, их взаимоотношения с дру-

²² *Schlesinger W.* 1953, 225–275; *Kuhn H.* 1956, 1–83; *Kristensen A.* 1983; *Глушанин Е.П.* 1991.

гими племенами. Конфликты, связанные с захватом престижных по меркам варварского мира земель, были весьма типичны для эпохи Переселения. Племенная элитарность также непосредственно связана с землей обитания, с характером владения племенными элитами определенной территории, которое не могло быть стабильным, учитывая миграционные тенденции. Но земли, вошедшие в сферу интересов того или иного племени становились центрами этнической консолидации и духовной жизни племен, поляризуя вокруг себя население и представляя собой символ его единения.

Отношение к территории обитания у германцев изначально выходило за рамки только «потребительского»: плодородная земля, богатые охотничьи угодья, земля труднодоступная для нападения врагов и т.д. Хотя все эти качества, и об этом свидетельствуют многочисленные источники, разумеется, также не исключались и играли важнейшую роль²³. Но, тем не менее, для них земля — это не только объект владения, не только источник материальных благ, но и не меньшей степени «душа», «сайвала», объект духовного почитания и трепета. Тацит, Аммиан Марцеллин, Иордан, Григорий Турский и другие авторы подтверждают эту сложную духовную связь²⁴. Об этом свидетельствуют и этнонимы германских племен. Многие из германцев назывались по конкретным ландшафтным признакам, а семантика многих этнонимов отражала природные особенности и специфику земель обитания племени²⁵.

Духовная связь с землей обитания, ее природой ярко отразилась и в религиозных верованиях германцев. Человеческие существа предстают в них порожденными живой силой земли. Германцы поклонялись Нертус, Матери-Земле и полагали, что она вмешивается в

²³ Так, например, как сообщает Видукинд, германцы всегда ценили «землю обширную и плодородную» (*Видукинд Корвейский*. 1975. I. 8). По мнению Григория Турского, их восхищали и «лесистые горные местности» (*Greg. Tur. Hist. Franc. II. 9*).

²⁴ *Tacit. Germ.* 9, 39, 40; *Amm. Marcell.*, XXXI; *Iord. Get.* 97–99, 134, 153, 154; *Greg. Tur. Hist. Franc. II. 4, 9, 12; IV. 14*.

²⁵ См., напр., *Anglii* — «угол», *Marcomanni* — «граница, рубеж, пограничная область», *Greutungi* — «галечные готы», *Tervingi* — «лесные готы» (*Wenskus R.* 1961, 61; *Агеева Р.А.* 1990, 72–75, 92; *Буданова В.П.* 2000).

жизнь людей, объезжая земли своего народа в повозке, запряженной коровами. Для племен германского Барбарикума характерен культ растительного мира. После военных сражений свои знаки и знамена воины несли на хранение в священные рощи, регулярно собираясь в этих освященных временем местах. Тацит сообщает,

...что «в установленный день представители всех связанных с ними по крови... сходятся в лес, почитаемый ими священным, поскольку в нем их предкам были даны прорицания и он издревле внушал им трепет» (*Tacit. Germ.*, 39. Здесь и далее цит. в пер. Г.С. Кнабе).

В мифологизированном мышлении германца эпохи переселения особо почитались деревья. По всей вероятности германцы избегали степных пространств и, мигрируя, на степных просторах подолгу не задерживались. Священные места на открытой местности отмечались «майскими деревьями», деревянными колоннами и пирамидами из камней.

Наличие подобного отношения к земле обитания отражало и определенный уровень этнического самосознания германцев, в котором пока еще отсутствовало пространственное представление о себе, как о территориально организованной политической общности. У восточных германцев оно возникло лишь в IV в. и было связано с «Готией», областью расселения везеготов, возглавляемых конунгом Атанарихом²⁶. У западных германцев этнополитическое самосознание сформировалось значительно позже — в VI–VIII вв.²⁷. И только с этого времени в сочинениях Исидора Севильского, Григория Турского, Фредегара встречаются такие определения как *terra Francorum*, *limes Alamannorum*, *patria Gothorum*²⁸.

²⁶ *Oros.* I. 2, 53; VII. 43, 5; *Epiphan. Lib. de XII gemm.* Col. 338; *idem. Adv. haer.* Col. 372–373; *Augustin. De civ. Dei.* XVII. 52; *Iord. Get.*, 83. Топоним «Готия» претерпел сложную эволюцию. В IV в. так называлась часть провинции Дакии. В V в. «Готия» стала отождествляться со всей Дакией (*Thompson E. A.* 1966, 39–40; *Wolfram H.* 1975, 1–4; *Chrysos E.K.* 1973, 52–55). В VI в. это тождество усложнилось: Дакия — Готия — Гепидия (*Svennung J.* 1967, 28–32).

²⁷ *Ронин В.К.* 1989, 69.

²⁸ *Greg. Tur. Hist. Franc.* IX. 20; *Fredeg. Chron.* IV. 72, 74, 75; *Isid. Hist.*

Изменение, в ходе миграций племенных территорий, вероятно, постепенно вело германцев и к трансформации отношения к месту обитания. Первоначально они рассматривали свое новое местожительство как временное и локализовали свою «настоящую» племенную территорию там, где проходили пути их легендарных предков. Возможно, как герулы, они мечтали вернуться на родину, чувствуя духовную связь с ней, которая укреплялась в устных преданиях, в обладании некоторыми «священными» предметами, бережно хранившимися в сокровищницах конунгов, в песнях, танцах и племенных ритуалах. Но с образованием т.н. «варварских королевств», германцы стали воспринимать новые территории как свои собственные (исключая, пожалуй, лангобардов), хотя, однако, и помнили о прежней жизни в другом месте. Чувство общности с землей предков постепенно атрофировалось, и возникали другие мифологические связи с новой землей обитания. Да и сам термин *patria* в источниках времени «варварских королевств» уже не соотносился с исторической прародиной германских племен, а обозначал, как правило, то место, где в данный момент проживало племя. Наиболее четко эту формулу выразил Алкуин: *nostra gens, nostra patria*²⁹.

Выразителем духовного отношения и почитания исконной земли обитания была, прежде всего, наследственно-родовая элита. Она стремилась стоять на страже племенных традиций, ибо традиции эти составляли основу ее авторитета. И в то же время изнурительные миграционные передвижения, рост межплеменных конфликтов, многочисленные рейды и походы дружин в римские провинции, сопровождаясь неудачным переселением некоторых племен в пределы империи, отрывали германцев от родной земли. В ходе этих сложных передвижений, по всей вероятности, и родилась идея желанной сказочной земли (*optatum solum*), которая у восточных германцев нашла отражение в образе Ойум.

В странствие пускаются по разным причинам. Это мог быть и уход от конфликта с соседями, бегство от холода и наводнения, в поисках хлеба насущного, желание богатой добычи и славы. И это обычная мотивация всех миграций, в том числе и германских II–VII

²⁹ *Buchner R.* 1968, 574.

веков. Необходимо сразу же отметить, что передвижение в иные земли с целями, говоря современным языком, материального характера, были достаточно распространенными. Однако только у восточных германцев это движение было освящено некой идеальной целью. Такой целью–сказкой, целью–легендой выступала «желанная земля» Ойум. Подробный рассказ о ней встречается только у готского историка VI в. Иордана³⁰. Современные историки все чаще сопоставляют Ойум с мифической страной восточных славян — Вырием — южным краем, волшебной страной, откуда приходит весна.

Но все же, как бы не была важна дискуссия о местоположении *optatum solum* Ойум, значение этого феномена совершенно в другом. Идея поисков целым племенем источающей южное изобилие страны Ойум появилась у восточных германцев, видимо, не случайно. Ее возникновение совпало с началом их активного передвижения. По мнению исследователей, восточные германцы уже тогда находились на более высокой ступени этнической и социальной организации, чем их западные сородичи, например, франки или аламанны. У них активно шли процессы сближения наследственно-родовой и военно-

³⁰ Иордан упоминает Ойум дважды, и в первом случае говорит о том, что «в поисках удобнейших областей и подходящих мест для поселения Филимер (предводитель готов — *В.Б.*) пришел в земли Скифии, которые на языке готов назывались Ойум» (*Iord. Get.* 27). Далее он вновь вспоминает об Ойум, отмечая, что «часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, как говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей» (*Iord. Get.* 28). Имя Ойум интриговало исследователей. Они искали ее в Полесье, на Днестре, возле Киева, в днепровских («Гилея» Геродота) и дунайских плавнях. Подробнее о локализации Ойум см. *Буданова В.П.* 1999, 94. Весьма перспективной для дальнейших исследований представляется гипотеза В.И. Топорова. Не отрицая важности попыток установления конкретного местонахождения Ойум, он обратил внимание на то, что словом «Ойум» в разное время готы могли обозначать разные места, расценивавшиеся ими в качестве *optatum solum* — «желанной земли» (*Топоров В.Н.* 1984, 128–142). Поскольку слово «Ойум» готского происхождения (*Aiþjom*) и восходит к древнегерманскому *ahwo* — «вода» (*Топоров В.Н.* 1984, 130. Ср. *Анфертьев А.Н.* 1991, 116–117, 148), предполагалось, что это могла быть южная страна, изобилующая водой, или окруженная ею, что надежно защищало от врагов.

служилой знати, интересы которых все чаще не вступали в противоречие, а совпадали³¹. Вероятнее всего возглавила миграцию племени к *optatum solum* элита военно-служилой знати. Идея достичь Ойум могла быть близка ей как символ-призыв, укрепляющий ее власть и авторитет. Родовая элита была в большей степени духовно привязана к землям исконного обитания. Идея движения к «желанной земле» вряд ли могла найти в ее среде широкое распространение и признание, особенно в самом начале миграции, если только какие-то события на исконных землях не подрывали основы ее элитарности (оскудение земель, набеги других племен и т.д.).

Но, все же, в идее Ойум было нечто приемлемое и для традиционно мыслящей родоплеменной элиты. Само представление об Ойум, пусть даже в виде легендарной земли, заключало в себе некий образ той реальной земли обитания предков, которую знали германцы. Ойум — это не только богатые и плодородные земли. По словам Иордана, эта «местность, замкнутая, окруженная зыбкими болотами и омутами», восхищала «великим обилием тех краев (*Iord. Get. 27*), будто взывая к тоске германцев об идеальном мире Готланда прошлого³². Пожалуй, самое существенное в феномене Ойум состоит в том, что этот мифологизированный образ объединил мечты и желания рядовых германцев, конунгов, вождей военных дружин, всех представителей знати. «Желанная земля» Ойум связывала прошлое и

³¹ Wolfram H. 1982, 53–64; Топоров В.Н. 1983, 231.

³² Представление об Ойум настолько естественно вошло в духовную традицию германской элиты, что даже в VI в., описывая Равенну, ставшую столицей Остготского королевства, Иордан строит свое описание сквозь призму системы образов, связанных с «желанной землей». Он подчеркивает, что «этот город открыт всего только одному подступу» (*Iord. Get. 27*), находясь между болотами, морем и течением реки Пада, что Равенна «наподобие острова заключена в разливе текущих вод» (*Iord. Get. 148–149*) и в ней «есть земли, покрытые обширнейшим садом, полным деревьев» (*Iord. Get. 151*). В этом описании Равенны Е.Ч. Скржинская видела некоторое сходство с образом, данным Кассиодором в одном из писем собрания «*Variae*» (*Иордан. 1997, 291*). Иордан не преминул заметить также, что Пад называют «царем рек италийской земли» (*Iord. Get. 150*). Таким образом, в описании местоположения Равенны эпическое пространство как бы накладывается на пространство реальное.

настоящее племени с его планами на будущее. И этот сказочный образ на протяжении нескольких веков наполнял жизнь восточных германцев героическим пафосом.

Отметим и то, что идея Ойум консолидировала племена, выходя за узкие этнические рамки. В ходе движения к Ойум этническая принадлежность примкнувших к миграции-походу уже не имела сколько-нибудь весомого значения. И необходимо было всего только разделять основные цели и задачи миграционного марша, подчиняться вождям и предводителям. Соблюдая это, можно было рассчитывать на включение в *exercitus Gothorum* и, учитывая заслуги, получить шанс попасть в элиту лицам неготского и даже негерманского происхождения.

Итак, отношение германцев к территории, на которой проживало племя, трансформировалось, также как менялось место их обитания в ходе миграций. В системе представлений восточных германцев-готов земля Ойум явилась промежуточным звеном, вытесняя почитание земли предков и признавая первостепенной ценностью ту территорию, которой в данный момент владело племя. Параллельно шел процесс эволюции знати германских племен, от преимущественно родоплеменной, к элите первых «варварских королевств», где происхождение являлось лишь одним из критериев аристократизма. Промежуточным этапом в этом процессе стало усиление военно-служилой элиты. И эта синхронность не случайна. Эволюция германских племенных элит вызвала к жизни идею Ойум, которая в свою очередь активно влияла на систему ценностей и изменение самих элит.

Помимо представлений о земле, реальной или идеальной, ментальные особенности варварского мира германцев отразились и в так называемом «готском мифе». Его выразителем стал Иордан, один «из наиболее замечательных авторов эпохи раннего европейского средневековья» (определение Е.Ч.Скржинской)³³. Но прежде чем рассматривать «готский миф», стоит пристальнее присмотреться к его создателю. На мой взгляд, это, пожалуй, один из самых уникальных историков рубежа Античности и Средневековья, который у со-

³³ Иордан. 1997, 9.

временного исследователя часто вызывает смешанные чувства. Филологи, но в большей степени историки, читая главный труд Иордана «Гетику», одновременно испытывают смешанные чувства восхищения и недоумения, восторга, а порой и профессионально раздражения. Работая с «Гетикой», постоянно хочется задать автору вопрос — «Но почему пишешь *так* «тяжело, вязко и скучно» (определение Е.Ч. Скржинской)? И возникает еще серия вопросов куда более сложных. Действительно, был ли *он*, Иордан, человеком варварского мира? Человеком *какого* варварского мира? Если он варвар, то, что составляло *его* варварский мир? И был ли это его *особый* мир? Как этот мир *отразился* в его трудах? Композиционные изъяны и стилистика «Гетики» — это свидетельство *необразованности* (agrammatus), неудачного сочетания автором *выдумки* (inventio), *подражания* (imitatio) и *умолчания* (silentio)? Или это *позиция* сдержанной энергии человека в условиях общей смуты, ненависти, страха, лжи, предательства и лицемерия? Отражают ли выживание и личная безопасность его *представления* о варварском мире?

Исследовательски добротные результаты историко-филологического анализа биографии и наследия Иордана показывают, что для историков Иордан уникальный автор, но как писатель не очень интересный и не очень талантливый³⁴. Острогот по происхождению, из знатного, но не правящего рода, детство и юность провел в гот-аланской среде Нижнего Дуная. Считается, что его родным языком была придунайская латынь, но Иордан знал и греческий, разговоры на котором слышал, проживая в Нижней Мёзии и Фракии. И хотя регулярного школьного образования не получил, не изучал «тривию» (грамматика, риторика, логика), но был достаточно грамотен, обучен письму и составлению по определенным правилам грамот. Значительным запасом широких познаний Иордан овладел, занимаясь самостоятельно, читая труды античных историков, географов и хронистов. Находясь на византийской службе, состоял нотарием у крупного военачальника Гунтигиса Базы. За короткий период служ-

³⁴ См., например: Schmidt L. 1934–1938²; Wagner N. 1967; Svennung J. 1969. 71–80; 1972; Hachmann R. 1970; Lenski N. 1995, 51–87; Вольфрам Х. 2003; Christinsen A.S. 2002; Teillet S. 2011; Coumert M. 2007; 2016, 816–817.

бы у Гунтигиса, который принадлежал к знатному готскому роду Амалов, обрел связи в Италии и столице Остготского королевства Равенне. Еще в Мёзии, находясь среди «малых готов», Иордан принял христианство в арианском толковании, но, после переезда в Италию, вероятно, после 538 г., стал приверженцем христианства ортодоксального толка. В Равенне входил в группу лиц, называемых *religiosi*, которые, соблюдая некоторые правила монашеской жизни, оставались мирянами.

Удалившись от государственных дел, этот достаточно скромный, на первый взгляд без особых амбиций человек, как было принято в его время, предался литературным занятиям. В 550 / 551 гг., находясь в Равенне, он по настоянию своего друга крупного должностного лица Вигилия начал писать труд «О сумме времен, или о происхождении и деяниях римского народа» («*De summa temporum uel origine actibusque gentis Romanorum*») (сокр. «*Romana*»). Но по просьбе Касталия также одного из своих друзей внезапно прервал работу и принялся за спешное написание/составление другого сочинения — «О происхождении и деяниях гетов» («*De origine actibusque Getarum*») (сокр. «*Getica*»). В исследовательском дискурсе «Гетика» занимает особое место благодаря объёму и разнообразию содержания, ценности информации, спорности в науке связанной с ней проблематики, а также по особой популярности у историков, этнологов, филологов и археологов. По замыслу она должна была представлять собой краткое изложение 12-томной (утерянной впоследствии) «Истории готов» Кассиодора с привлечением сочинений греческих и римских историков. «История готов» тайно хранилась в одном экземпляре в Равенне, где чаще всего жил Кассиодор, находясь в ведении его диспенсатора (управляющего). От него Иордан, выполняя заказ Касталия, получил это сочинение, чтобы освежить в памяти историю готов и передать ее «своими словами»³⁵.

За 3 дня он перечитал 12 книг, а затем в большой спешке в короткий срок сделал эксцерпт этого сочинения. Следует обратить внимание на то, что «История готов» Кассиодора имела целью показать римским подданным Теодериха, что у остроготов не менее

³⁵ *Iord. Get. 1.*

древняя и славная история, чем у римлян. Этим утверждалось право готов на полную независимость Остготского королевства. Сочинение Кассиодора позиционировало *противопоставление* Остготского королевства Византийской империи и отход от нее Италии. Также важно иметь в виду и то, что, восстанавливая древнюю историю готов и окружая ореолом величия королевский дом Амалов, Кассиодор не останавливался ни перед какими вымышленными комбинациями. Он приписывал готам историю гетов, скифов, фракийцев, сознательно совершил ряд фантастических реконструкций и анахронистических построений. Нельзя не заметить и то, что с сочинением Кассиодора Иордан имел возможность ознакомиться ещё до изменения политической ситуации в королевстве остготовов. Когда войска императора Юстиниана завершали завоевание остготской Италии, было необходимо, с точки зрения римской и части остготской знати, преклониться перед византийским императором и отмежеваться от тех готов, которые ещё боролись против него.

В «Гетике» Иордан, следуя Кассиодору, в то же время, *не противопоставляет*, а *сопоставляет* историю готов и римлян. Он не разграничивал *Pax Romana* и *Pax barbaria*, ибо для него эти миры взаимосвязаны, неразделимы и представляют единый *totus terrae* или *orbis terrae*. Конечно, в этом земном круге пространство *reipublicae Romanae* безусловно доминирует, лишь однажды ему противопоставляется *barbariae tota*³⁶. Изложение «Гетики» и общая логика повествования выстраивались в рамках модели римской системы ценностей. Война, как почетное дело, достойное римского гражданина, представлена основным средством решения всех проблем. Вся жизнь варварского племенного мира подчинена военным задачам. Ведя рассказ о тех или иных событиях, Иордан постоянно меняет противников, показывает разные масштабы военных действий, различные способы ведения войн, отмечает различные их цели и результаты, но война остается самым почетным, достойным занятием и «престижной» работой: можно прославиться, сделать карьеру и обогатиться. Известно, что Римская цивилизация определяла поло-

³⁶ *Iord. Get.* 179. Также однажды, в связи с вандалами, в «Гетике» упоминается *лимес*, в значении границы между Римской (ромейской) цивилизацией и варварским миром (*Iord. Get.* 113, *ad nostrum limes*).

жение человека, исходя из его вклада в «общее дело». Иерархия племен, народов, а также значение той или иной личности выстраивается в «Гетике» по соответствующей модели: что сделано предками и самим человеком, родом или племенем. При этом подчеркивались именно те достоинства, которые способствовали достижению определенных побед или процветания племени. Римская ментальность рассматривала «общую пользу» как пользу каждого. В изложении Иордана чем могущественнее становились готы, тем более они возвышались над другими народами. И это позволило ему поставить их в один ряд с римлянами и утверждать: римляне и везеготы *primas mundi gentes*³⁷.

Закон почитался римлянами как высшее связующее начало. Иордан различает тех, которые живут *inhabitant ritu beluino* или в соответствии с природой, по собственным законам (*naturaliter propriis legibus*) и тех, которые отважились подчиниться римским законам³⁸. И народы, вставшие на этот путь, согласно Иордану, уже не *advene et peregrini*, но *cives et domini*. Конунгов «варварских королевств» он оценивает по тому, руководствовались ли они законами во имя общего блага рода или племени или удовлетворялись своими капризами.

Римская ментальность включала «римский миф» о доблести (*virtus*) римлян, создавших величие государства, а также императорский культ и исключительное место «первого лица» в делах государства. Утверждение божественной, сверхчеловеческой природы императорской власти коснулось и персонажей «Гетики». Иордан пишет, что император — это *terrenus deus*, для которого характерны ум (*ingenium*), доблесть (*virtus*) и благоразумие (*consilium*)³⁹, так же как для готских конунгов доблесть и благородство происхождения (*virtutis et generis nobilitate*)⁴⁰. Конунги готов выступают знаком высшей «харизматической» справедливости. Они потому и справедливы, что почитаемы. Это, например, отличавшиеся «доблестью и благородством» (*virtutis et nobilitatis*) Геберих, «умом и доблестью»

³⁷ *Iord. Get.* 182.

³⁸ *Iord. Get.* 23, 69, 116, 131.

³⁹ *Iord. Get.* 139, 143.

⁴⁰ *Iord. Get.* 174.

(*prudentia et virtute*) Эрманарих, «строгий и благоразумный» (*destrictus et prudens*) Валия⁴¹. Образ вождя — лидера готов у Иордана включает не только право на хранение родовых традиций, но и «присвоенное» право на генеалогию, что лишало «происхождения» остальных. Так, в «Гетике» «римский миф» постепенно сопоставляясь, вытеснялся «готским мифом».

Впоследствии по мере убывания варварства и приращения цивилизованности представление о «святости» короля укреплялось представлением о долге верности. Иордан один из первых обратил внимание на то, что уже римляне выделяли готов не столько в роли завоевателей, сколько в силу того, что они проявляли интерес к культуре и традициям римского государства, который был не свойственен другим племенам. Готы были самыми образованными (*sapientiores*), «человечными и цивилизованными» (*humaniores et prudentiores*)⁴². Они единственные среди других варварских племен пробовали приобщиться к римской культуре и наукам⁴³.

В римской системе ценностей особенную роль играла связь статусов, социальных ролей, *ordines*, с некоторыми видами деятельности. Имела место иерархия статусов, основанная на общественных функциях, военно-политических и социальных ролях. Статус «федератов» выделен Иорданом у готов как их основная социальная ниша в пределах Империи. Благодаря этому готы заняли ведущее положение в управлении государством, окончательно превратившись в «народ-войско», став *milites regni*⁴⁴.

Язык цивилизации, в том числе и римской, является одним из важных компонентов ее развития. Он выступает средством освоения информационного поля цивилизации, носителем системы идей, ценностей и норм, средством коммуникации и самоидентификации данной цивилизации. В «Гетике», когда речь идет о племенах вне римского мира, Иордан отмечает их внешние отличия, особенности этнонимов, но нигде не говорит о наличии языкового барьера между племенами. Лишь в пределах римского цивилизационного простран-

⁴¹ *Iord. Get.* 112, 120, 164.

⁴² *Iord. Get.* 40, 42.

⁴³ *Iord. Get.* 69–72.

⁴⁴ *Iord. Get.* 89, 112, 132, 141, 145, 165.

ства он выделяет язык как фактор, способствующий или препятствующий «вхождению» варваров в римский мир. Здесь впервые появляется определение «племени своего языка»⁴⁵ как и осознание того, что для приобщения к христианским ценностям готам требовались «наставники на их языке»⁴⁶.

Итак, Иордан в «Гетике» фактически завершил оформление основных положений «готского мифа». *Во-первых*, высшей ценностью и ориентиром выступает племя (*gens*), которому предназначено вечное странствие в поисках земли Ойум и господство над другими народами, быть *primas mundi gentes*. *Во-вторых*, народ (*populus*) готов, проходя через тяжелые испытания и потери, приобретает человечность и просвещенность (*humaniores et prudentiores*). *В-третьих*, предводители и вожди готов отмечены доблестью и благородством происхождения (*virtutis et generis nobilitate*), им предназначено преумножать славу предков во имя готского величия.

Потребность появления «готского мифа» была обусловлена тем, что в период становления «больших племен» (II–IV вв.) происходило быстрое и радикальное оформление их этнической идентичности. Преодолевался разрыв между римлянами, которые оставались *cives et domini* и варварскими племенами, осознававшими себя *advene et peregrini* или консимилированными римлянами. Письменная традиция до VI в. продолжала сохранять представление о «ситуативной готскости» и готском этноцентризме. Но собирательный образ исключительности готов, их латентного потенциала формировала не только греко-римская интеллектуальная элита, но и выходец из Барбарикума, автор готского варианта всемирной истории, создатель «готской мифа» — Иордан. Стереотипы готского превосходства и готской приниженности, мифологизированное представление о «готскости», обостренное отношение к традиции, нарастающая активность индивида позиционировались как *incolume* и *victores* варварского мира.

Так величие готов в «готском мифе» детерминировалось наследием, а устойчивый культ их исключительности основывался на архетипе предковости и особой харизматичной миссии племён. Из

⁴⁵ *Iord. Get.* 133 (*linguae huius nationem*).

⁴⁶ *Iord. Get.* 131 (*doctores linguae suae*).

обилия образов, имен и деяний экономная устная память варварских племён сохраняла то, что подпитывало проект их исторических претензий, их желанного будущего. Формирование готской идентичности выстраивалось на оси «восходящих» процессов. К ним можно отнести, прежде всего, победы, завоевания, дипломатические успехи, романизацию, *conversio* отдельных лидеров. Но вектор сплочения готских племен, их этническая консолидация находились в зависимости и от «нисходящих» изменений. В их числе поражения, гибель народов, правителей, потери, бедствия, моральный разлад, дезориентация. В варварском локале Великих миграций готы последовательно транслировали изменчивость, неустойчивость и подвижность *Barbaricum solum*. Они наполняли новым смыслом само понимание движения, как изменения, как проявления стихийной и неистребимой жизненной энергии. Выражая вектор восходящей качественной преобразовательности, имя готов притягивало племена к своим победам (*suīs applicavere victoriis*). Этот ценностный идентитет выражал осознанную или неосознанную интенцию на принадлежность к готской общности. Рождённый в ходе миграций II–VII веков «готский миф» утверждал актуально освоенную варварским миром формулу — *Gothi superiores inventi sunt* (готы имели преимущества). Присоединяясь к готским победам и достижениям, племена утверждали тем самым величие и высокое мнение (*magna opinio*) готов.

Миграции и передвижения в Барбарикуме между «началом» (I в. н.э.) и «концом» (VIII в.) обозначили модус времени Переселения с его непредсказуемостью и ненадежностью. В «Гетике» Иордан невольно отразил мобилизационное время, исторический формажор великих миграций. Их история описана неравномерно и неравноценно, с восхождениями и падениями престижа варварского мира, многочисленными скрытыми противоречиями, способствующими хаотизации. Варварские передвижения порождали бесперспективность, депрессивность, страх, отчаяние, смутное предчувствие безвременья не только у римлян в центре цивилизации, но, вероятно, и у варваров.

Важно и другое. На примере готов Иордан выразил в «Гетике» свое представление о варварской хабикуализации римской территории, показал динамику мотивации переселений. Так, первые поколе-

ния начавших свое движение к границам Римской империи считали, что путь в «крайнюю часть Скифии», поиски Ойум — *это их выбор и их решение*. Но уже представители следующих поколений готских мигрантов, вторгаясь в римские пределы, ссылались на то, что *так делали их предки*. Для поколения готов, которые уже обустроились на территории римского государства, считалось нормой убеждение в том, что *так и должно быть*. Сам же Иордан принадлежал к тому поколению готов, которое верило в то, что их пребывание в Италии, в центре римской цивилизации — это реальность и *так существует мир*.

Этапы готских миграций в Восточных Карпатах, Приазовье, Подунавье, а также на просторах Италии, Испании и Южной Франции разрушали римскую концепцию границ цивилизованного мира. Готский миграционный пояс скрепил Рим и Барбарикум от Скандинавии до Малой Азии, от Иберийского полуострова до Кавказа в единое транзитивное пространство с его неоднородностью и безграничностью. Мифопоэтическая традиция готов об Ойум, которую передал Иордан, выразила многозначность, бесконечность и сказочность пространства через коллективный опыт переселений одного из варварских племён, познавшего фактическую экстерриториальность.

В «Гетике» Иордан невольно раскрыл механизм самоутверждения рода Амалов, показал, как будучи федератами *Rex Romana*, и подчиняясь племенным традициям, коллективной воле и усиливающемуся диктату власти вождей и конунгов, все больше людей стремилось реализовывать свой потенциал. В итоге «римский миф» медленно вытеснялся готским, но с осознанием престижа и превосходства римского государства, с которым остготы находились в противостоянии не одну сотню лет. Уже на римской службе в Италии остготы создали радикально консервативное государство как подражание римскому государству, и поэтому обреченное. Миграционная активность, мобильность и системная «включенность в Рим» из компонентов способствующих этнополитической консолидации и соединению остготов превратились в факторы нестабильности. Выживание и безопасность уже не были для остготов единственными важными целями. Власть и слава, которую они стремились получить и получали от Римской империи, их разъединяла.

Исходя из византийско-верноподданнического замысла своего сочинения, Иордан достаточно настойчиво проводил в «Гетике» мысль о том, что готы смогут обеспечить свое благоденствие только путем мирного включения в Римскую империю. И даже когда подчеркивались заслуги и доблести готов, он не забывал снимать напряжение римско-готских противоречий, показывая давность союзных отношений между готами и римлянами. В тех случаях, когда остроту отношений скрыть не удавалось, Иордан прибегал к довольно распространенным приемам — отсылкам к устным источникам информации, ссылкам на устную традицию и умолчание. Целесообразно обратить внимание, что их использование не только дань литературного приема европейского раннесредневекового историописания. Находясь в довольно щекотливых обстоятельствах, Иордан, будучи остроготом и присутствуя на погребении своего королевства, вынужден петь дифирамбы его погубителю Византии.

В «Гетике», по мнению исследователей, сохранились следы поспешности, композиционной путаницы и алогичности. Как сокращенная «История готов» Кассиодора, дополненная Иорданом информацией из трудов греческих и римских авторов, «Гетика» безусловно является компилятивным сочинением⁴⁷. Иордан постоянно ссылаясь на письменную традицию⁴⁸, на то, что он следует сказанному старшими писателями⁴⁹. Однако, он собрал в «Гетике» не только то, что прочел, но и *узнал* (курсив.— В.Б.)⁵⁰, не только то, что пишут, но и *рассказывают* (курсив.— В.Б.)⁵¹. Устным свидетельствам уделено большое внимание. Разговоры, слухи, молва занимают значительное место в его сочинении. Такие рассказы предваряются словами «говорят» (*fertur*), «рассказывают» (*dicitur, referuntur*). Ссылки на молву и слухи Иордан вводит в «Гетику» оборотами «как

⁴⁷ *Iord. Get.* 4, 121: ...ut refert Orosius; *Ib.* 58: ...Orosio Paulo dicente; *Ib.* 10: ...ut refert Libanius; *Ib.* 12: ...refert Strabo; *Ib.* 117, 254: ...ut Priscus refert.

⁴⁸ *Iord. Get.* 38: ...legimus habitasse.

⁴⁹ *Iord. Get.* 148: ...ut tradunt maiores; *Ib.* 245: ...maiorum sequens dicta revolvit; *Ib.* 316: ...maiorum secutum scriptis.

⁵⁰ *Iord. Get.* 316: ...legi et comperi.

⁵¹ *Iord. Get.* 316: ...scribuntur aut referuntur.

говорит кто-то» (*ut quidam ait*), «молва доносит» (*fama refert*). Изредка Иордан определяет информантов устных рассказов как *quidam*, *nonnulli*, *maiores*, *seniores*. Устные свидетельства «привязаны» к описанию Пиренейского полуострова (*Get.* 7), Британии (*Get.* 10), рассказу о Готискандзе (*Get.* 26), характеристике Ойум (*Get.* 27–28), повествованию о переправе готов Филимера и обрушении моста (*Get.* 27). Используя молву и слухи, Иордан рассказывает о трёх местах расселения готов (*Get.* 38), сообщает о войне египетского царя Весозиса со скифами (*Get.* 44), о помощнике Бурвисты Дикинее (*Get.* 72), описывает вторжения и разорения Анхиала (*Get.* 109). Он явно не пренебрегает молвой и о Каталаунском сражении (*Get.* 213, 217), о подчинении остроготовов власти Атилы (*Get.* 253), принимает во внимание и разговоры среди народа готов о деятельности Ульфила (*Get.* 267).

Вслед за Кассиодором Иордан разместил в «Гетике» значительный пласт «переселенческой саги». Эпическая традиция племенных преданий сохранилась в памяти готов вплоть до VI в. Возможно в реликтовом виде племенные предания были востребованы либо Аблабием, либо Кассиодором и актуализированы Иорданом в средневековой письменной традиции. Племенные предания оказались настолько жизнеспособными, что в зависимости от конкретных исторических условий наполнялись различным содержанием. Согласно преданию (*memorantur*) Иордан описывает выход готов из Скандзы⁵², в древних их песнях⁵³ находит сведения о движении в крайнюю часть Скифии. На основании басен, сказаний, песнопений, старушечьих рассказов (*fabulus cantiones*) он составляет картину трех мест расселения готов после их переселения на юг⁵⁴. Опираясь на рассказы своих современников, услышанные от предков⁵⁵, Иордан напоминает предание о непреходящей гото-вандальской вражде. Подробности и детали готских сказаний Иордана мало занимали, что вызывает в историографии неоднозначную оценку «Гетики». Для него важен был сам факт существования в обществе представлений

⁵² *Iord. Get.* 25.

⁵³ *Iord. Get.* 28: ...in priscis eorum carminibus...

⁵⁴ *Iord. Get.* 38.

⁵⁵ *Iord. Get.* 162: ...ex relatione maiorum suorum.

о готской переселенческой традиции, общих настроений, стереотипах и эмоциях, опираясь на которые и был реализован основной замысел «Гетики». В процессе аккультурации готов в римских пределах, некогда сакральные сюжеты и харизматические образы превращались в вымысел, оторванный от географических и историко-этнографических корней. Ссылки на рассказы предков заполняли в «Гетике» лакуны древнейшего периода готской истории, соединяя эпическое и реальное пространство. Устная традиция моделировала определенный характер отношений в варварском мире, а также между варварами и римлянами.

Прибегая к устной традиции, Иордан искал опору для византийской ориентации в самой действительности, при этом с достаточной определенностью отражая эпические и реалистические элементы. Однако, учитывая его, как не покажется парадоксальным, тщательно скрываемые антиготские настроения, значение реалистических элементов в описании доадрианопольского периода готской истории не следует преувеличивать. Почему факты действительности уступают примату умолчания? Какой пласт исторической действительности скрывали достаточно выразительные примеры умолчаний? Так, в рассказе о движении готов с севера и трех местах их расселения на юге умалчивается о двух этнонимах готов («грейтунги» и «тервинги»), с которыми эти племена появились «в крайней части Скифии», и которые были более популярны в письменной традиции III–IV вв., чем «везеготы» и «остроготы».

Описывая военные столкновения готов с Римской империей в III в., Иордан останавливается лишь на нескольких походах. Не всегда можно сказать, почему в качестве сюжета он выбирает то или иное событие (248, 251 гг.). Обходя молчанием морские походы 255 / 256, 257 гг., комбинированный поход коалиции племен 258 г., вторжение варваров в дунайские провинции 262 г., Иордан дает ценные сведения о боях 263 г., но далее допускает большой перерыв и обходит молчанием поход в Каппадокию (264 г.), «греческую» экспедицию 267–268 гг., нападение на Империю в 269 г. различных скифских народностей и в 275 г. «многих варваров с Меотиды». Закономерен вопрос, почему походы, которые могли прославить готов, умалчиваются? Вряд ли из желания не задеть самолюбие ромеев.

Тактично обойдя молчанием войну между Константином и Лицинием в начале IV в., Иордан сообщает, что римляне готов «приглашали» (*invitabantur*) и с их помощью разбили Лициния во Фракии⁵⁶. Возможно, эта версия была предпочтительнее, нежели информация о предводителе готов Алике, который привел Лицинию *auxilantes*, оказавшее ему помощь в 324 г. Иордан обратил внимание, что весьма важно для международного контекста VI в., на Среднедунайскую низменность как зону особого напряжения, где от сарматского коварства погиб предводитель готов Видигойя⁵⁷. Но примечательно умалчивает о напряженной обстановке, которая сложилась в низовьях Дуная, левый берег которого получил название *gira Gothicus*, где спешно строились лагеря, мосты и укрепления, сдерживающие натиск шедших вплотную к Дунаю готов.

Вопиющий «провал» готской истории касается остроготов, о которых Иордан, описав организованное королем Остроготой вторжение 248 г. в Мёзию и Фракию, почти на сто лет вовсе «забывает». Обстоятельства следующего появления остроготов в «Гетике» связаны с Эрманирихом и гуннами Баламбера⁵⁸. Также Иордан обходит молчанием участие готов в выступлении Прокопия (366 г.) и последовавших за этим серию карательных экспедиций императора Валента. В «Гетике» подробно рассказывается о переселении готов в римские пределы, об их бедственном положении в местах, выделенных для поселения, о начале восстания, но мельком говорится о битве при Адрианополе 378 г., где погиб император Валент⁵⁹. Напоминание о смерти арианина Валента в VI в. вряд ли вызывало скорбь ромеев.

Излагая историю готов после их переселения в империю, Иордан продолжает подчеркивать верноподданство этих племен, замалчивая сведения, противоречащие «готскому мифу», скрывая зыбучие пески готской истории. Так, например, вопреки известному из других источников факту вторжений и последствий этих вторжений готов в Италию, он утверждал, что готы Алариха в 410 г. только гра-

⁵⁶ *Iord. Get.* 111.

⁵⁷ *Iord. Get.* 48, 178.

⁵⁸ *Iord. Get.* 129.

⁵⁹ *Iord. Get.* 134, 138.

били, но не жгли Рим. Это выдавалось как пример благородства готов, ибо другие варвары жгли города, взятые с боем⁶⁰.

Итак, поскольку степень информированности Иордана и его подготовленность к написанию «Гетики» у исследователей не вызывает сомнения, следовательно, можно предположить, что вряд ли умолчание было только его литературным приемом. На мой взгляд, это, вероятнее всего, сознательно применяемый способ *субъективного убежища* автора. Из этого следует, что в системе представлений Иордана о варварском мире важно не только то, что сказал Иордан в «Гетике», но и то, что «сказалось» «Гетикой» помимо воли автора. «Гетика» — это обобщенный образ действительности эпохи Переселения, созданный варваром, потерявшим свой Барбарикум. Сумбурное изложение событий, путаница, избирательная характеристика военных действий, лакуны и умолчания свидетельствуют не только о тенденциозности готского историка. Наверняка здесь может быть и рефлексии писателя «варварского королевства», находящегося перед катастрофой, в обстоятельствах завоевания его отечества — Остготского королевства.

Для истолкования смысла композиция и стилистика «Гетики», а, следовательно, и интерпретации ее свидетельств о варварах и варварском мире, в будущем считаю перспективным сделать следующее. Необходимо, на мой взгляд, сосредоточить свое внимание не только на выявлении и анализе того, что хотел или *сказал* Иордан в «Гетике», но и на том, что он *вольнo* или *невольнo не сказал, умолчал, не договорил, скрыл или сделал вид, что не заметил*. Не стоит забывать, что Иордан писал не столько историю готов (Getarum origo), сколько создавал для власти «варварского королевства» благородных Амалов (Amalorum nobilitas) готский вариант всемирной истории, посвященный *virorum fortium facta*. И, может быть только тогда, даже помимо воли Иордана, исследователь сможет увидеть в «Гетике» автопортрет человека заката варварского мира, а не только картину этого заката. В этом и состоит, на мой взгляд, креативная привлекательность и актуальность представлений о варварском мире «варвара в римских одеждах» Иордана.

⁶⁰ Iord. Get. 156.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Р.А.* 1990: Страны и народы: происхождение названий. — М.
- Аммиан Марцеллин.* 1996: Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. — СПб.
- Античная цивилизация и варвары. 2006: Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (отв. ред.). — М.: Наука.
- Анфертьев А. Н.* 1991: Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. — М. I.
- Бьюри Дж. Б.* 2013: Варвары и Рим. — М.
- Буданова В.П.* 1999: Готы в эпоху Великого переселения народов. — СПб.: Алетейя.
- Буданова В.П.* 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов. — М.: Наука.
- Видукинд Корвейский.* 1975: Деяния саксов / Вст. ст., пер. и комм. Г.Э. Санчука. — М., I. 8.
- Вольфрам Х.* 2003: Готы / Пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Некрасова. — СПб.
- Глушанин Е.П.* 1991: Военная знать ранней Византии. — Барнаул.
- Дилигенский Г.Г.* 1961: Северная Африка в IV–V вв. — М.
- Ерасов Б.С.* 2002: Цивилизации: Универсалии и самобытность. — М.
- Ивин А.А.* 2015: Обнаженность и отчуждение: философское эссе о природе человека. — СПб.: Алетейя.
- Иордан.* 1997: О происхождении и деяниях готы (Getica) / Вступ. ст., пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. — СПб.: Алетейя.
- История Византии. 1967: История Византии. — М.: Наука. 1.
- Колесницкий Н.Ф.* 1985: Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. // СВ. 48. 5–26.
- Корсунский А.Р.* 1969: Готская Испания. — М.
- Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* 1984: Упадок и гибель Западной римской империи и возникновение германских королевств. — М.
- Курбанов М.Г.* 2006: Варварство в гримасах цивилизации // Вестник Российского философского общества. — М. 2 (38). 120–122.
- Кьеркегор С.* 1993: Страх и трепет. — М.

- Леви-Брюль Л. 2012: Первобытное мышление: коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер / В.К. Никольский, А.В. Киссин (ред.). — М.: КРАСАНД, 2-е изд.
- Лоренц К. 1994: Агрессия (так называемое «зло») / Г.Ф. Швейник (пер. с нем.). — М.: Прогресс; Универс.
- Мотрошилова Н.В. 2010: Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. — М.
- Поршнев Б.Ф. 1979: Социальная психология и история / Л.И. Анцыферова (ред.). — М.: Наука, 2-е изд.
- Ронин В.К. 1989: Франки, вестготы, лангобарды в VI–VIII вв.: политические, аспекты самосознания // Одиссей. — М.: Наука.
- Санников. С.В. 2007: Произведение Иордана «О происхождении и деяниях гетов (Getica)» как источник для изучения процесса становления королевской власти у германских народов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — Новосибирск, 6. 1.
- Санников. С.В. 2009: Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. — Новосибирск.
- Скардили П. 2012: Готы: язык и культура / Пер. с нем. А.Д. Сыщикова; науч. ред. перев. Г.А. Баева, П.В. Шувалов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История.
- Томпсон Э.А. 2003: Римляне и варвары. Падение Западной империи / Пер. с англ. Т.О. Пономаревой. — СПб., 2003.
- Топоров В.Н. 1983: Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. — М.: Наука.
- Топоров В.Н. 1984: Oium Иордана (Getica, 27–28) и гото-славянские связи в северо-западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. — М. 128–142.
- Удальцова З.В. 1959: Италия и Византия в VI веке. — М.
- Уколова. В. И. 1989: Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). — М.: Наука.
- Фергюсон А. 2010: Опыт истории гражданского общества. — М.
- Хизер П. 2011: Падение Римской империи. — М.
- Цивилизация и варварство. 2012–2014 / Отв. ред В.П. Буданова, О.В. Воробьева. — М., 1–3.

- Чиксентмихайи М.* 2017: Эволюция личности / Михай Чиксентмихайи; Пер. с англ. 4-е изд. — М.: Альпина нон-фикшн.
- Шкаренков. П.П.* 2009: Образ власти на рубеже Античности и Средневековья: от империи к варварским королевствам / Дисс. докт. ист. наук. — М.
- Энгельс Ф.* 1980: Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М.
- Ammiani Marcellini* *Rerum gestarum libri qui supersunt* / W. Seyfarth (ed.). — Leipzig, 1978. 1–2.
- S. Aurelii Augustini* *De civitate Dei* // CCSL. — Turnhout, 1955. 47–48.
- Barbero A.* 2011: Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l'Empire romain. — P.
- Bougard F.* 2016: Paul Diacre // *Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). — P., 1044–1046.
- Buchner R.* Kulturelle und politische Zusammengehörigkeitsgefühle im europäischen Frühmittelalter // *HZ*. 1968. Bd. 207. Hf. 3.
- Cameron A.* 2011: *The Last Pagans of Rome*. — N.Y., Oxford University Press.
- Cameron A., Long J.* 1993: *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. — Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Chastagnol A.* 1966: *Le Sénat romain sous le règne d'Odoacre*. — Bonn: R. Habelt Verlag.
- Christinsen A.S.* 2002: *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth*. — Copenhagen.
- Chrysos E.K.* 1973: *Gothia Romana: Zur Rechtslage des Föderatenlandes der Westgoten im 4. Jh. // Dacoromania*. — Freiburg; München, I. 52–55.
- Claude D.* 1970: *Geschichte der Westgoten*. — Stuttgart.
- Clovis.* 1997: *Clovis, histoire et mémoire* / M. Rouche (dir.). — P.: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 1–2.
- Collins R.* 2004: *Visigothic Spain 409–711*. — Oxford: Blackwell.
- Coumert M.* 2007: *Origines des peuples. Les récits du Haut Moyen Âge occidental*. — P.
- Coumert M.* 2016: *Jordanès // Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). — P., 816–817.
- Courtois Chr.* 1955: *Les Vandales et l'Afrique*. — P.
- Dahn F.* 1881: *Jordanis // Allgemeine Deutsche Biographie*. — Leipzig, 14. 522–526.
- Diesner H.-J.* 1966: *Das Wandalenreich*. — Leipzig.

- Dumézil Br.* 2016b: Arbogast // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). — P., 217–218.
- Dumézil Br.* 2016d: Clovis // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). — P., 443–446.
- Dumézil Br.* 2016: Genséric // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). — P., 624–626.
- Dumézil Br.* 2016c: Odoacre // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). — P., 993–994.
- Dumézil Br.* 2016a: Ricimer // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). — P., 1134–1135.
- Dauje Y.-A.* 1989. «Le Barbare». Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization. — Bruxelles.
- Ensslin W.* 1959: Theoderich der Große. — München.
- Epiphanius episcopi Constantiae* Libri de XII gemmis versio antiqua // PG. — P., 1858. XLIII. 293–366.
- Epiphanius episcopi Constantia* Adversus haereses libri I tomus I // PG. — P., 1858. XLI. 173–846.
- Fredegarius.* Chronicum cum suis continuatoribus // PL. 1849. LXXI. 605–664.
- Fredegarius.* Chronicarum quae dicuntur Fredegarii libri IV / B. Krusch (ed.) // MGH. SRM. 1882. 2.
- Giunta F.* 1952: Jordanes e la cultura dell'alto medioevo. Contributo allo studio del problema gotico. — Palermo.
- Goffart W.* 1980: Barbarians and Romans (418–584). The Techniques of Accommodation. — Princeton.
- Goffart W.* 1988: The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. — Princeton.
- Gregorii Turonensis episcopi* historiarum libri X. // MGH. SRM. I.1. — Hannover, 1887.
- Grienberger Th.* 1889: Die Vorfahren des Jordanes // Germania: Vierteljahresschrift für deutsche Altertumskunde. — Stuttgart; W., 34 (N.R. 22). 406–409.
- Gutschmid A.* 1862: Zu Jordanis // Jahrbücher für classische Philologie. — Leipzig. 8. 124–151.
- Gutschmid A.* 1894: Zu Jordanis // Kleine Schriften. — Leipzig, 5. 293–336.
- Hachmann R.* 1970: Die Goten und Skandinavien. — B.
- Heather P.* 1991: Goths and Romans 332–489. — Oxford, N.Y.
- Heather P.* 2010: L'Impero e I barbari. Le grandi migrazioni e la nascita dell'Europa. — Garzanti.

- Hofler O.* 1952: Germanisches Sakralkönigtum. — Tübingen; Köln.
- Hofler O.* 1956: Der Sakralcharakter des germanischen Königtums // Vorträge und Forschungen / Th. Mayer (hrsg.). — Lindau; Konstanz. 3. 75–104.
- Isidorus Hispalensis.* Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum / Th. Mommsen (ed.) // MGH. AA. XI. Chronica minora. Saec. IV–VII. — B., 1894. II. 267–303.
- Jordanes.* Romana et Getica / Th. Mommsen (ed.) // MGH. AA. — B., 1882. V. 1.
- Janniard S.* 2016: Aspar // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). — P., 256–258.
- Kaiser R.* 2004: Die Burgunder / R. Kaiser. — Stuttgart.
- Knaepen A., Joye S.* 2005: Le Moyen Âge. 111. 229–257.
- Korkkanen I.* 1975: The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116. — Helsinki.
- Kristensen A.* 1983: Tacitus germanische Gefolgschaft. — København.
- Kuhn H.* 1956: Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanische Abteilung. 73. 1–83.
- Lañçon B.* 2014: Théodose. — P.: Perrin.
- Lañçon B.* 2016a: Stilicon // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). — P., 1253–1255.
- Lañçon B.* 2016b: Gañnas // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). — P., 609–610.
- Leguay J.-P.* 2002: L'Europe des États barbares V–VIII siècles. — P.
- Lenski N.* 1995: The Gothic civil war and the date of the Gothic conversion // GRBS. 36¹. 1. 51–87.
- Martin C.* 2016: Léovigild // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). — P., 858–859.
- Mazzarino S.* 1990: Stilicone. La crisi imperiale dopo Teodosio. — Milan.: Rizzoli.
- Merrills A., Miles R.* 2014: The Vandals. — Chichester: Wiley–Blackwell.
- Modéran Y.* 2014: Les Vandales et l'Empire romain / M.-Y. Perrin (eds.) — Arles: Errance.
- Modernität und Barbarei. 1996: Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts. — Frankfurt am Main.
- Mussot–Goulard R.* 1999: Les Goths. — Atlantica.
- Nelson J.L., Reynolds S., Johns S.M.* 2012: Gender and Historiography. Studies in the Earlier Middle Ages in Honour of Pauline Stafford / S.M. Johns (dir.). — Londres: Institute of Historical Research, 127–143.
- O'Donnell J.J.* 1982¹: The Aims of Jordanes // Historia. 31.

- Orosius Paulus*. *Historiarum adversus paganos libri VII* / C. Zangemeister (ed.) // CSEL. — Lipsiae, 1889. V.
- Paolo Diacono*. 2000: Paolo Diacono: uno scrittore fra tradizione longobarda e rinnovamento carolingio. — Udine, Forum.
- Pohl W.* 2002: Die Völkerwanderung. Eroberung und Integration / W. Pohl. — B.; Köln.
- Rouche M.* 1996: Clovis. — P.: Fayard.
- Schade K.* 2003: Frauen in der Spätantike — Status und Repräsentation. — Mayence: Verlag Philipp von Zabern, 219–224.
- Schirren C.* 1858: De ratione que inter Jordanem et Cassiodorium intercedat commentatio. — Dorpat.
- Schlesinger W.* 1953: Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte // HZ. 176. 225–275.
- Schlesinger W.* 1963: Über germanisches Heerkönigtum // Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. 1. 56–59.
- Schmidt L.* 1934–1938²: Geschichte der deutsche Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. — München, 1–2.
- Schmidt L.* 1942: Geschichte der Wandalen. — München.
- Svennung J.* 1967: Zur Geschichte des Goticismus. — Stockholm.
- Svennung J.* 1969: Zu Cassiodor und Jordanes // *Eranos*. 67. 71–80.
- Svennung J.* 1972: Jordanes und die gotische Stammsage // *Studia Gotica*. — Stockholm.
- Tacitus, P. Cornelius*. *Libri qui supersunt* / E. Köstermann (ed.). — Leipzig, 1960–1961. I–II.
- Thompson E. A.* 1966: The visigoths in the Time of Ulfila. — Oxford.
- Thompson E. A.* 1982: Romans and Barbarians. The Decline of the Western Empire. — Madison.
- Teillet S.* 2011: Des Goths à la nation gothique. — P.
- Todd M.* 1980: The Barbarians: Goths, Franks and Vandals. — N.Y.
- Vössing K.* 2014: Das Königreich der Wandalen: Geiserichs Herrschaft und das Imperium Romanum. — Darmstadt: P. von Zabern.
- Wagner N.* 1967: *Getica*: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. — B.
- Wagner N.* 1971: Eine Nennung des Ablabius bei Jordanes. *Get.* 151 (?) // *ZfdA*. 100. 40–43.

- Wattenbach W., Levison W.* 1952: Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. — Weimar, 1.
- Wenskus R.* 1961: Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. — Köln; Graz.
- Werner F.* 1908: Die Latinität der Getica des Jordanes. — Halle.
- Wolfram H.* 1968: Methodische Fragen zur Kritik am «sakralen» Königtum // Festschrift für Otto Hofler. 2.
- Wolfram H.* 1975: Gotische Studien I // MIÖG. 83. 1/2. 1–32.
- Wolfram H.* 1982: Die Goten als Gegenstand einer historischen Ethnographie // Traditionen als historische Kraft. — B., N.Y.

V.P. Budanova

THE BARBARIAN WORLD IN THE IMAGE OF THE MAN OF THE BARBARIAN WORLD

The article is devoted to the problem of the understanding of the world and the feeling of the world of the man of the barbarian world. In the transitive epoch of II–VII centuries descendants from the European barbarian world, representatives of its so called elite, ancient Germans-barbarians formed the portrait and the image of their world, expressed its system of values and mental settings.

Keywords: civilization, barbarity, barbarians, barbarian world, Iordanes, Goths, elite, Great Migration, Oium.

BUDANOVA Vera Pavlovna — Doctor of History, Professor, Chief Researcher of the Center of Comparative History and Theory of Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 32A, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russian Federation. — vpbudanova@yandex.ru

REFERENCES

- Ageeva R.A. 1990: Strany i narody: proishozhdenie nazvanij. — M.
- Ammian Marcellin. 1996: Rimskaja istorija / Per. s lat. Ju.A. Kulakov-skogo i A.I. Sonni. — SPb.

- Antichnaja civilizacija i varvary. 2006: Antichnaja civilizacija i varva-ry / L.P. Marinovich (otv. red.). — M.: Nauka.
- Anfert'ev A. N. 1991: Iordan // Svod drevnejshih pis'mennyh izves-tij o slavjanah. — M. I.
- B'juri Dzh. B. 2013: Varvary i Rim. — M.
- Budanova V.P. 1999: Goty v jepohu Velikogo pereselenija narodov. — SPb.: Aletejja.
- Budanova V.P. 2000: Varvarskij mir jepohi Velikogo pereselenija narodov. — M.: Nauka.
- Vidukind Korvejskij. 1975: Dejanija saksov / Vst. st., per. i komm. G.Je. Sanchuka. — M., I. 8.
- Vol'fram H. 2003: Goty / Per. s nem. B.P. Milovidova, M.Ju. Nekrasova. — SPb.
- Glushanin E.P. 1991: Voennaja znat' rannej Vizantii. — Barnaul.
- Diligenskij G.G. 1961: Severnaja Afrika v IV–V vv. — M.
- Erasov B.S. 2002: Civilizacii: Universalii i samobytnost'. — M.
- Ivin A.A. 2015: Obnazhennost' i otchuzhdenie: filosofskoe jesse o pri-rode cheloveka. — SPb.: Aletejja.
- Iordan. 1997: O proishozhdenii i dejaniyah gotov (Getica) / Vstup. st., per. i komm. E.Ch. Skrzhinskoj. — SPb.: Aletejja.
- Istorija Vizantii. 1967: Istorija Vizantii. — M.: Nauka. 1.
- Kolesnickij N.F. 1985: Jetnicheskie obshhnosti i politicheskie obrazo-vanija u germancev I–V vv. // SV. 48. 5–26.
- Korsunskij A.R. 1969: Gotskaja Ispanija. — M.
- Korsunskij A. R., Gjunter R. 1984: Upadok i gibel' Zapadnoj rimskoj imperii i vzniknovenie germanskih korolevstv. — M.
- Kurbanov M.G. 2006: Varvarstvo v grimasah civilizacii // Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshhestva. — M. 2 (38). 120–122.
- K'erkeger S. 1993: Strah i trepet. — M.
- Levi-Brjul' L. 2012: Pervobytnoe myshlenie: kollektivnye predstavlenija v soznanii pervobytnyh ljudej i ih misticheskij harakter / V.K. Nikol'skij, A.V. Kissin (red.). — M.: KRASAND, 2-e izd.
- Lorenc K. 1994: Agressija (tak nazyvaemoe «zlo») / G.F. Shvejnik (per. s nem.). — M.: Progress; Univers.
- Motroshilova N.V. 2010: Civilizacija i varvarstvo v jepohu global'-nyh krizisov. — M.

- Porshnev B.F. 1979: Social'naja psihologija i istorija / L.I. Ancyferova (red.). — M.: Nauka, 2-e izd.
- Ronin V.K. 1989: Franki, vestgoty, langobardy v VI–VIII vv.: politiche-skie, aspekty samosoznaniya // Odissej. — M.: Nauka.
- Sannikov. S.V. 2007: Proizvedenie Iordana «O proishozhdenii i deya-nijah getov (Getica)» kak istochnik dlja izuchenija processa stanovlenija korolevskoj vlasti u germanskih narodov // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija. — Novosibirsk, 6. 1.
- Sannikov. S.V. 2009: Obrazy korolevskoj vlasti jepohi Velikogo pereselenija narodov v rannesrednevekovoj zapadnoevropejskoj istoriografii. — Novosibirsk.
- Skardil'i P. 2012: Goty: jazyk i kul'tura / Per. s nem. A.D. Syshhikova; nauch. red. perev. G.A. Baeva, P.V. Shuvalov. — SPb.: Filologičes-kij fakul'tet SPbGU; Nestor-Istorija.
- Tompson Je.A. 2003: Rimljane i varvary. Padenie Zapadnoj imperii / Per. s angl. T.O. Ponomarevoj. — SPb., 2003.
- Toporov V.N. 1983: Drevnie germancy v Prichernomor'e: rezul'taty i perspektivy // Balto-slavjanskije issledovanija. — M.: Nauka.
- Toporov V.N. 1984: Oium Iordana (Getica, 27–28) i goto-slavjanskije svjazi v severo-zapadnom Prichernomor'e // Jetnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ja. — M. 128–142.
- Udal'cova Z.V. 1959: Italija i Vizantija v VI veke. — M.
- Ukolova. V. I. 1989: Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ja (konec V – seredina VII veka). — M.: Nauka.
- Fergjusun A. 2010: Opyt istorii grazhdanskogo obshhestva. — M.
- Hizer P. 2011: Padenie Rimskoj imperii. — M.
- Civilizacija i varvarstvo. 2012–2014 / Otv. red V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva. — M., 1–3.
- Chiksentsmihaji M. 2017: Jevoljucija lichnosti / Mihaj Chiksentsmihaji; Per. s angl. 4-e izd. — M.: Al'pina non-fikshn.
- Shkarenkov. P.P. 2009: Obraz vlasti na rubezhe Antichnosti i Srednevekov'ja: ot imperii k varvarskim korolevstvam / Diss. dokt. ist. nauk. — M.
- Jengel's F. 1980: Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. — M.
- Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). — Leipzig, 1978. 1–2.
- S. Aurelii Augustini De civitate Dei // CCSL. — Turnhaut, 1955. 47–48.

- Barbero A. 2011: *Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l'Empire romain.* — P.
- Bougard F. 2016: Paul Diacre // *Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). — P., 1044–1046.
- Buchner R. Kulturelle und politische Zusammengehörigkeitsgefühle im europäischen Frühmittelalter // *HZ.* 1968. Bd. 207. Hf. 3.
- Cameron A. 2011: *The Last Pagans of Rome.* — N.Y., Oxford University Press.
- Cameron A., Long J. 1993: *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius.* — Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Chastagnol A. 1966: *Le Sénat romain sous le règne d'Odoacre.* — Bonn: R. Habelt Verlag.
- Christinsen A.S. 2002: *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth.* — Copenhagen.
- Chrysos E.K. 1973: *Gothia Romana: Zur Rechtslage des Föderatenlandes der Westgoten im 4. Jh. // Dacoromania.* — Freiburg; München, I. 52–55.
- Claude D. 1970: *Geschichte der Westgoten.* — Stuttgart.
- Clovis. 1997: *Clovis, histoire et mémoire* / M. Rouche (dir.). — P.: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 1-2.
- Collins R. 2004: *Visigothic Spain 409–711.* — Oxford: Blackwell.
- Coumert M. 2007: *Origines des peuples. Les récits du Haut Moyen Âge occidental.* — P.
- Coumert M. 2016: *Jordanès // Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). — P., 816–817.
- Courtois Chr. 1955: *Les Vandales et l'Afrique.* — P.
- Dahn F. 1881: *Jordanis // Allgemeine Deutsche Biographie.* — Leipzig, 14. 522–526.
- Diesner H.-J. 1966: *Das Wandalenreich.* — Leipzig.
- Dumézil Br. 2016b: *Arbogast // Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). — P., 217–218.
- Dumézil Br. 2016d: *Clovis // Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). — P., 443–446.
- Dumézil Br. 2016: *Genséric // Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). — P., 624–626.
- Dumézil Br. 2016c: *Odoacre // Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). — P., 993–994.
- Dumézil Br. 2016a: *Ricimer // Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). — P., 1134–1135.
- Dauje Y.-A. 1989. «Le Barbare». *Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization.* — Bruxelles.
- Ensslin W. 1959: *Theoderich der Große.* — München.

- Epiphanius episcopi Constantiae Libri de XII gemmis versio antiqua // PG. — P., 1858. XLIII. 293–366.
- Epiphanius episcopis Constantia Adversus haereses libri I tomus I // PG. — P., 1858. XLI. 173–846.
- Fredegarius. Chronicum cum suis continuatoribus // PL. 1849. LXXI. 605–664.
- Fredegarius. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii libri IV / B. Krusch (ed.) // MGH. SRM. 1882. 2.
- Giunta F. 1952: Jordanes e la cultura dell'alto medioevo. Contributo allo studio del problema gotico. — Palermo.
- Goffart W. 1980: Barbarians and Romans (418–584). The Techniques of Accommodation. — Princeton.
- Goffart W. 1988: The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. — Princeton.
- Gregorius Turonensis episcopi historiarum libri X. // MGH. SRM. I.1. — Hannover, 1887.
- Grienberger Th. 1889: Die Vorfahren des Jordanes // Germania: Vierteljahresschrift für deutsche Altertumskunde. — Stuttgart; W., 34 (N.R. 22). 406–409.
- Gutschmid A. 1862: Zu Jordanis // Jahrbücher für classische Philologie. — Leipzig. 8. 124–151.
- Gutschmid A. 1894: Zu Jordanis // Kleine Schriften. — Leipzig, 5. 293–336.
- Hachmann R. 1970: Die Goten und Skandinavien. — B.
- Heather P. 1991: Goths and Romans 332–489. — Oxford, N.Y.
- Heather P. 2010: L'Impero e I barbari. Le grandi migrazioni e la nascita dell'Europa. — Garzanti.
- Hofler O. 1952: Germanisches Sakralkönigtum. — Tübingen; Köln.
- Hofler O. 1956: Der Sakralcharakter des germanischen Königtums // Vorträge und Forschungen / Th. Mayer (hrsg.). — Lindau; Konstanz. 3. 75–104.
- Isidorus Hispalensis. Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum / Th. Mommsen (ed.) // MGH. AA. XI. Chronica minora. Saec. IV–VII. — B., 1894. II. 267–303.
- Jordanes. Romana et Getica / Th. Mommsen (ed.) // MGH. AA. — B., 1882. V. 1.
- Janniard S. 2016: Aspar // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). — P., 256–258.
- Kaiser R. 2004: Die Burgunder / R. Kaiser. — Stuttgart.
- Knaepen A., Joye S. 2005: Le Moyen Âge. 111. 229–257.

- Korkkanen I. 1975: *The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116.* — Helsinki.
- Kristensen A. 1983: *Tacitus germanische Gefolgschaft.* — Kobenhavn.
- Kuhn H. 1956: *Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanische Abteilung.* 73. 1–83.
- Lançon B. 2014: *Théodose.* — P.: Perrin.
- Lançon B. 2016a: *Stilicon // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.).* — P., 1253–1255.
- Lançon B. 2016b: *Gaïnas // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.).* — P., 609–610.
- Leguay J.-P. 2002: *L'Europe des États barbares V–VIII siècles.* — P.
- Lenski N. 1995: *The Gothic civil war and the date of the Gothic conversion // GRBS.* 36¹. 1. 51–87.
- Martin C. 2016: *Léovigild // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.).* — P., 858–859.
- Mazzarino S. 1990: *Stilicone. La crisi imperiale dopo Teodosio.* — Milan: Rizzoli.
- Merrills A., Miles R. 2014: *The Vandals.* — Chichester: Wiley-Blackwell.
- Modéran Y. 2014: *Les Vandales et l'Empire romain / M.-Y. Perrin (eds.)* — Arles: Errance.
- Modernität und Barbarei. 1996: *Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts.* — Frankfurt am Main.
- Mussot-Goulard R. 1999: *Les Goths.* — Atlantica.
- Nelson J.L., Reynolds S., Johns S.M. 2012: *Gender and Historiography. Studies in the Earlier Middle Ages in Honour of Pauline Stafford / S.M. Johns (dir.).* — Londres: Institute of Historical Research, 127–143.
- O'Donnell J.J. 1982¹: *The Aims of Jordanes // Historia.* 31.
- Orosius Paulus. *Historiarum adversus paganos libri VII / C. Zangemeister (ed.) // CSEL.* — Lipsiae, 1889. V.
- Paolo Diacono. 2000: *Paolo Diacono: uno scrittore fra tradizione longobarda e rinnovamento carolingio.* — Udine, Forum.
- Pohl W. 2002: *Die Völkerwanderung. Eroberung und Integration / W. Pohl.* — B.; Köln.
- Rouche M. 1996: *Clovis.* — P.: Fayard.
- Schade K. 2003: *Frauen in der Spätantike — Status und Repräsentation.* — Mayence: Verlag Philipp von Zabern, 219–224.
- Schirren C. 1858: *De ratione que inter Jordanem et Cassiodorium intercedat commentatio.* — Dorpat.

- Schlesinger W. 1953: Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte // HZ. 176. 225–275.
- Schlesinger W. 1963: Über germanisches Heerkönigtum // Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. 1. 56–59.
- Schmidt L. 1934–1938²: Geschichte der deutsche Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. — München, 1–2.
- Schmidt L. 1942: Geschichte der Wandalen. — München.
- Svennung J. 1967: Zur Geschichte des Goticismus. — Stockholm.
- Svennung J. 1969: Zu Cassiodor und Jordanes // Eranos. 67. 71–80.
- Svennung J. 1972: Jordanes und die gotische Stamsage // Studia Gotica. — Stockholm.
- Tacitus, P. Cornelius. Libri qui supersunt / E. Köstermann (ed.). — Leipzig, 1960–1961. I–II.
- Thompson E. A. 1966: The visigoths in the Time of Ulfila. — Oxford.
- Thompson E. A. 1982: Romans and Barbarians. The Decline of the Western Empire. — Madison.
- Teillet S. 2011: Des Goths à la nation gothique. — P.
- Todd M. 1980: The Barbarians: Goths, Frances and Wandals. — N.Y.
- Vössing K. 2014: Das Königreich der Vandalen: Geiserichs Herrschaft und das Imperium Romanum. — Darmstadt: P. von Zabern.
- Wagner N. 1967: Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. — B.
- Wagner N. 1971: Eine Nennung des Ablabius bei Jordanes. Get. 151 (?) // ZfdA. 100. 40–43.
- Wattenbach W., Levison W. 1952: Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. — Weimar, 1.
- Wenskus R. 1961: Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. — Köln; Graz.
- Werner F. 1908: Die Latinität der Getica des Jordanes. — Halle.
- Wolfram H. 1968: Methodische Fragen zur Kritik am «sakralen» Königtum // Festschrift für Otto Hofler. 2.
- Wolfram H. 1975: Gotische Studien I // MIÖG. 83. 1/2. 1–32.
- Wolfram H. 1982: Die Goten als Gegenstand einer historischen Ethnographie // Traditionen als historische Kraft. — B., N.Y.

ЧЕЛОВЕК ВАРВАРСКОГО МИРА • ПОРТРЕТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

И.Е. Суриков

«ВЕЛИКИЙ ВАРВАР» КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ИСТОРИИ КИР СТАРШИЙ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В европейской картине мира самых разных эпох достаточно значимое место занимала идея «Великого Варвара» — чрезвычайно могущественного правителя-воителя, угрожающего, как правило, с Востока, жестокого и ужасного, но в то же время величественного и в чем-то даже импонирующего некоторыми своими чертами. Зарождение этой парадигмы следует относить к греческой античности. В качестве первого «Великого Варвара» однозначно выступает Кир Старший, основатель мирового владычества персов. В статье рассматривается его образ у древнегреческих авторов, особенно у Геродота и Ксенофонта.

Ключевые слова: варварство, античная Греция, Персия, Кир Старший, монархия, историописание, Геродот, Ксенофонт.

СУРИКОВ Игорь Евгеньевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А. — isurikov@mail.ru

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 49–78
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 49–78

В европейской картине мира самых разных эпох достаточно значимое место занимала идея «Великого Варвара» — чрезвычайно могущественного правителя-воителя, угрожающего, как правило, с Востока, жестокого и ужасного, но в то же время величественного и в чем-то даже импонирующего некоторыми своими чертами. В парадигму «Великого Варвара», если брать, допустим, эпоху средневековья (с V в. н.э.), вписывались самые разнообразные личности. Это и гунн Аттила — «бич божий», и основатели Арабского халифата, начиная с «отца» ислама — Мухаммеда. Далее, естественно, Чингисхан, Тимур-Тамерлан¹, некоторые наиболее значительные из османских султанов (особенно Сулейман Великолепный, или Сулейман Кануни — под этим именем он запомнился туркам). Что удивительно, даже кое-кто из русских царей (Иван Грозный, Петр I) воспринимался в Западной Европе, в общем-то, в рамках той же модели.

Зарождение же ее следует относить к гораздо более ранним временам — к греческой античности. В качестве первого «Великого Варвара» однозначно выступает Кир Старший (приблизительное время царствования 558–529 гг. до н.э.), основатель мирового владычества персов. Судя по всему, именно начиная с его правления у эллинов формируется понятие *ὁ βάρβαρος* (с определенным артиклем, то есть речь идет, если можно так выразиться, о «Варваре с большой буквы», «Варваре по преимуществу»).

Необходимы определенные оговорки. Во-первых, Кир, вопреки иногда встречающемуся ошибочному мнению, не является основателем династии Ахеменидов. В работах иранистов² он фигурирует как Кир II (поскольку до него был еще какой-то Кир I, известный только специалистам; мы, естественно, в дальнейшем изложении не будем называть нашего героя Киrom II, а только Киrom Великим или Киrom Старшим, дабы отличать от Кира Младшего, царевича, действовавшего на рубеже V–IV вв. до н.э., брата Артаксеркса II).

Однако же этот Кир совершил воистину великое, остался в памяти потомков и соседей как личность в полном смысле слова уни-

¹ Недавно мы опубликовали в русском переводе позднегреческий (XV в.) литературный памятник (Суриков И.Е. 2015; текст оригинала см.: Treu M. 1910), содержащий интересные сведения о восприятии Тимура (Темира — так он фигурирует в тексте) восточными европейцами.

² Как, например: Грантовский Э.А. 1998.

кальная. Он не только сделал Персиду Персией, превратил свою страну из слабого вассального царства, подчиняющегося Мидийской державе³, в независимое государство, в свою очередь включившее в себя Мидию; он свершил большее — создал воистину колоссальную, даже, можно сказать, монструозную империю (равных которой до того не было), простирающуюся от берегов Эгейского моря вплоть до Средней Азии.

Во-вторых, на Востоке, конечно же, были крупные державы и до Ахеменидской Персии (для всякого, кто получал элементарное историческое образование в университете, это тривиальность); но в исторической памяти эллинов они как-то не очень удержались; во всяком случае, отразились в ней они довольно слабо и не вполне адекватно. В греческом дискурсе, само собой, присутствовали рассказы и о великих египетских фараонах⁴, и об ассирийских царях, но они не занимали в нем, в отличие от повествований о Кире, сколько-нибудь важного места. Причина ясна: деяния этих правителей не касались напрямую бассейна Эгейского моря, обжитого греками. Другое дело — Кипр, который на протяжении архаической эпохи подпадал то под ассирийскую, то под египетскую власть⁵; но Кипр по отношению к Балканско-Эгейской Греции занимал лишь периферийное положение.

³ Античные греки, заметим, об этом былом вассалитете помнили и в принципе воспринимали великую Персидскую империю как Мидию, в которой просто к власти пришла династия персов. Не случайно и войны с Персией они называли — τὰ Μιδικά, «Мидийские войны». В освещение всего этого круга проблем в отечественной историографии главную роль сыграли две замечательные монографии Э.В. Рунга, вышедшие практически одновременно (Рунг Э.В. 2008; Рунг Э.В. 2009).

⁴ Какой-то из них, согласно эллинским писателям, якобы даже дошел до Скифии. Имя этого фараона у греческих авторов фигурирует то как «Сесострис», то как «Сесонхосис». Разработкой этого вопроса у нас активно занимался И.А. Ладынин (например: Ладынин И.А. 2011; Ладынин И.А. 2017, 140 слл.). Он блестяще показал, что написания «Сесострис» и «Сесонхосис», при кажущемся внешнем сходстве, восходят к двум совершенно неодинаковым египетским прототипам: «Сесострис» — это Сеснусерт I, а «Сесонхосис» — Шешонк I. Два абсолютно разных фараона; даже хронологически их разделяют много столетий.

⁵ Mehl A. 2004; Mehl A. 2009a; Mehl A. 2009b

Из восточных «варварских» государств греки метрополии вплоть до середины VI в. до н.э. имели дело в основном с Лидией, и не случайно последний лидийский царь Крез (правил в 560–546 гг. до н.э.⁶) стал такой крупной фигурой в античной нарративной традиции⁷ (даже и поныне остается поговорочным персонажем: выражаются «богат, как Крез»).

В то же время, Крез не был каким-то «миродержавцем», значительным деятелем в масштабах всей ойкумены. Его можно считать, самое большее, региональным лидером. Таковым он был для Востока — но не для греков! Эти последние в архаическую эпоху воспринимали лидийскую столицу Сарды как центр мировой культуры, как этакый «Париж» (просим прощения за метафору), как Город с большой буквы⁸ (такое отношение отразилось, например, в стихах Сапфо).

Можно себе представить, какое впечатление произвел на эллинов тот факт, что этот великий Город был неожиданно захвачен каким-то отдаленным восточным пришельцем, да и сама Лидия пала, утратила независимость, была включена в состав Персидской державы. Довольно быстро начали слагаться легенды о том, что Крез не погиб при взятии Сард (хотя, судя по всему, именно так оно и было), а якобы стал пленником Кира, впоследствии даже его советником⁹.

И вполне объяснимо, что Кир сразу привлек к себе внимание, оказался в центре многих тогдашних дискуссий в среде греческих интеллектуалов. Оговорим сразу, что Кир Великий был глубоко толерантным правителем. Всем известно, что он прекратил «вавилонское пленение» евреев, позволил тем из них, кто пожелает, вернуться в Палестину. Соответственно, в Ветхом Завете образ Кира нарисован в исключительно позитивных тонах¹⁰.

⁶ Не поддерживаем недавнюю попытку Р. Уоллеса (*Wallace R.W.* 2016) «передатировать» Креза, отнести начало его правления к более раннему времени, чем обычно считается.

⁷ Мы совсем недавно писали об образе Креза у греков как раз на страницах «Цивилизации и варварства» (*Суриков И.Е.* 2016а). Там же мы сослались и на основную литературу по данному сюжету, поэтому не будем теперь повторять эти ссылки.

⁸ Ср.: *Crielaard J.P.* 2009, 358

⁹ Разбор этого сюжета см.: *Суриков И.Е.* 2011, 232 слл.

¹⁰ *Wilson I.D.* 2015. В более общем контексте ср.: *Silverman J.M.* 2015.

Кстати, такой выдающийся антиковед, как Арнальдо Момильяно, в работах, посвященных восточным элементам в древнееврейской и древнегреческой историографии¹¹, совершенно справедливо указывал на то, что с VI в. до н.э. эллинская цивилизация в целом и эллинское историописание в частности складывались и эволюционировали именно на «периферии» персидского культурного мира. Хотя в политическом плане греки боролись за свою независимость от Персии и отстаивали ее, но в плане культуры, ментальности ясно, что грандиозная держава Востока, на фоне которой греческие полисы выглядели просто ничтожными, выступала для них в качестве властно притягивающего «центра». В высшей степени характерно, например, что сразу несколько древнегреческих историков первых поколений написали сочинения под названием «Персидские дела» (Харон Лампсакский, Дионисий Милетский, Гелланик Митиленский¹²). По сути говоря, в рамках тогдашней «мир-системы» писать труд по персидской истории означало практически то же самое, что заниматься всеобщей историей.

Момильяно, характеризуя роль державы Ахеменидов для формирования этноцивилизационного сознания греков и евреев, оговаривает, что роль эта была неоднозначной; «персидская модель» была предметом не только подражания, но и отталкивания. Так, оба вышеназванных народа в V в. до н.э. двигались к созданию «националистических» цивилизаций — именно в качестве реакции на космополитизм и этнически толерантный деспотизм персов. Итальянский исследователь остроумно обращает внимание на параллелизм даже некоторых конкретных событий в греческой и еврейской истории указанного столетия (строительство оборонительных укреплений Афин и Пирея — восстановление стен Иерусалима; меры Ездры и Неемии по пресечению смешанных браков — скандально знаменитый закон Перикла о гражданстве, имевший аналогичную направленность¹³).

¹¹ Momigliano A. 1977, 25–35; Momigliano A. 1990, 5–28.

¹² Balcer J.M. 1987, 25.

¹³ В связи с этим законом написано немало, но, пожалуй, наиболее удачно он интерпретирован в недавней работе: Blok J.H. 2009.

* * *

Огромные отличия между Киром и Крезом греками, опять же, сразу были замечены; проигравший и победитель быстро стали восприниматься как антиподы. По сути, в эллинской историографии уже с V в. до н.э. наметилась антитеза «изнеженный и чванливый лидиец Крез — неприхотливый и мужественный перс Кир»¹⁴. По сути, перед нами персонифицированное противопоставление двух типов «варвара», второй из которых постоянно и неизбежно одерживает верх над первым.

Фигура Кира играет весьма большую роль уже в «Истории» Геродота. Персидские сюжеты вообще исключительно изобильны в геродотовском труде, и на эту тему существует богатая историография¹⁵. Кир появляется уже в первой книге «Истории», а уходит с ее страниц только в последней книге — девятой.

Собственно, самый последний персонаж, который упоминается в этом памятнике, — именно Кир, причем он дает характерное пророчество (*Herod. IX. 122*), которое, похоже, следует считать таким «политическим завещанием» Геродота, умирающего и не успевающего окончить свой труд¹⁶. Другой перс, Артембар, будто бы посоветовал своим соотечественникам, одержавшим уже ряд громких побед:

Давайте же покинем нашу маленькую и притом суровую страну и переселимся в лучшую землю... Так подобает поступать народу — властителю других народов.

Далее галикарнасец продолжает:

Услышав эти слова, Кир не удивился предложению и велел его выполнять. Тем не менее, он советовал персам готовиться к то-

¹⁴ Эта антитеза налицо и у Ксенофонта: *Lefèvre E.* 2010. Но об отображении Кира Великого у Ксенофонта подробнее будет говориться ниже.

¹⁵ См. недавнюю работу, с которой нам довелось ознакомиться только что: *Pelling C.* 2016. Из более ранней литературы см.: *Gschnitzer F.* 1977; *Keaveney A.* 1996; *Harrison T.* 2002; *Mikalson J.D.* 2003; *Wiesehöfer J.* 2004; *Armayer O.K.* 2004; *Flower M.* 2006; *Parker V.* 2007; *Pelling C.* 2007; *Brehm J.* 2009; *Provencal V.L.* 2015; *Bichler R.* 2016; *Zali V.* 2016.

¹⁶ Ср. *Суриков И.Е.* 2011, 277 слл. О незавершенности труда Геродота можно говорить вполне определенно в свете работы: *Гаспаров М.Л.* 1997, 483–489.

му, что они не будут больше владыками, а станут рабами. Ведь, говорил он, в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов. Тогда персы согласились с мнением Кира и отказались от своего намерения. Они предпочли, сами владея скудной землей, властвовать над другими народами, чем быть рабами на тучной равнине.

Этими словами заканчивается «История», как она до нас дошла. Нетрудно заметить, прежде всего, что процитированный рассказ как-то очень слабо связан с тем, что ему непосредственно предшествует,— с осадой и взятием Сеста афинянами. Но ведь для чего-то Геродоту потребовалось вводить этот экскурс? В целом в рамках труда он вовсе не смотрится неорганично, в нем присутствуют ключевые мотивы, характерные для геродотовского повествования в целом. Прежде всего бросается в глаза столь частый у «отца истории» мотив советчика¹⁷, с помощью которого интересующий нас автор постоянно маркирует особенно дорогие для него идеи.

Да, последняя глава «Истории» насыщена интересными и важными мыслями (как почти всегда у великого галикарнасца), но эти мысли — такого рода, что они больше подходят не для финала сочинения о Греко-персидских войнах, а для начала повествования о их новом периоде, — когда афиняне перешли против Ахеменидов в наступление, перехватили у них стратегическую инициативу, сами стали атакующей стороной и начали отвоевывать у противника остров за островом, город за городом в бассейне Эгейского моря. Усиление Афин на этом этапе войн шло не по дням, а по часам; они создали мощный морской союз, владычествовали во всей Эгеиде (и не только), накопили невероятные по греческим меркам богатства и вступили в борьбу со Спартой за гегемонию в Элладе. Борьба привела к Пелопоннесской войне (начало которой Геродот, как известно, совершенно точно застал¹⁸), а в этой последней афинский полис потерпел сокрушительное поражение и никогда уже не обрел прежнего могущества.

¹⁷ О важности этого мотива для Геродота см.: *Solmsen F.* 1974, 5; *Суриков И.Е.* 2008.

¹⁸ *Fornara C.W.* 1971.

Афины, в сущности, прошли тем же путем, что Персия до них: от побед, торжества, усиления — к бедам, поражениям и упадку. В их судьбе как будто проявились «основные законы истории», как их видел Геродот, и в первую очередь закон божественного наказания за «чрезмерную» мощь и порожденную ею надменную гордыню (ὕβρις). Не случайно афинский полководец Ксантипп у Геродота ненужной жестокостью уподобляется персам. Впоследствии у Фукидида имплицитно встречается аналогичная мысль: Афины в конце концов уподобились Персии, и с этого момента их крах стал неизбежным¹⁹. Кстати, в целом у Фукидида персы фигурируют, конечно, гораздо реже, чем у Геродота²⁰, и причина этого понятна: в последней трети V в. до н.э. — ввиду шедшей тогда Пелопоннесской войны — греко-варварские отношения сильно отодвинулись на второй план по сравнению с внутригреческими. Позже, уже ко времени Ксенофонта, всё вернулось «на круги своя»²¹, и персы заняли в его трудах «подобающее» место.

Но вернемся к Геродоту и образу Кира Старшего в его «Истории». В первой книге этого памятника весьма рельефен рассказ о рождении и детстве будущего властителя (*Herod. I. 108 sqq.*). Тут перед нами весьма распространенный фольклорный мотив: ребенок, обреченный на смерть, но необычным (порой чудесным) образом все-таки выживший и впоследствии достигший величия. Можно привести сколько угодно параллелей из различных традиций древнего мира. Перед нами предстанут и Саргон Аккадский, и основатель иудаизма Моисей, и злосчастный Эдип, царь Фив, и основатель Рима Ромул, и коринфский тиран Кипсел... Фигуры самого разного рода, как легендарные, так и вполне историчные, но объединенные общей «парадигмой происхождения».

Также у Геродота повествуется о том, как Кир победил Мидию (*Herod. I. 125 sqq.*), Лидию (*Herod. I. 74 sqq.*), овладел греческими городами Ионии (*Herod. I. 141 sqq.*), взял «мировой город» Вавилон (*Herod. I. 178 sqq.*), погиб в ходе экспедиции в Среднюю Азию (*Herod. I. 201 sqq.*), сражаясь с царицей Томирисой.

¹⁹ Connor W.R. 1984, 157; Will 2006, passim.

²⁰ В связи с упоминаниями персов Фукидидом см.: Wiesehöfer J. 2006; Munson R.V. 2012; Zali V. 2016.

²¹ Динамика всего этого процесса хорошо прослежена в: Georges P. 1994.

Почти всё персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет. А Томирида наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда труп Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына²². Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью». Из многих рассказов о кончине Кира этот мне кажется наиболее достоверным (*Herod. I. 214*).

Эта новелла²³, в каких-то деталях напоминающая сюжет о гибели Красса в Парфии²⁴, имеет своим основным смыслом, в общем, следующее: на каждого жестокого и воинственного варвара найдется еще более жестокий и воинственный варвар, который, соответственно, сокрушит первого. Как Крез оказался «изнеженным лузером» перед лицом Кира, так Кир — перед лицом Томириды. Причем чем дальше варвары к границам ойкумены, тем они свирепее²⁵, особенно в лице своих женщин²⁶ (а Томирида — женщина). Греки постоянно в чем-то уравнивали женщин и варваров, но не будем углубляться в эту тему, дабы придерживаться основной нити изложения.

Геродот, описав, как скончался Кир, в дальнейшем уже реже возвращается к его персоне, концентрируясь в большей степени на деятельности следующих персидских царей (Камбиса, Дария I, Ксеркса). Пожалуй, стоит привести еще вот какой геродотовский пассаж, в котором Кир фигурирует в сравнительном аспекте: «...В Персии говорили, что Дарий был торгаш²⁷, Камбис — владыка, а Кир — отец»

²² О пленении Киром сына Томириды и о смерти последнего Геродот говорит чуть выше (*Herod. I. 211–213*).

²³ Вопрос о новеллах у Геродота давно и чрезвычайно детально разработан в монографии: Доватур А.И. 1957; Gray V. 2002.

²⁴ В связи с последним см.: Chlup J.T. 2009.

²⁵ Ср. Franks H.M. 2009.

²⁶ Не случайно в представлениях эллинов у самых отдаленных и диких варваров царит гинекократия, см. к постановке проблемы: Граков Б.Н. 1947. Отсюда и легенды об амазонках, к нашему пониманию которых см.: Суриков И.Е. 2009.

²⁷ Κάπηλος — мелкий розничный торговец. К таковым греки относились крайне пренебрежительно: Суриков И.Е. 2012, 214 сл.

(*Herod.* III. 89). Тут следует отметить, что никаких языков, помимо своего родного греческого, Геродот не знал, в странствиях своих прибегал к услугам толмачей, и его толкования персидских слов, в частности, имен не выдерживают никакой критики. Так, в одном месте он утверждает (*Herod.* I. 139), будто бы все без исключения персидские имена оканчиваются в начальной форме на звук s^{28} , что очевидным образом неверно. В другом месте историк приводит следующий перевод некоторых персидских царских имен (*Herod.* VI. 98): Дарий — «деятельный», Ксеркс — «воин», Артаксеркс — «великий воин». Всё это, опять же, не имеет почти никакого отношения к реальности.

* * *

Итак, у Геродота Кир Великий занимает весьма достойную позицию; однако понадобился Ксенофонт, чтобы этот персидский владыка занял в древнегреческом политическом мышлении поистине центральное место. На всю систему взглядов Ксенофонта, как известно, в очень значительной степени повлиял тот факт, что в молодости будущий многогранный и плодовитый эллинский писатель принял участие в знаменитом «Анабасисе» — походе Кира Младшего из Малой Азии в глубь Персидской державы с целью свержения Артаксеркса II.

Поход оказался неудачным, Кир Младший погиб в бою, но на Ксенофонта личность этого варвара-филэллина²⁹ произвела неизгладимое впечатление. Соответственно, когда он писал один из главных трудов своей жизни — «Киропедию», — идеальный образ Кира Старшего создавался им под значительным влиянием знакомой ему фигуры Кира Младшего; с этим тезисом спорить невозможно, да с ним никто и не спорит, тут перед нами нечто само собой разумеющееся³⁰.

²⁸ Mancini M. 1991.

²⁹ Характерно, что Кир Младший свою любимую наложницу переименовал в Аспасию. Получается, он реально интересовался греческой историей и знал о делах в Афинах эпохи Перикла.

³⁰ Ср. Фролов Э.Д. 1984, 156. Заметим здесь, что в отечественной историографии именно Э.Д. Фролов наиболее интенсивно занимался трактатом Ксенофонта «Киропедия».

Собственно, что такое «Киропедия»? Новаторское произведение в античной и европейской литературе. Часто (и в большой мере справедливо) этот труд называют первым в мире романом (или первым образчиком *fiction*, как нередко выражаются в англоязычной литературе; *fiction* — это беллетристика)³¹. Правда, отличие данного произведения от традиционных, знакомых нам романов заключается в том, что в последних, как правило, действуют вымышленные персонажи и имеет место вымышленная же фабула, а Ксенофонт избирает главным героем своего повествования вполне реальное лицо — Кира, однако при этом, как говорится, делает с ним всё, что хочет. Он как будто бы складывает модель идеального правителя, носящего условное варварское имя Кир Старший, из разнообразных элементов, даже, мы сказали бы, из «кусочков» разных личностей; среди таковых прообразов, например, явственно прослеживается спартанский царь Агесилай Великий, друг и покровитель Ксенофонта³².

Сказанное о вымышленных персонажах в романах, впрочем, не относится к *историческим романам*, в которых действуют реальные лица. Так, может быть, «Киропедия» — первый исторический роман, а Ксенофонт — предшественник Дюма? Вполне можно поставить вопрос и так; кроме того, можно назвать данный текст даже и утопическим романом (тогда Ксенофонт окажется еще и предтечей Томаса Мора), но данный нюанс нами еще будет затронут ниже.

Невозможно спорить с тем, что Ксенофонт знал те сведения о Кире, которые приводили его предшественники³³, — в первую очередь, естественно, Геродот, а также Ктесий Книдский, греческий врач, живший при персидском дворе на рубеже V–IV вв. до н.э., а потом, вернувшись на родину, написавший «в пику Геродоту» свой исторический труд о Персии, который как античными критиками, так и современными антиковедами всегда оценивался крайне невысоко³⁴.

Так вот, зная-то он всё это знал, однако же в ряде случаев отклонялся от своих источников. Особенно яркий пример — сюжет о

³¹ См.: Tatum J. 1989; Stadter P. 2010; Reichel M. 2010 (с соображениями о влиянии «Киропедии» на эллинистические романы).

³² См. к проблеме: Tuplin C. 1994.

³³ Gray V. 2016.

³⁴ О Ктесии см., например: Bigwood J.M. 1978; Marasco G. 1988.

смерти Кира³⁵. У Ксенофонта (*Хен.* Сугор. VIII. 7) Кир, вопреки всякой исторической действительности, не погибает в Средней Азии, а умирает своей смертью, перед кончиной успев дать подобающие наставления сыну Камбису и прочим ближним.

Всё это выглядит настолько неестественным, что дало повод некоторым ученым воспринять образ Кира у Ксенофонта как иронический³⁶. Впрочем, лично мы серьезных оснований для иронического чтения данного ксенофоновского текста не видим. Как бы то ни было, все подобные соображения совершенно отходят на второй план по сравнению с главным: «Киропедия» — трактат политический³⁷. Он — о власти, о монархии, об империи³⁸. Перед нами, в сущности, утопия о том, как «Великий Варвар» завоевывает едва ли не весь мир и насаждает в своих владениях идеальное государственное устройство.

Хотя название трактата «Киропедия» дословно означает «Воспитание Кира», но на деле-то в нем речь идет не только о воспитании будущего царя, но и о всех его дальнейших деяниях, о его походах, о создании им великой державы («Царство Кира было самым великолепным и самым могущественным из государств Азии...», *Хен.* Сугор. VIII. 8. 1). У нас даже закрадывается вот какое подозрение.

Оригинальное название произведения — *Kúrou paideía*. Что такое *paideía* — об этом не нужно объяснять никому из гуманитариев, по крайней мере, тем из них, кто когда-либо смотрел фундаментальный труд В. Йегера³⁹. А вот как понимать родительный падеж *Kúrou*?

³⁵ *Sancisi-Weerdenburg H.* 2010.

³⁶ *Danzig G.* 2012. К той же позиции ср.: *Henderson J.* 2012. Упоминание Хендерсона здесь не случайно: вот уж специалист по иронии! Его известная книга об обценном языке у Аристофана (*Henderson J.* 1991) в свое время привлекла чуть ли не всеобщее внимание. Хотя, не можем не заметить, Хендерсона на этой «ниве» намного опередил М.М. Бахтин (на которого Хендерсон, естественно, «забыл» сослаться).

³⁷ Не случайно к Ксенофону проявлял такой большой интерес Лео Штраус, один из виднейших в XX в. политических философов консервативного направления. См.: *Dorion L.-A.* 2010; *Johnson D.M.* 2012. В целом о вкладе Л. Штрауса в западную политическую мысль см.: *Zuckert C.H.* 2009; *Pearce C.D.* 2010; *Jaffe S.N.* 2015.

³⁸ *Harman R.* 2008; *Carlier P.* 2010.

³⁹ *Jaeger W.* 1933–1947.

Каждый, кто изучал классические языки, прекрасно знает, что в них есть внешне сходные, но по смыслу глубоко различающиеся функции родительного — *genetivus obiectivus* и *genetivus subiectivus*. Мы, пожалуй, посчитали бы даже излишним разъяснять эти грамматические нюансы, но в том-то всё и дело, что тут перед нами, похоже, именно такой случай! Или, точнее, Ксенофонт сознательно «сыграл» на двойственности функций падежа. *Kúrou paidéia* можно понять амбивалентно: как «воспитание Кира» (т.е. становление его как человека и правителя) и как «воспитание Киром» (метафорически выражаясь, упорядочение мира его высокой властью, создание из некоего пестрого хаоса хорошо упорядоченного «космоса»). Причем греческий историк подчеркивает личную роль Кира, указывает на то, что его громадное государство, находилось, как выражаются ныне, в режиме ручного управления: оно —

...управлялось единственно волею самого Кира; он дорожил своими подданными и пекся о них, как о собственных детях, но зато и подвластные Киру народы чтили его, как родного отца (*Хеп. Сутор. VIII. 8. 1*).

Всё это чрезвычайно актуально звучит для нас ныне. Особенно в свете тех слов, которыми продолжает свой труд Ксенофонт: «Однако, когда Кир умер, ...немедленно началось отпадение городов и народов, и всё пошло хуже» (*Хеп. Сутор. VIII. 8. 2*). Далее следует знаменитый заключительный пассаж «Киропедии», повествующий об упадке Персии после Кира и своим пессимистическим тоном резко диссонирующий с основным настроением трактата, о котором идет речь. Уместным будет привести несколько цитат из этого пассажа:

Все населяющие Азию народы впали в нечестие и несправедливость, ибо каковы правители, таковы по большей части оказываются и подданные их. Итак, в этом отношении персы теперь несомненно стали бесчестнее, чем прежде. Их отношение к деньгам тоже утратило прежнюю безупречность... Бесспорно, образ мыслей персов стал гораздо низменнее, чем когда-то... Персы стали теперь гораздо изнеженнее, чем при Кире... Они с равнодушием смотрят на исчезновение персидской выносливости, зато воспринятую у мидян изнеженность сохраняют всеми силами... Персы и сами понимают, какие военные средства ос-

тались теперь в их распоряжении; они смирились с существующим положением и никогда уже не вступают в войну без помощи эллинов, враждуют ли они друг с другом или же отражают нападения этих самых эллинов, потому что они убеждены, что и с самими эллинами надо вести войну при поддержке их же сородичей... Думаю, что мне удалось доказать, что по сравнению с прежним временем персы и их союзники стали теперь нечестивее относиться к богам, бессовестнее — к сородичам, несправедливее — к прочим людям, стали трусливее вести себя на войне» (Хен. Сугор. VIII. 8. 5–27).

Не может не броситься в глаза, что конец «Истории» Геродота и конец «Киропедии» Ксенофонта разительно коррелируют по проводящимся авторами идеям. Идеи же эти заключаются в следующем: «Великий Варвар» одерживает победы над всеми — именно потому, что он варвар, — и призывает потомков воздерживаться от «благ цивилизации». А оные потомки его гласу не внимают, в результате «предаются излишества и впадают в ничтожество», сходят с исторической сцены. Варвар, чтобы побеждать, должен постоянно оставаться именно варваром!

Очень показательно упоминание Ксенофонта о том, что в его времена персы сплошь и рядом в военной сфере прибегали к услугам греческих наемников. Это полностью соответствует действительности, и Ксенофонт писал о сием не понаслышке, ведь он и сам побывал наемником на персидской службе (правда, он подчеркивал, что служил у Кира Младшего не как наемник, а как доброволец, то есть не получал платы, но это ведь не столь принципиально — главное, что будущий писатель прекрасно был знаком с «наемническим миром» и его менталитетом).

Итак, греки как наемники у персов⁴⁰ — это важно, важно прежде всего в том плане, что, как мы показывали в другой работе⁴¹, в персидском восприятии как раз греки-то и были варварами, периферийным горным народом, воинственным, но чуждым имперским цивилизационным ценностям.

⁴⁰ Проблемой греческого наемничества в последнее время занимался М. Трандл. См. его главную работу: *Trundle M.* 2004.

⁴¹ Суриков И.Е. 2013.

* * *

«Киропедия» Ксенофонта с его пропагандой монархической власти добродетельного варвара стала произведением воистину этапным (и в то же время типичным — поскольку прекрасно вписывалась в контекст общего усиления тяги к монархии в греческой идеологии IV в. до н.э.⁴²). Точно не известно, когда написана «Киропедия»; ее обычно относят к коринфскому периоду ксенофоновского творчества (371–355 гг. до н.э.)⁴³. Этот момент принципиален, поскольку он показывает: Ксенофонт при написании своего трактата мог иметь в виду и нового «Великого Варвара» — Филиппа II Македонского, который пришел к власти в 359 г. до н.э., еще при жизни автора «Киропедии».

Филипп II воспринимался многими греками именно как варвар. Хотя с этнической точки зрения македоняне, как показывают все лингвистические исследования последних лет, являлись ветвью греческого народа⁴⁴, но вот с цивилизационной точки зрения они совершенно не вписывались в систему полисного мира, в целом характерную для Эллады⁴⁵. «Полностью не-аристотелевская вселенная» — так Дж. Дэвис выразился об Эпире⁴⁶, и к Македонии те же слова могут быть применены в полной мере. Македонское монархическое устройство⁴⁷ было одним из ключевых факторов, вызывавших у эллинов второй половины IV в. до н.э., во времена Филиппа II и Александра Великого, какое-то подозрительное отношение к этой стране⁴⁸, восприятие ее как «варварской», сопоставление ее с Персией (тем более что Македония некоторое время находилась под персидским владычеством)⁴⁹.

⁴² Суриков И.Е. 2016б.

⁴³ Фролов Э.Д. 1993, 250–251.

⁴⁴ См. хотя бы: Hatzopoulos M.B. 2007; Anson E.M. 2009.

⁴⁵ Ср. Клейменов А.А. 2012.

⁴⁶ Davies J.K. 2000.

⁴⁷ О нем см.: Carlier P. 2000; King C.J. 2010; Greenwalt W.S. 2015; Moloney E.P. 2015.

⁴⁸ Об антимакедонских настроениях, в частности, в Афинах времен Демосфена очень много писалось. См. о них, например: Lawton C.L. 2003.

⁴⁹ По вопросу о сопоставлении персидской и македонской монархий, см.: Seyer M. 2007; Olbrycht M.J. 2010; Саракинский В. 2013; Vasilev M.I. 2015.

С другой стороны, у тех людей в Афинах, которые Македонии симпатизировали, как раз эта черта — твердая царская власть — вызвала самые позитивные чувства, и они, не приходится сомневаться, читали и перечитывали конец «Истории» Геродота и конец «Киропедии» Ксенофонта, впитывали в себя содержащийся в этих пассажах пафос — «не расслабляться!». Образ «Великого Варвара» вновь и вновь торжествовал, что, в конечном счете, привело к формированию мир-системы эпохи эллинизма, в рамках которой «греко-варварский синтез»⁵⁰ был если не «самым-самым» определяющим фактором, то, по крайней мере, одним из определяющих.

И ведь, в сущности, эллинистические цари, оформляя основы своей власти, ориентировались едва ли не в большей степени на «варварскую», нежели на «эллинскую» парадигму. Не свободное гражданство республиканских полисов, а масса прославляющих их, неукоснительно покорных подданных — вот что их устраивало. Не верховенство закона, а полный произвол правителя («всегда справедливо то, что поставлено царем» — распространенная сентенция эпохи эллинизма, приписывавшаяся разным лицам, чаще всего Селевку I Никатору⁵¹), подчас даже обожествляемого. Не привычная для греков скромность, неприхотливость в повседневном быту, а нарочитая восточная роскошь⁵².

Во всех перечисленных отношениях диадохи и их преемники ориентировались, безусловно, на основоположника данной традиции — Александра Великого. Этот последний, как и его отец, вышеупомянутый Филипп II, тоже занял в тогдашнем мире нишу «Великого Варвара», причем, как всем известно, совершенно сознательно копировал образ жизни персидских владык. Но об этом упоминаем скорее в качестве небольшого эпилога, а завершим тем, что, возвращаясь к основной идее статьи, подчеркнем: первой «моделью» того самого «Великого Варвара», моделью, очень сильно повлиявшей на всю картину мира, стал для античных эллинов Кир Великий. Таков он

⁵⁰ О нем наиболее прямолинейно написано в: Габелко О.Л. 2009. Менее прямолинейно в: Зельин К.К. 1947.

⁵¹ Кошеленко Г.А. 1986, 308.

⁵² Об отношении греков к восточной роскоши в предшествующую эпоху см.: Картюк С.Г. 2012.

и у Геродота, и у Ксенофонта, да и других авторов, чьи свидетельства здесь, в силу ограниченного объема статьи, не были рассмотрены.

ЛИТЕРАТУРА

- Габелко О.Л. 2009: Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / О.Л. Габелко (ред.). — Казань.
- Гаспаров М.Л. 1997: Избранные труды. Т. 1: О поэтах. — М.
- Граков Б.Н. 1947: ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 3. 100–121.
- Грантовский Э.А. 1998: Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. — М.
- Доватур А.И. 1957: Повествовательный и научный стиль Геродота. — Л.
- Зельин К.К. 1947: Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 4. 145–156.
- Карпюк С.Г. 2012: Персидская роскошь в демократических Афинах // ВДИ. 3. 58–67.
- Клейменов А.А. 2012: Варварское и эллинское в македонском военном деле эпохи Филиппа II и Александра Македонского // Цивилизация и варварство. 1. 220–231.
- Кошеленко Г.А. 1986: Государство Селевкидов // История Древней Греции / В.И. Кузищин (ред.). — М., 307–316.
- Ладынин И.А. 2011: «Феопомп же в третьей (книге) называет его Сесострисом» (FGrH. 115. F 46): войны египетского царя в Европе в сведениях историографа Филиппа II // Antiquitas aeterna. 3. 34–55.
- Ладынин И.А. 2017: «Снова правит Египет!»: Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. — М.; СПб.
- Рунг Э.В. 2008: Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н.э. — СПб.
- Рунг Э.В. 2009: Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. — Казань.
- Саракинки В. 2013: Persomacedonica: Македонија и Персија пред Александар. — Скопје.

- Суриков И.Е. 2008: Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / А.Ю. Дворниченко (ред.). — СПб., 67–82.
- Суриков И.Е. 2009: Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 17. 7–39.
- Суриков И.Е. 2011: Очерки об историописании в классической Греции. — М.
- Суриков И.Е. 2012: Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. — М.
- Суриков И.Е. 2013: На периферии великих цивилизаций Востока: античные греки как варвары // Цивилизация и варварство. 2. 42–64.
- Суриков И.Е. 2015: Геродот 2000 лет спустя // Проблемы истории, филологии, культуры. 1 (47). 178–189.
- Суриков И.Е. 2016а: Солон и Крез: два «варвара» и два «представителя цивилизации» (деструкция, конструкция, деконструкция ситуации) // Цивилизация и варварство. 5. 16–46.
- Суриков И.Е. 2016б: Предпосылки становления культа правителей в доэллинистической Греции // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.). — М.; СПб., 34–75.
- Фролов Э.Д. 1984: Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. — Л.
- Фролов Э.Д. 1993: Ксенофонт и его «Киропедия» // Ксенофонт. Киропедия. — М., 243–267.
- Anson E.M. 2009: Greek Ethnicity and the Greek Language // Glotta. 85. 5–30.
- Armayer O.K. 2004: Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // The World of Herodotus / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). — Nicosia, 321–335.
- Balcer J.M. 1987: Herodotus & Bisitun. — Stuttgart.
- Bichler R. 2016: Persian Geography and the Ionians: Herodotus // Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.). — Leiden; Boston, 3–20.
- Bigwood J.M. 1978: Ctesias as Historian of the Persian Wars // Phoenix. 32. 1. 19–41.

- Blok J.H.* 2009: Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // *Historia*. 58. 2. 141–170.
- Brehm J.* 2009: Die Herrschaftsfolge des persischen Königshauses in den «Historien» des Herodot im Spannungsfeld von Kontinuität und Wandel // Genealogisches Bewusstsein als Legitimation: Inter- und intragenerationelle Auseinandersetzungen sowie die Bedeutung von Verwandtschaft bei Amtswechseln / H. Brandt, K. Köhler, U. Siewert (eds.). — Bamberg, 35–59.
- Carlier P.* 2000: Homeric and Macedonian Kingship // *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece* / R. Brock, S. Hodkinson (eds.). — Oxf., 259–268.
- Carlier P.* 2010: The Idea of Imperial Monarchy in Xenophon's *Cyropaedia* // *Xenophon* / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 327–366.
- Chlup J.T.* 2009: Crassus as Symposiast in Plutarch's *Life of Crassus* // *Symposion and Philanthropia in Plutarch* / J. Ribeiro Ferreira, D. Leão, M. Tröster, P. Barata Dias (eds.). — Coimbra, 181–190.
- Connor W.R.* 1984: Thucydides. — Princeton.
- Crielaard J.P.* 2009: Cities // *A Companion to Archaic Greece* / K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds.). — Oxf., 349–372.
- Danzig G.* 2012: The Best of the Achaemenids: Benevolence, Self-Interest and the 'Ironic' Reading of the *Cyropaedia* // *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry* / F. Hobden, C. Tuplin (eds.). — Leiden; Boston, 499–539.
- Davies J.K.* 2000: A Wholly Non-Aristotelian Universe: The Molossians as Ethnos, State, and Monarchy // *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece* / R. Brock, S. Hodkinson (eds.). — Oxf., 234–258.
- Dorion L.-A.* 2010: The Straussian Exegesis of Xenophon: The Paradigmatic Case of *Memorabilia* IV 4 // *Xenophon* / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 283–323.
- Flower M.* 2006: Herodotus and Persia // *The Cambridge Companion to Herodotus* / C. Dewald, J. Marincola (eds.). — Cambridge, 274–289.
- Fornara C.W.* 1971: Evidence for the Date of Herodotus' Publication // *Journal of Hellenic Studies*. 91. 25–34.
- Franks H.M.* 2009: Hunting the Eschata: An Imagined Persian Empire on the Lekythos of Xenophantos // *Hesperia*. 78. 4. 455–480.
- Georges P.* 1994: Barbarian Asia and the Greek Experience: from the Archaic Period to the Age of Xenophon. — Baltimore.

- Gray V. 2002: Short Stories in Herodotus' Histories // Brill's Companion to Herodotus / E.J. Bakker, I.J.F de Jong, H. van Wees (eds.). — Leiden; Boston; Köln, 291–317.
- Gray V. 2016: Herodotus (and Ctesias) Re-enacted: Leadership in Xenophon's *Cyropaedia* // Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond / J. Priestley, V. Zali (eds.). — Leiden; Boston, 301–321.
- Greenwalt W.S. 2015: Thracian and Macedonian Kingship // A Companion to Ancient Thrace / J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.). — Oxf., 337–351.
- Gschnitzer F. 1977: Die sieben Perser und das Königtum des Dareios: Ein Beitrag zur Achaimenidengeschichte und zur Herodotanalyse. — Heidelberg.
- Harman R. 2008: Viewing, Power and Interpretation in Xenophon's *Cyropaedia* // The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres / J. Pigoñ (ed.). — Newcastle upon Tyne, 69–91.
- Harrison T. 2002: The Persian Invasions // Brill's Companion to Herodotus / E.J. Bakker, I.J.F de Jong, H. van Wees (eds.). — Leiden; Boston; Köln, 551–578.
- Hatzopoulos M.B. 2007: Perception of the Self and the Other: The Case of Macedonia // Ancient Macedonia. 7. 51–66.
- Henderson J. 1991: The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2 ed. — Oxf.
- Henderson J. 2012: Pheraulas is the Answer, What was the Question? (You cannot be Cyrus) // Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry / F. Hobden, C. Tuplin (eds.). — Leiden; Boston, 541–561.
- Jaeger W. 1933–1947: Paideia: Die Formung des griechischen Menschen. — B., 1–3.
- Jaffe S.N. 2015: The Straussian Thucydides // A Handbook to the Reception of Thucydides / C. Lee, N. Morley (eds.). — Oxf., 278–295.
- Johnson D.M. 2012: Strauss on Xenophon // Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry / F. Hobden, C. Tuplin (eds.). — Leiden; Boston, 123–159.
- Keaveney A. 1996: Persian Behaviour and Misbehaviour: Some Herodotean Examples // Athenaeum. 84. 1. 23–48.
- King C.J. 2010: Macedonian Kingship and Other Political Institutions // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). — Oxf., 373–391.

- Lawton C.L.* 2003: Athenian Anti-Macedonian Sentiment and Democratic Ideology in Attic Document Reliefs in the Second Half of the Fourth Century B.C. // The Macedonians in Athens 322–229 B.C. / O. Palagia, S.V. Tracy (eds.). — Oxf., 117–127.
- Lefebvre E.* 2010: The Question of the *ΒΙΟΣ ΕΥΛΑΙΜΩΝ*. The Encounter between Cyrus and Croesus in Xenophon // Xenophon / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 401–417.
- Mancini M.* 1991: Erodoto e il nominative dei nomoi proper persiane // Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filosofiche. Rendiconti. 2. 2. 179–190.
- Marasco G.* 1988: Ctesia, Dinone, Eraclide di Cumae e le origine della storiografia «tragica» // Studi italiani di filologia classica. 6. 48–67.
- Mehl A.* 2004a: Cypriot City Kingdoms: No Problem in the Neo-Assyrian, Late Egyptian and Persian Empires, but why were they Abolished under Macedonian Rule? // Επετηρίδα του Κέντρου Επιστημονικών Ερευνών (Λευκωσία). 30. 9–21.
- Mehl A.* 2009a: The Relations between Egypt and Cyprus from Neo-Assyrian to Achaemenid Rule (7th –6th Cent. B.C.) // Proceedings of the International Conference: Egypt and Cyprus in Antiquity / D. Michaelides, V. Kassianidou, R.S. Merrillees (eds.). — Oxf., 60–66.
- Mehl A.* 2009b: Zyperns Stadtkönige bis um 500 v.Chr.: Zwischen wechselnden Oberherrschaften und Unabhängigkeit, zwischen Eigenentwicklung und Import // Zypern — Insel im Schnittpunkt interkultureller Kontakte: Adaption und Abgrenzung von der Spätbronzezeit bis zum 5. Jahrhundert / R. Bol, K. Kleibl, S. Rogge (eds.). — Münster, 191–212.
- Mikalson J.D.* 2003: Herodotus and Religion in the Persian Wars. — Chapel Hill.
- Moloney E.P.* 2015: Neither Agamemnon nor Thersites, Achilles nor Margites: The Heraclid Kings of Ancient Macedon // Antichthon. 49. 50–72.
- Momigliano A.* 1977: Essays in Ancient and Modern Historiography. — Oxf.
- Momigliano A.* 1990: The Classical Foundations of Modern Historiography. — Berkeley.
- Munson R.V.* 2012: Persians in Thucydides // Thucydides and Herodotus / E. Foster, D. Lateiner (eds.). — Oxf., 241–277.
- Olbrycht M.J.* 2010: Macedonia and Persia // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). — Oxf., 342–369.
- Parker V.* 2007: Herodotus' Use of Aeschylus' *Persae* as a Source for the Battle of Salamis // Symbolae Osloenses. 82. 2–29.

- Pearce C.D.* 2010: Libertarianism Ancient and Modern: Reflections on the Strauss-Rothbard Debate // Interpretation. 38. 1. 73–94.
- Pelling C.* 2007: *De Malignitate Plutarchi*: Plutarch, Herodotus, and the Persian Wars // Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium / E. Bridges, E. Hall, Rhodes (eds.). — Oxf., 145–164.
- Pelling C.* 2016: Herodotus' Persian Stories: Narrative Shape and Historical Interpretation // Syllecta classica. 27. 65–92.
- Provencal V.L.* 2015: Sophist Kings: Persians as Other in Herodotus. — L.
- Reichel M.* 2010: Xenophon's *Cyropaedia* and the Hellenistic Novel // Xenophon / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 418–438.
- Sancisi-Weerdenburg H.* 2010: The Death of Cyrus: Xenophon's *Cyropaedia* as a Source for Iranian History Xenophon / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 439–453.
- Seyer M.* 2007: Der Herrscher als Jäger: Untersuchungen zur königlichen Jagd im persischen und makedonischen Reich vom 6. – 4. Jahrhundert v.Chr. sowie unter den Diadochen Alexanders des Großen. — Wien.
- Silverman J.M.* 2015: From Remembering to Expecting the «Messiah»: Achaemenid Kingship as (Re)formulating Apocalyptic Expectations of David // Political Memory in and after the Persian Empire / J.M. Silverman, C. Waerzeggers (eds.). — Atlanta, 419–446.
- Solmsen F.* 1974: Two Crucial Decisions in Herodotus. Amsterdam — L.
- Stadter P.* 2010: Fictional Narrative in the *Cyropaedia* // Xenophon / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 367–400.
- Tatum J.* 1989: Xenophon's Imperial Fiction: On *The Education of Cyrus*. — Princeton.
- Treu M.* 1910: Eine Ansprache Tamerlans // Byzantinische Zeitschrift. 19. 1. 15–28.
- Trundle M.* 2004: Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander. — L.; N.Y.
- Tuplin C.* 1994: Xenophon, Sparta and the *Cyropaedia* // The Shadow of Sparta / A. Powell, S. Hodkinson (eds.). — L.; N.Y., 127–181.
- Vasilev M.I.* 2015: The Policy of Darius and Xerxes towards Thrace and Macedonia. — Leiden; Boston.
- Wallace R.W.* 2016: Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages // Journal of Hellenic Studies. 136. 168–181.
- Wiesehöfer J.* 2004: 'O Master, Remember the Athenians': Herodotus and Persian Foreign Policy // The World of Herodotus / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). — Nicosia, 209–221.

- Wiesehöfer J.* 2006: «...Keeping the Two Sides Equal»: Thucydides, the Persians and the Peloponnesian War // Brill's Companion to Thucydides / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). — Leiden, 657–667.
- Wilson I.D.* 2015: Yahweh's Anointed: Cyrus, Deuteronomy's Law of the King, and Yehudite Identity // Political Memory in and after the Persian Empire / J.M. Silverman, C. Waerzeggers (eds.). — Atlanta, 325–361.
- Will W.* 2006: Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen. — Bonn.
- Zali V.* 2016: Herodotus and his Successors: The Rhetoric of the Persian Wars in Thucydides and Xenophon // Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond / J. Priestley, V. Zali (eds.). — Leiden; Boston, 34–58.
- Zuckert C.H.* 2009: Twentieth Century Revivals of Ancient Political Thought: Hannah Arendt and Leo Strauss // A Companion to Greek and Roman Political Thought / R.K. Balot (ed.). — Oxf., 542–556.

I.E. Surikov

THE «GREAT BARBARIAN»
AS A SUBJECT AND OBJECT OF HISTORY
CYRUS THE ELDER
IN THE CLASSICAL GREEK TRADITION

In the European picture of the world in various epochs, a rather prominent place was taken by an idea of the «Great Barbarian» — an extraordinarily mighty ruler-warlord, who challenges usually from the East, who is cruel and terrible but at the same time majestic and in some attitudes even imposing for his personal features. The birth of the paradigm in question should be dated to the Greek antiquity. The first «Great Barbarian» is unequivocally Cyrus the Elder, the founder of Persians' world power. The article deals with his image in Ancient Greek authors, especially in Herodotus and Xenophon.

Keywords: barbarity, Ancient Greece, Persia, Cyrus the Elder, monarchy, historian writing, Herodotus, Xenophon.

SURIKOV Igor Evgenievich — Doctor of History, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 32A, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russian Federation. — isurikov@mail.ru

REFERENCES

- Gabelko O.L. 2009: Eshche raz o probleme «predellinizma» // Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskom mire / O.L. Gabelko (red.). — Kazan'.
- Gasparov M.L. 1997: Izbrannyye trudy. T. 1: O poetakh. — M.
- Grakov B.N. 1947: ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Perezhitki matriarkhata u sarmatov) // VDI. 3. 100–121.
- Grantovskii E.A. 1998: Iran i irantsy do Akhemenidov. Osnovnye problemy. Voprosy khronologii. — M.
- Dovatur A.I. 1957: Povestvovatel'nyi i nauchnyi stil' Gerodota. — L.
- Zel'in K.K. 1947: Osnovnye cherty ellinizma (sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i politicheskoe razvitie rabovladel'cheskikh obshchestv Vostochnogo Sredizemnomor'ya v period ellinizma) // VDI. 4. 145–156.
- Karpyuk S.G. 2012: Persidskaya roskosh' v demokraticeskikh Afinakh // VDI. 3. 58–67.
- Kleimenov A.A. 2012: Varvarskoe i ellinskoe v makedonskom voennom dele epokhi Filippa II i Aleksandra Makedonskogo // Tsivilizatsiya i varvarstvo. 1. 220–231.
- Koshelenko G.A. 1986: Gosudarstvo Selevkidov // Istoriya Drevnei Gre-tsii / V.I. Kuzishchin (red.). — M., 307–316.
- Ladynin I.A. 2011: «Feopomp zhe v tret'ei (knige) nazyvaet ego Sesostriom» (FGrH. 115. F 46): voiny egipetskogo tsarya v Evrope v svedeniyakh istoriografa Filippa II // Antiquitas aeterna. 3. 34–55.
- Ladynin I.A. 2017: «Snova pravit Egipet!»: Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy. — M.; SPb.
- Rung E.V. 2008: Gretsia i Akhemenidskaya derzhava: Istoriya diplomaticheskikh otnoshenii v VI–IV vv. do n.e. — SPb.
- Rung E.V. 2009: Greko-persidskie otnosheniya: politika, ideologiya, propaganda. — Kazan'.
- Sarakinski V. 2013: Persomacedonica: Makedonija i Persija pred Aleksandar. — Skopje.
- Surikov I.E. 2008: Kvazi-Solon, ili Krez v persidskom plenu (K vo-prosu o povestvovatel'nom masterstve Gerodota) // Istoriya: mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik nauchnykh statei k 75-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E.D. Frolova / A.Yu. Dvornichenko (red.). — SPb., 67–82.

- Surikov I.E. 2009: Udalyayushchiesya amazonki (Gendernaya mifologiya i gendernaya geografiya v drevnegrecheskikh potestarnykh predstavleniyakh) // Adam i Eva: Al'manakh gendernoi istorii. 17. 7–39.
- Surikov I.E. 2011: Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoi Gre-tsii. — M.
- Surikov I.E. 2012: Polis, logos, kosmos: mir glazami ellina. Kategorii drevnegrecheskoi kul'tury. — M.
- Surikov I.E. 2013: Na periferii velikikh tsivilizatsii Vostoka: antichnye greki kak varvary // Tsivilizatsiya i varvarstvo. 2. 42–64.
- Surikov I.E. 2015: Gerodot 2000 let spustya // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 1 (47). 178–189.
- Surikov I.E. 2016a: Solon i Krez: dva «varvara» i dva «predstavitelya tsivilizatsii» (destruktsiya, konstruktziya, dekonstruktsiya situatsii) // Tsivilizatsiya i varvarstvo. 5. 16–46.
- Surikov I.E. 2016b: Predposylki stanovleniya kul'ta pravitelei v doellinisticheskoi Gretsii // «Bogi sredi lyudei»: kul't pravitelei v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire / S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (red.). — M.; SPb., 34–75.
- Frolov E.D. 1984: Ogni Dioskurov: Antichnye teorii pereustroistva obshchestva i gosudarstva. — L.
- Frolov E.D. 1993: Ksenofont i ego «Kiropediya» // Ksenofont. Kiropediya. — M., 243–267.
- Anson E.M. 2009: Greek Ethnicity and the Greek Language // Glotta. 85. 5–30.
- Armayer O.K. 2004: Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // The World of Herodotus / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). — Nicosia, 321–335.
- Balcer J.M. 1987: Herodotus & Bisitun. — Stuttgart.
- Bichler R. 2016: Persian Geography and the Ionians: Herodotus // Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.). — Leiden; Boston, 3–20.
- Bigwood J.M. 1978: Ctesias as Historian of the Persian Wars // Phoenix. 32. 1. 19–41.
- Blok J.H. 2009: Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // Historia. 58. 2. 141–170.
- Brehm J. 2009: Die Herrschaftsfolge des persischen Königshauses in den «Historien» des Herodot im Spannungsfeld von Kontinuität und Wandel // Genealogisches Bewusstsein als Legitimation: Inter- und intragenerationelle Auseinandersetzungen sowie die Bedeutung von

- Verwandschaft bei Amtswechseln / H. Brandt, K. Köhler, U. Siewert (eds.). — Bamberg, 35–59.
- Carlier P. 2000: Homeric and Macedonian Kingship // *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece* / R. Brock, S. Hodkinson (eds.). — Oxf., 259–268.
- Carlier P. 2010: The Idea of Imperial Monarchy in Xenophon's *Cyropaedia* // *Xenophon* / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 327–366.
- Chlup J.T. 2009: Crassus as Symposiast in Plutarch's *Life of Crassus* // *Symposium and Philanthropia in Plutarch* / J. Ribeiro Ferreira, D. Leão, M. Tröster, P. Barata Dias (eds.). — Coimbra, 181–190.
- Connor W.R. 1984: *Thucydides*. — Princeton.
- Crielaard J.P. 2009: *Cities* // *A Companion to Archaic Greece* / K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds.). — Oxf., 349–372.
- Danzig G. 2012: The Best of the Achaemenids: Benevolence, Self-Interest and the 'Ironic' Reading of the *Cyropaedia* // *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry* / F. Hobden, C. Tuplin (eds.). — Leiden; Boston, 499–539.
- Davies J.K. 2000: A Wholly Non-Aristotelian Universe: The Molossians as Ethnos, State, and Monarchy // *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece* / R. Brock, S. Hodkinson (eds.). — Oxf., 234–258.
- Dorion L.-A. 2010: The Straussian Exegesis of Xenophon: The Paradigmatic Case of *Memorabilia* IV 4 // *Xenophon* / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 283–323.
- Flower M. 2006: Herodotus and Persia // *The Cambridge Companion to Herodotus* / C. Dewald, J. Marincola (eds.). — Cambridge, 274–289.
- Fornara C.W. 1971: Evidence for the Date of Herodotus' Publication // *Journal of Hellenic Studies*. 91. 25–34.
- Franks H.M. 2009: Hunting the Eschata: An Imagined Persian Empire on the Lekythos of Xenophantos // *Hesperia*. 78. 4. 455–480.
- Georges P. 1994: *Barbarian Asia and the Greek Experience: from the Archaic Period to the Age of Xenophon*. — Baltimore.
- Gray V. 2002: Short Stories in Herodotus' Histories // *Brill's Companion to Herodotus* / E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.). — Leiden; Boston; Köln, 291–317.
- Gray V. 2016: Herodotus (and Ctesias) Re-enacted: Leadership in Xenophon's *Cyropaedia* // *Brill's Companion to the Reception of Herodotus in*

- Antiquity and Beyond / J. Priestley, V. Zali (eds.). — Leiden; Boston, 301–321.
- Greenwalt W.S. 2015: Thracian and Macedonian Kingship // A Companion to Ancient Thrace / J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.). — Oxf., 337–351.
- Gschnitzer F. 1977: Die sieben Perser und das Königtum des Dareios: Ein Beitrag zur Achaimenidengeschichte und zur Herodotanalyse. — Heidelberg.
- Harman R. 2008: Viewing, Power and Interpretation in Xenophon's Cyropaedia // The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres / J. Pigoñ (ed.). — Newcastle upon Tyne, 69–91.
- Harrison T. 2002: The Persian Invasions // Brill's Companion to Herodotus / E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.). — Leiden; Boston; Köln, 551–578.
- Hatzopoulos M.B. 2007: Perception of the Self and the Other: The Case of Macedonia // Ancient Macedonia. 7. 51–66.
- Henderson J. 1991: The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2 ed. — Oxf.
- Henderson J. 2012: Pheraulas is the Answer, What was the Question? (You cannot be Cyrus) // Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry / F. Hobden, C. Tuplin (eds.). — Leiden; Boston, 541–561.
- Jaeger W. 1933–1947: Paideia: Die Formung des griechischen Menschen. — B., 1–3.
- Jaffe S.N. 2015: The Straussian Thucydides // A Handbook to the Reception of Thucydides / C. Lee, N. Morley (eds.). — Oxf., 278–295.
- Johnson D.M. 2012: Strauss on Xenophon // Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry / F. Hobden, C. Tuplin (eds.). — Leiden; Boston, 123–159.
- Keaveney A. 1996: Persian Behaviour and Misbehaviour: Some Herodotean Examples // Athenaeum. 84. 1. 23–48.
- King C.J. 2010: Macedonian Kingship and Other Political Institutions // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). — Oxf., 373–391.
- Lawton C.L. 2003: Athenian Anti-Macedonian Sentiment and Democratic Ideology in Attic Document Reliefs in the Second Half of the Fourth Century B.C. // The Macedonians in Athens 322–229 B.C. / O. Palagia, S.V. Tracy (eds.). — Oxf., 117–127.

- Lefebvre E. 2010: The Question of the ΒΙΟΣ ΕΥΔΑΙΜΩΝ. The Encounter between Cyrus and Croesus in Xenophon // Xenophon / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 401–417.
- Mancini M. 1991: Erodoto e il nominative dei nomoi proper persiane // Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filosofiche. Rendiconti. 2. 2. 179–190.
- Marasco G. 1988: Ctesia, Dinone, Eraclide di Cumae e le origine della storiografia «tragica» // Studi italiani di filologia classica. 6. 48–67.
- Mehl A. 2004a: Cypriot City Kingdoms: No Problem in the Neo-Assyrian, Late Egyptian and Persian Empires, but why were they Abolished under Macedonian Rule? // Επετηρίδα του Κέντρου Επιστημονικών Ερευνών (Λευκωσία). 30. 9–21.
- Mehl A. 2009a: The Relations between Egypt and Cyprus from Neo-Assyrian to Achaemenid Rule (7th –6th Cent. B.C.) // Proceedings of the International Conference: Egypt and Cyprus in Antiquity / D. Michaelides, V. Kassianidou, R.S. Merrillees (eds.). — Oxf., 60–66.
- Mehl A. 2009b: Zyperns Stadtkönige bis um 500 v.Chr.: Zwischen wechselnden Oberherrschaften und Unabhängigkeit, zwischen Eigenentwicklung und Import // Zypern — Insel im Schnittpunkt interkultureller Kontakte: Adaption und Abgrenzung von der Spätbronzezeit bis zum 5. Jahrhundert / R. Bol, K. Kleibl, S. Rogge (eds.). — Münster, 191–212.
- Mikalson J.D. 2003: Herodotus and Religion in the Persian Wars. — Chapel Hill.
- Moloney E.P. 2015: Neither Agamemnon nor Thersites, Achilles nor Margites: The Heraclid Kings of Ancient Macedon // Antichthon. 49. 50–72.
- Momigliano A. 1977: Essays in Ancient and Modern Historiography. — Oxf.
- Momigliano A. 1990: The Classical Foundations of Modern Historiography. — Berkeley.
- Munson R.V. 2012: Persians in Thucydides // Thucydides and Herodotus / E. Foster, D. Lateiner (eds.). — Oxf., 241–277.
- Olbrycht M.J. 2010: Macedonia and Persia // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). — Oxf., 342–369.
- Parker V. 2007: Herodotus' Use of Aeschylus' Persae as a Source for the Battle of Salamis // Symbolae Osloenses. 82. 2–29.
- Pearce C.D. 2010: Libertarianism Ancient and Modern: Reflections on the Strauss-Rothbard Debate // Interpretation. 38. 1. 73–94.

- Pelling C. 2007: *De Malignitate Plutarchi: Plutarch, Herodotus, and the Persian Wars // Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium / E. Bridges, E. Hall, Rhodes (eds.). — Oxf., 145–164.*
- Pelling C. 2016: *Herodotus' Persian Stories: Narrative Shape and Historical Interpretation // Syllecta classica. 27. 65–92.*
- Provencal V.L. 2015: *Sophist Kings: Persians as Other in Herodotus. — L.*
- Reichel M. 2010: *Xenophon's Cyropaedia and the Hellenistic Novel // Xenophon / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 418–438.*
- Sancisi-Weerdenburg H. 2010: *The Death of Cyrus: Xenophon's Cyropaedia as a Source for Iranian History Xenophon / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 439–453.*
- Seyer M. 2007: *Der Herrscher als Jäger: Untersuchungen zur königlichen Jagd im persischen und makedonischen Reich vom 6. – 4. Jahrhundert v.Chr. sowie unter den Diadochen Alexanders des Großen. — Wien.*
- Silverman J.M. 2015: *From Remembering to Expecting the «Messiah»: Achaemenid Kingship as (Re)formulating Apocalyptic Expectations of David // Political Memory in and after the Persian Empire / J.M. Silverman, C. Waerzeggers (eds.). — Atlanta, 419–446.*
- Solmsen F. 1974: *Two Crucial Decisions in Herodotus. Amsterdam — L.*
- Stadter P. 2010: *Fictional Narrative in the Cyropaedia // Xenophon / V.J. Gray (ed.). — Oxf., 367–400.*
- Tatum J. 1989: *Xenophon's Imperial Fiction: On The Education of Cyrus. — Princeton.*
- Treu M. 1910: *Eine Ansprache Tamerlans // Byzantinische Zeitschrift. 19. 1. 15–28.*
- Trundle M. 2004: *Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander. — L.; N.Y.*
- Tuplin C. 1994: *Xenophon, Sparta and the Cyropaedia // The Shadow of Sparta / A. Powell, S. Hodkinson (eds.). — L.; N.Y., 127–181.*
- Vasilev M.I. 2015: *The Policy of Darius and Xerxes towards Thrace and Macedonia. — Leiden; Boston.*
- Wallace R.W. 2016: *Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages // Journal of Hellenic Studies. 136. 168–181.*
- Wiesehöfer J. 2004: *'O Master, Remember the Athenians': Herodotus and Persian Foreign Policy // The World of Herodotus / V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.). — Nicosia, 209–221.*
- Wiesehöfer J. 2006: *«...Keeping the Two Sides Equal»: Thucydides, the Persians and the Peloponnesian War // Brill's Companion to Thucydides / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). — Leiden, 657–667.*

- Wilson I.D. 2015: Yahweh's Anointed: Cyrus, Deuteronomy's Law of the King, and Yehudite Identity // *Political Memory in and after the Persian Empire* / J.M. Silverman, C. Waerzeggers (eds.). — Atlanta, 325–361.
- Will W. 2006: *Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen*. — Bonn.
- Zali V. 2016: Herodotus and his Successors: The Rhetoric of the Persian Wars in Thucydides and Xenophon // *Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond* / J. Priestley, V. Zali (eds.). — Leiden; Boston, 34–58.
- Zuckert C.H. 2009: Twentieth Century Revivals of Ancient Political Thought: Hannah Arendt and Leo Strauss // *A Companion to Greek and Roman Political Thought* / R.K. Balot (ed.). — Oxf., 542–556.

В.О. Никишин

АУТСАЙДЕР, СТАВШИЙ ЛИДЕРОМ

О НЕКОТОРЫХ ПЕРИПЕТИЯХ БИОГРАФИИ СПАРТАКА ДО НАЧАЛА ВОССТАНИЯ

Статья посвящена анализу той скудной информации, которую наши источники сообщают о происхождении и биографии Спартака до начала *bellum servile*. Автор исходит из того, что версии Аппиана и Флора противоречат одна другой, и не пытается их согласовать, считая такой подход непродуктивным. Решить однозначно, какую из этих версий следует предпочесть, невозможно. От того, какую из двух версий мы предпочтём, зависит решение вопроса о том, сколько раз продавали в рабство Спартака. Если это версия Флора, то Спартака единожды продали в гладиаторы, хотя нельзя исключать и возможность перепродажи. Если же это версия Аппиана, то продаж было как минимум три: один раз Спартак достался «доброму» господину (Диодор), в другой раз — тому, кто поступил с ним «несправедливо» (Плутарх); в третий раз фракиец был продан в гладиаторскую школу «без вины» (Варрон).

Ключевые слова: Спартак, гладиаторы, Аппиан, Флор, фракиец-стипендиарий, ланиста, ауксиларий, гладиаторская школа, Родопские горы, Западная Фракия.

История жизни Спартака сама по себе феноменальна: варвар по происхождению, раб, гладиатор (иными словами, в социальном, бытовом, житейском смысле — аутсайдер, волей судьбы оказавшийся

НИКИШИН Владимир Олегович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский пр., 27. — cice-ro74@mail.ru

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 79–95
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 79–95

на дне римского общества I в. до н.э.), благодаря невероятному стечению обстоятельств и выдающимся личным организаторским и полководческим дарованиям стал лидером крупнейшего восстания рабов и свободных, потрясшего самые устои Римской республики.

Спартак — это «поистине трагическая фигура»¹ в истории Рима. Недаром Орозий и Евтропий сравнивали этого человека с Ганнибалом²: как в свое время прославленный сын Гамилькара Барки, Спартак бросил дерзкий вызов сенату и народу Рима, заставив трепетать от страха Вечный город³. Римляне навсегда запомнили ту «ужасную войну» (*formidolosissimum bellum*)⁴, в которой «вместе со свободными»⁵ сражались рабы, а верховодили гладиаторы»⁶, и буйный разгул «шаек Спартака»⁷. Харизма предводителя повстанцев обусловила его особое место в ряду противостоявших Риму варварских вождей: будучи одним из тех «свободных духом и благород-

¹ *McGushin P.* 1994, 111.

² *Oros. Hist. V. 24. 5; Eutrop. VI. 7. 2.*

³ Аммиан Марцеллин поставил Спартака рядом с другим отважным варварским вождем, доставившим Риму немало хлопот, а именно Вириатом (*Amm. Marc. XIV. 11. 33*).

⁴ *Cic. Pis. 58.*

⁵ Не подлежит никакому сомнению, что в спартаковском движении 74 / 73–71 гг. до н.э., помимо массы рабов, принимали участие и свободные люди, среди которых, конечно же, были уцелевшие марианцы и другие оппозиционные элементы, недовольные олигархическим режимом (см.: *Orena R.* 1984, 183–223; *Piccinin P.* 2004, 173–199). Тогда, по словам Аппиана, «почти вся Италия отпала от римлян вследствие ненависти к ним... и вступила в союз против них со Спартаком-гладиатором...» (*App. Mithr. 109*. Пер. С.П. Кондратьева под ред. Е.С. Голубцовой и Л.Л. Кофанова. Ср.: *Them. VII. 86 C–D*). Правда, в другом месте тот же Аппиан утверждает, что «ни один итальянский город не примкнул к мятежникам; это были рабы, перебежчики и всякий сброд» (*App. BC. I. 117*. Пер. С.А. Жебелёва под ред. Е.С. Голубцовой и Л.Л. Кофанова). Тем не менее, на наш взгляд, имеются веские основания рассматривать «спартаковскую войну» в первую очередь как рецидив гражданских войн в Италии I-й четв. I в. до н.э.

⁶ *Flor. II. 8. 2*. Пер. А.И. Немировского.

⁷ *Hor. Carm. III. 14. 20*. Ср.: *Vell. II. 30. 5; Flor. II. 8. 5; Augustin. De civ. Dei. III. 26; IV. 5; 22.*

ных», о ком с очевидной симпатией писал Саллюстий⁸, своей героической гибелью в бою Спартак стяжал себе посмертную славу «императора» (*imperator*), т.е. победоносного полководца⁹.

Несмотря на то что драматичную историю спартаковского движения и борьбы с ним описывали представители греко-римской интеллектуальной элиты, т.е., казалось бы, ярые и непримиримые враги Спартак и его дела, их оценки порой сильно разнятся: если одни оценивали личность Спартак резко негативно (Ливий, Флор, Цицерон), то другие писали о харизматичном вожде инсургентов с уважением, сочувствием и даже восхищением (Саллюстий, Варрон, Диодор, Плиний Старший¹⁰, Аппиан, Плутарх). Более того, все они воздавали должное выдающимся организаторским способностям, таланту военачальника и редкой отваге Спартак¹¹. Для Цицерона, Горация и Тацита Спартак был злейшим врагом Рима, «злодеем» и «разбойником»¹². Напротив, Саллюстий отметил незаурядную «силу духа» и благородство Спартак¹³, Плутарх уподобил его эллину, имея в виду исключительные душевные качества предводителя инсургентов¹⁴, Флор же счёл возможным, учитывая доблесть Спартак,

⁸ *Sall. Hist.* III. 98. Пер. В.С. Соколова.

⁹ *Flor.* II. 8. 14. По словам Плутарха, «покинутый своими соратниками, бежавшими с поля битвы, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца» (*Plut. Crass.* 11. Здесь и далее цит. в пер. В.В. Петуховой). Это был яркий пример т.н. «благородной смерти» (*nobile letum*), которая отчасти «реабилитировала» Спартак в глазах врагов. См.: Никишин В.О. 2016, 145–152.

¹⁰ Так, Плиния Старшего приводит в изумление тот факт, что Спартак запретил своим подчинённым приносить в лагерь золото и серебро (символы развращающего влияния на умы людей богатства и роскоши). В глазах римского историка это — замечательный пример величия духа беглых рабов (*tanto plus fuit animi fugitivis nostris*) (*Plin. NH.* XXXIII. 49. Ср.: *App. BC.* I. 117).

¹¹ Об античной традиции, посвящённой Спартаку, см.: *Stampacchia G.* 1976, 108–147.

¹² *Cic. Par.* 30; *Idem. Phil.* III. 21; IV. 15; XIII. 22; *Hor. Carm.* III. 14. 20; *Ep.* XVI. 5; *Tacit. Ann.* III. 73. 3; XV. 46. 1.

¹³ *Sall. Hist.* III. 91; 98.

¹⁴ *Plut. Crass.* 8. «Человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше

поставить «презренного гладиатора» в один ряд с победоносными римскими полководцами¹⁵.

«Крайняя скудость»¹⁶, отличающая состояние письменных источников по истории спартаковского движения, делает практически невозможной непротиворечивую реконструкцию биографии Спартака до начала мятежа в капуанской гладиаторской школе ланисты Гнея Корнелия Лентула Батиата. Все наши сведения о жизни Спартака до начала *bellum servile*, по-видимому, восходят к трудам Саллюстия и Ливия¹⁷. Проблема заключается в том, что, как известно, соответствующие книги двух известных римских писателей, были, увы, безвозвратно утеряны. В настоящее время практически никто

своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени».

¹⁵ *Flor.* II. 8. 14.

¹⁶ *Orena R.* 1984, 45. В силу этой «скудости» невозможно не только реконструировать подлинную биографию Спартака до начала восстания, но и выяснить реальные мотивы, цели и задачи отважного предводителя инсургентов. Не только события жизни Спартака до 74 / 73 г. до н.э. покрыты мраком неизвестности: то же самое относится и к замыслам великого фракийца. Это тайна, которую он унёс с собой в могилу. Если Спартак изначально не собирался уводить свои войска из Италии, каков был план его дальнейших действий? Намеревался ли он влиться в мощную антиримскую коалицию в составе Понтийской державы Митридата VI Эвпатора, мятежных испанских провинций Квинта Сертория и эскадр киликийских пиратов, чтобы тем самым оказать серьёзную поддержку своим соотечественникам, героически сражавшимся в то время с армией Марка Лукулла? Наконец, не может не возникнуть вопрос: насколько самостоятельной политической фигурой был Спартак? Возможно, его в известной степени использовали римско-италийские политические силы антисулланской и, следовательно, антисенатской ориентации? Если так, то «спартаковскую войну» следует рассматривать в контексте гражданских смут в Италии I в. до н.э. Едва ли ситуация с источниками, освещающими события *bellum servile*, когда-либо принципиально изменится к лучшему (вероятность сенсационных открытий в этой области ничтожно мала). Как бы то ни было, грандиозная фигура Спартака всегда будет волновать умы и привлекать к себе всё новых исследователей, стремящихся понять и оценить масштаб этой незаурядной личности.

¹⁷ *Момус А.А.* 1957, 161.

из историков не сомневается в том, что Спартак был фракийцем по происхождению; об этом почти единогласно¹⁸ свидетельствуют античные авторы¹⁹, да и имя предводителя инсургентов однозначно фракийское: оно неоднократно засвидетельствовано в источниках эпохи эллинизма и локализовано в Западной Фракии, — Spartakos, или Spartacus²⁰, что означает «славный своим копьем»²¹. Благодаря остроумной конъектуре К. Циглера²² (*Plut. Crass. 8*: «муж фракиец из племени медов» вместо «племени номадов», т.е. кочевников) Спартака сегодня принято считать фракийцем из племени медов, отличавшегося своей воинственностью²³. Местом обитания медов и, следовательно, родиной Спартака была Западная Фракия, а именно среднее течение реки Стримон (совр. Струма) близ западных отрогов Родопских гор²⁴.

Безусловно, Спартак был свободнорождённым²⁵, здесь никаких сомнений быть не может. Однозначно ответить на вопрос, когда и при каких обстоятельствах он стал рабом и гладиатором, нельзя. Тем не менее, на этот счёт можно выдвинуть более или менее вероятные

¹⁸ Для Диодора он просто «варвар» (*Diod. XXXVIII. 21*). Только Синезий «переселил» Спартака и Крикса в Галлию (*Syn. Reg. 256*). Видимо, писавший на рубеже IV–V вв. Синезий (епископ греческого происхождения) ошибся, неверно интерпретировав сведения своего источника. Дело в том, что Спартак и Крикс, скорее всего, принадлежали к гладиаторской корпорации «галлов»: во-первых, Флор называет Спартака мирмиллоном (*Flor. II. 8. 12*); во-вторых, стать друзьями и единомышленниками в стенах гладиаторской школы Спартак и Крикс могли только в том случае, если они были членами одной гладиаторской корпорации. См.: Никишин В.О. 2006, 48–50.

¹⁹ *Plut. Crass. 8; App. BC. I. 116; Flor. II. 8. 12; Oros. Hist. V. 24. 1; Athen. VI. 272 F.*

²⁰ См.: Крыкин С.М. 1993, 101–104; Detschew D. 1957, 473–475; Guarino A. 1979, 102–103; Velkova Ž. 1981, 195–197.

²¹ Velkova Ž. 1981, 197.

²² Ziegler K. 1955, 248–250.

²³ *Strab. VII. 5. 12*

²⁴ Крыкин С.М. 2007, 66; Горончаровский В.А. 2011, 11; Azmanov I. 1997–1998, 57–63.

²⁵ *Brisson J.P. 1969, 205*. Принадлежал ли Спартак к знатному или даже царскому роду — неизвестно.

предположения. В античности таких версий было, как минимум, две²⁶ — они дошли до нас в предельно кратком изложении двух авторов эпохи Антонинов — грека Аппиана (эту версию, в частности, принял Плутарх, который в целом положительно относился к Спартаку и даже уподобил его эллину²⁷) и римлянина Луция Аннея Флора. Как сообщает Аппиан,

...в это самое время в Италии среди гладиаторов, которые обучались в Капуе для выступлений в цирке, был фракиец Спартак. Он раньше воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы (τοῦ δ' αὐτοῦ χρόνου περὶ τὴν Ἰταλίαν μονομάχων ἐς θέας ἐν Καπύῃ τρεφόμενον, Σπάρτακος Θράξ ἀνὴρ, ἐστρατευμένος ποτὲ Ῥωμαίοις, ἐκ δὲ αἰχμαλωσίας καὶ πράσεως ἐν τοῖς μονομάχοις ὄν) (App. BC. I. 116. Пер. С.А. Жебелёва под ред. Е.С. Голубцовой и Л.Л. Кофанова).

В изложении Флора Спартак сперва стал «из фракийца-стипендиария солдатом»²⁸, из солдата — дезертиром, затем — раз-

²⁶ Скорее всего, проведённое сенатом расследование «по горячим следам» дало настолько противоречивые результаты, что даже у латинских авторов I в. до н.э. (Саллюстия, Варрона, Тита Ливия и др.) не сложилось единого представления о биографии Спартака до начала *bellum servile*. На наш взгляд, сообщение Флора отражает официальную версию (*versio officiosa*), обнародованную властями вскоре после разгрома спартаковской армии и, понятное дело, характеризующую Спартака в целом крайне негативно (дезертир, разбойник, гладиатор); напротив, сообщение Аппиана отражает альтернативную версию (*versio popularis*), со временем получившую распространение в самых широких кругах населения Римской республики (эта версия по понятным причинам характеризует Спартака гораздо более благожелательно, нежели первая).

²⁷ Plut. Crass. 8.

²⁸ Имеется в виду ауксиларий — солдат римских вспомогательных войск (*auxilia*). *Stipendiarius* можно перевести как «наёмник» или как «данник»; к примеру, «данником» (*stipendiarius*) римского народа Ливий называет Ганнибала (Liv. XXI. 41. 7). Если Спартак всё-таки был наёмником, то кем он был нанят? Понтийцами или римлянами, царём Митридатом VI Эвпатором или Суллой? И как он из наёмника стал ауксиларием? Эти и другие вопросы, увы, остаются без ответа. В своё время А.В. Мишулин совершенно бездоказательно предположил, что «Спартак во главе фракийских пле-

бойником, а потом благодаря физической силе — гладиатором» (*ille de stipendiario Thrace miles, de milite desertor, inde latro, deinde in honorem virium gladiator*) (*Flor.* II. 8. 8. Пер. авт.). На этом основании Т. Моммзен написал в III томе своей «Истории Рима»: «Он (т.е. Спартак. — В.Н.) служил во вспомогательных фракийских частях

мён был на стороне Митридата, был наёмником в его войсках и воевал против Рима» (*Мишулин А.В.* 1937, 137). Е. Колендо предположил, что термин *stipendiarius* в тексте Флора следует переводить именно как «даннык», а не как «наёмник»; по мнению польского исследователя, Спартак мог быть мобилизован в римскую армию Суллой, который в 85 г. до н.э. совершил два победоносных похода в землю медов (*Plut.* Sull. 23; *App.* Mithr. 55; *Eutrop.* V. 7. 1). Е. Колендо принял версию Э. Габбы, предположившего, что Спартак попал в Италию с началом гражданской войны в 83 г. до н.э. в рядах *auxilia* под знамёнами Суллы (см.: *Gabba E.* 1958, 317; *Kolendo J.* 1981a, 71–77. Ср.: *Guarino A.* 1979, 68). В принципе в таком варианте развития событий нет ничего невероятного: известно, что фракийцы в разное время служили в римской армии (*Sall.* Iug. 38. 6; *Caes.* BC. III. 4; 36; 95; *SHA.* Max. I. 4–5). Скорее всего, Спартак служил в кавалерии: фракийцы издавна славилась как искусные наездники (см., напр.: 2 *Mac.* 12:35). Плутарх сообщает, что накануне решающей битвы с армией Красса Спартак демонстративно заколол своего коня и в дальнейшем сражался пешим (*Plut.* Crass. 11. Об этом см.: *Kamienik R.* 1967–1968, 282–287. Эпизод с ритуальным закланием коня перед боем см.: *Flor.* II. 26. 15). Однако здесь классик биографического жанра, несомненно, ошибается. О том, что в своём последнем бою Спартак сражался верхом, свидетельствует фреска, обнаруженная в 1927 г. директором Неаполитанского музея А. Майури в Помпеях (об этой фреске см.: *Kolendo J.* 1981, 49–53). Наконец, Юлий Капитолин в биографии первого «солдатского» императора Максимиана Фракийца проводит недвусмысленные параллели между своим героем и Спартаком (*ut erat Thrax et barbarus*) (*SHA.* Max. IX. 6), указав, что Максимиан начал свою армейскую карьеру со службы в коннице (*SHA.* Max. II. 2. См.: *Baldini A.* 1981, 78–84). Возможно, Спартак занимал командную должность (или должности): в пользу этой гипотезы свидетельствуют и несомненные лидерские качества фракийца, и тот факт, что на протяжении как минимум двух лет (73–71 гг. до н.э.) он блестяще руководил огромной массой вооружённых людей. Безусловно, опыт службы в рядах римской армии не пропал для Спартака даром: войско инсургентов было вооружено и сформировано в невероятно сжатые сроки и с учётом всех достижений *disciplina Romana* (*Jähne A.* 1986, 118).

римского войска, дезертировал, занимался разбоем в горах²⁹, снова был схвачен и должен был стать гладиатором»³⁰.

Приходится констатировать, что версии Аппиана и Флора (как уже говорилось, они восходят к трудам Саллюстия и Тита Ливия) противоречат друг другу и согласовать их без ущерба для здравого смысла невозможно. В самом деле, если принять версию Флора, согласно которой Спартак был дезертиром и разбойником³¹, возникает закономерный вопрос: могли ли римляне, взявшие в плен дезертира и разбойника, продать его в рабство с аукциона, вместо того чтобы отправить на крест или на растерзание диким зверям? Едва ли. В римском праве дезертиры (*desertores*) стояли примерно на одном уровне с беглыми рабами (*servi fugitivi*), но наказывались строже³². В военное время дезертирство из армейских рядов однозначно каралось смертной казнью³³. «Разбой» (*furtum*), разумеется, лишь усугублял вину³⁴. Впрочем, верно и то, что римское уголовное законо-

²⁹ Необходимо учесть следующее: «разбойниками» (*latrones*, или *praedones*) для римлян, с точки зрения права, были те противники, против которых они вели необъявленную войну (*Dig.* 49. 15. 24; 50. 16. 118). См. также: *Giuffrè V.* 1981, 214 ss.; *Burian J.* 1984, 17 ff.; *Grünwald Th.* 2004, 33 sqq. О «малой войне» в античности см.: *Wieser M.* 1976.

³⁰ *Моммзен Т.* 1995, 58. Могло быть и так: Спартак, служивший под римскими знамёнами в рядах *auxilia*, во время очередной кампании во Фракии дезертировал и вместе с соотечественниками воевал против римлян (тогда-то в глазах римлян он и стал «разбойником», ибо те не считали достойными противниками представителей местных племён, у которых даже не было единого властителя). Попав в плен, отважный фракиец благодаря своим физическим данным был продан в гладиаторы.

³¹ Видимо, этой версии придерживался и Тацит, явно уподоблявший Спартаку Такфарината (*Tacit. Ann.* II. 52; III. 73). Тем не менее, Флор, пусть не без колебаний, всё же называет Спартаковскую войну *bellum*, а не *latrocinium*, повстанцев — *hostes*, а не *latrones*, самого же Спартака, героически сражавшегося и павшего в битве под Брундизиумом, уподобляет победоносному римскому полководцу (*quasi imperator occisus est*) (*Flor.* II. 8. 2; 12–13).

³² *Dig.* 49. 16. 4. 14.

³³ *Ibid.* 49. 16. 5. 1.

³⁴ *Ibid.* 49. 16. 5. 2.

дательство в отношении дезертиров и перебежчиков было довольно гибким и не карало одинаково всех без разбора; в частности, учитывались статус и звание военнослужащего, его прошлые заслуги, были ли у него сообщники, совершил ли он какие-либо ещё преступления, раскаялся он или нет и т.д.³⁵. Это обстоятельство позволяет объяснить тот факт, что Спартак, дезертир и разбойник, попавший в руки римского правосудия в военное время, был отправлен не на крест, а на арену. Таким образом, если следовать версии Флора, римляне, взяв Спартака в плен, продали его ланисте, которому выпала сомнительная «честь» вывести на арену амфитеатра будущего предводителя «рабской войны». Звали ли этого ланисту Гней Корнелий Лентул Батиат? Или это был другой ланиста, с выгодой перепродавший физически крепкого и выносливого фракийца хозяину капуанской гладиаторской школы? Эти вопросы по понятным причинам остаются без ответа.

Версия Аппиана, которой придерживался и Плутарх, исходит из того, что доблестный фракиец попал в плен к римлянам в честном бою и был продан в рабство. В своё время А.В. Мишулин предположил, что «систематическое бегство Спартака от своих владельцев и было поводом для осуждения его в гладиаторы»³⁶. Однако эта точка зрения противоречит данным источников, а именно Плутарха и Варрона. Согласно Плутарху, в гладиаторской школе Лентула Батиата Спартак вместе со своими товарищами по несчастью оказался вследствие «несправедливости» (αδικία) купившего их господина³⁷. Из дошедшей до нас реплики Варрона следует, что «Спартак без вины был брошен в гладиаторы» (Spartaco innocente coniecto ad gladiatorium) (*Varro ap. Char. gram.* I. 133. Пер. авт.). Следует принять во внимание, что «хозяин мог отправить раба в гладиаторскую школу и за вину и без вины — воля его была тут полной»³⁸. Поэтому, что касается суждений Варрона и Плутарха, в обоих случаях имеет место, разумеется, не правовая, а моральная оценка свершившегося факта. Видимо, со стороны античных авторов это была по-

³⁵ Ibid. 49. 16. 5 pr.

³⁶ Мишулин А.В. 1936, 135.

³⁷ Plut. Crass. 8.

³⁸ Сергеенко М.Е. 2000, 218.

пытка объяснения причин возникновения заговора гладиаторов: с точки зрения писателя-моралиста, несправедливость порождает ожесточение и жажду мести.

Среди фрагментов Диодора сохранилось интригующее сообщение о некоем «благодеении», оказанном Спартаку неизвестно кем:

Спартак, хотя он и был варваром, получившим как-то от некоего человека благодеяние, оказался по отношению к нему благодарным: даже у варваров природа сама учит отвечать благодарностью благодетелям (*Diod. XXXVIII. 21. Пер. С.П. Кондратьева*).

Возникают следующие закономерные вопросы: когда, где и кем могло быть оказано означенное благодеяние? Где и когда Спартак мог воздать добром за него? Отвечаем на первый вопрос: после порабощения Спартака, в Италии³⁹, каким-то рабовладельцем, вероятно, купившим Спартака на невольничьем рынке. Что же Диодор подразумевал под «благодеением»? Вероятно, речь идёт о какой-то привилегии, которой пользовался фракиец, оставаясь рабом; возможно, его сделали вилником и разрешили иметь семью. О некоей таинственной «жене» Спартака сообщает Плутарх (*Plut. Crass. 8*). Из его беллетризованного повествования следует, что рядом со Спартаком всё это время находилась некая таинственная «жена», пророчица и жрица. «Жена Спартака, его соплеменница, одарённая однако же даром пророчества и причастная к Дионисовым таинствам», будто бы даже участвовала в побеге гладиаторов из школы Лентула Батиата (*loc. cit.*).

Возникает очередной закономерный вопрос: какая «жена» могла быть у гладиатора, чей социальный статус был едва ли не самым низким в Римской республике? Как и в случае с обычным рабом, *de iure* речь здесь могла идти лишь о сожительстве, а не о брачном союзе. Каким бы привилегированным ни было положение Спартака в капуанской гладиаторской школе, с точки зрения римского права и тогда, и после побега Спартак, что бы он ни думал себе на сей счёт, оставался рабом: так, у Павла в «Дигестах» читаем: «*Si servus, quem*

³⁹ По сообщению Плутарха, впервые порабощённого Спартака привели продавать в Рим (*Plut. Crass. 8*).

possidebam, pro libero se gerat, ut fecit Spartacus...» (*Dig.* 41. 2. 3. 10)⁴⁰. Впрочем, не исключено, что сюжет с «женой» является позднейшим романтическим вымыслом. Возвращаясь к фрагменту Диодора, отметим, что, вполне вероятно, Диодор и сам не знал всех подробностей этой странной истории.

Если наше предположение верно, то воздать добром за оказанное ему благодеяние Спартак мог только там же, в Италии, во время восстания (вероятно, бывшему господину Спартака была сохранена жизнь, а его имущество спасено от разграбления). Таким образом, если следовать нарративной традиции Аппиана, Плутарха, Варрона и Диодора, Спартака после его порабощения продавали как минимум трижды⁴¹: один раз он достался «доброму» господину, который оказал ему пресловутое «благодеяние»⁴²; в другой раз он был куплен рабовладельцем, поступившим с ним «несправедливо»⁴³; в третий раз он по прихоти своего господина был продан в гладиаторы «без вины»⁴⁴.

Уточнить хронологию событий на настоящем этапе не представляется возможным по причине уже отмеченной нами скудости источников. Когда Спартак был пленён римлянами? В 80-е гг. до н.э., во время боевых действий римлян против Митридата VI и гражданских войн в Италии, или в 77–76 гг. до н.э., в ходе военной акции проконсула Македонии Аппия Клавдия Пульхра в Родопских горах⁴⁵? Однозначно ответить на поставленный вопрос, разумеется, невозможно. Если придерживаться версии Аппиана, 80-е гг. до н.э. представляются более предпочтительными: за 10–12 лет, истекшие от момента порабощения Спартака до начала восстания в 74 / 73 г. до н.э., будущий грозный предводитель инсургентов вполне мог ус-

⁴⁰ См.: *Mayer-Maly Th.* 2004, 336–338.

⁴¹ В.А. Горончаровский считает, что Спартака дважды продавали в рабство и при этом не разлучали с женой: «Таким образом, в гладиаторскую школу его перепродал первый, не известный нам хозяин, скорее всего, не ранее 75 г. до н.э.» (*Горончаровский В.А.* 2011, 19).

⁴² *Diod.* XXXVIII. 21.

⁴³ *Plut.* Crass. 8.

⁴⁴ *Varro ap. Char. gram.* I. 133.

⁴⁵ Ср.: *Ziegler K.* 1955, 249.

петь не только побывать рабом, как минимум, пары господ и гладиатором, но и заслужить немалый авторитет среди своих товарищей по несчастью (об этом говорит уже тот факт, что Спартак стал одним из организаторов заговора в гладиаторской школе). Если же мы отдаём предпочтение версии Флора, то 76 г. до н.э. получает приоритет в силу очевидных причин⁴⁶. Более или менее точно известно одно: в 74 г. до н.э. в капуанской гладиаторской школе Лентула Батиата возник заговор гладиаторов, во главе которого встал своеобразный «триумвират» — фракиец Спартак, оск Крикс и грек Эномай⁴⁷. Поначалу Спартак, видимо, был лишь «первым среди равных», однако вскоре после начала восстания и гибели Эномая именно он стал лидером, воплотившим в себе «принцип автократического руководства»⁴⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Горончаровский В.А.* 2011: Спартаковская война: восставшие рабы против римских легионов. — СПб.
- Крыкин С.М.* 1993: Фракийцы в античном Северном Причерноморье. — М.
- Крыкин С.М.* 2007: Спартак: версии о его происхождении (научный подход вразрез с литературно-легендарным) // ПИФК. 17. 66–80.
- Мишулин А.В.* 1936: Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в I веке до н.э. — М.
- Мишулин А.В.* 1937: К истории восстания Спартака в древнем Риме // ВДИ. 1. 133–142.

⁴⁶ В.А. Горончаровский попытался согласовать обе версии. По его мнению, вторжение Суллы в землю медов в 85 г. до н.э. вполне могло иметь своим следствием то, что юный Спартак (скорее всего, представитель племенной знати) попал на римскую службу в качестве наёмника (*stipendiarius*). Дезертирство Спартака из рядов *auxilia* исследователь связывает с римской агрессией 77 г. до н.э. (*Горончаровский В.А.* 2011, 14–18).

⁴⁷ *Мишулин А.В.* 1936, 92–93.

⁴⁸ *Jähne A.* 1986, 125. Видимо, Крикс после гибели Эномая стал ближайшим помощником Спартака, уступив ему роль единоличного лидера инсургентов.

- Моммзен Т. 1995: История Рима. — СПб., III.
- Мотус А.А. 1957: О датировке начала восстания Спартака // ВДИ. 3. 158–166.
- Никишин В.О. 2016: Несколько штрихов к биографии Спартака // Актуальные проблемы всеобщей истории. Межвузовский сборник научных статей. — Ростов-на-Дону, 5. 46–58.
- Никишин В.О. 2016: Спартак и Такфаринат: героическая гибель в бою как *nobile letum* // Уроки прошлого, вызовы XXI века и творчество Н.А. Добролюбова: тема войны в исторической, художественной и философской памяти. Сборник докладов Международной научной конференции «XXXIX Добролюбовские чтения» и Международной научной конференции «Литературно-музейный венок Нижнему Новгороду. Мемориальные музеи российских и зарубежных писателей XIX–XX вв. о роли Нижнего Новгорода в судьбе и творчестве своих героев». — Н. Новгород, 145–152.
- Сергеенко М.Е. 2000: Жизнь в Древнем Риме. — СПб.
- Azmanov I. 1997–1998: Sklave. The birthplace of Spartacus // Kodai. Journal of Ancient History. 8. 57–63.
- Baldini A. 1981: Sulla menzione di Spartaco nell'istoria Augusta // Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. — Sofia, 78–84.
- Brisson J.P. 1969: Spartacus. — P.
- Burian J. 1984: Latrones. Ein Begriff in römischen literarischen und juristischen Quellen // Eirene. Studia Graeca et Latina. 21. 17–23.
- Detschew D. 1957: Die thrakischen Sprachreste. — Wien.
- Gabba E. 1958: Appiani bellorum civilium liber primus / Introduzione, traduzione e commento di E. Gabba. — Firenze.
- Giuffrè V. 1981: «Latrones desertoresque» // Labeo. Rassegna di diritto romano. 27. 214–218.
- Grünwald Th. 2004: Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. — L.; N.Y.
- Guarino A. 1979: Spartaco. Analisi di un mito. — Napoli.
- Jähne A. 1986: Spartacus. Kampf der Sklaven. — B.
- Kamienik R. 1967–1968: Über das angebliche Rossopfer des Spartakus // Eos. 57. 282–287.
- Kolendo J. 1981: Spartacus sur une peinture osque de Pompei: chef de la grande insurrection servile ou un gladiateur inconnu originaire de la Thrace? //

- Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. — Sofia, 49–53.
- Kolendo J.* 1981a: Comment Spartacus deviant-il esclave? // Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. — Sofia, 71–77.
- Mayer-Maly Th.* 2004: Spartacus und Paulus // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 121. 336–338.
- McGushin P.* 1994: Sallust. The Histories / Translation with introduction and commentary by P. McGushin. Vol. 2. — Oxford.
- Orena R.* 1984: Rivolta e rivoluzione. Il bellum di Spartaco nella crisi della repubblica e la riflessione storiografica moderna. — Milano.
- Piccinin P.* 2004: Les Italiens dans le Bellum Spartacium // Historia. 53. 173–199.
- Stampacchia G.* 1976: La tradizione della guerra di Spartaco da Sallustio a Orosio. — Pisa.
- Velkova Ž.* 1981: Der Name Spartacus // Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. — Sofia, 195–197.
- Wieser M.* 1976: Der Kleinkrieg in der Antike. Beiträge zur Militärgeschichte aus der Sicht der Vergleichenden Geschichtswissenschaft. Diss. — Innsbruck.
- Ziegler K.* 1955: Die Herkunft der Spartacus // Hermes. 83. 248–250.

V.O. Nikishin

AN OUTSIDER, WHICH BECOME A LEADER
ABOUT SOME COMPLEXITIES OF SPARTACUS' BIOGRAPHY
BEFORE THE BEGINNING OF THE REVOLT

This article is devoted to the analysis of that barren information, which our sources tell about the birthplace and biography of Spartacus before the beginning of the bellum servile. Believing that the versions by Appianus and Florus are contradictory, the author doesn't try to coordinate them with each other, because he considers such an approach to be unproductive. It's impossible to search out exactly which of those versions should be preferred. The solution of the problem how many times Spartacus was sold in slavery, depends on which of two versions we shall prefer. If we prefer the version by Florus, Spartacus was once sold in the gladiatorial school, though the possibility

of resale shouldn't be excluded. Conversely, if we prefer the version by Appianus, Spartacus was sold three times as a minimum: once Spartacus became a slave of a kind master (Diodorus), another time he was sold to that slaveowner, who treated with him «unfairly» (Plutarchus), for the third time Spartacus became the gladiator «innocently» (Varro).

Keywords: Spartacus, gladiators, Appianus, Florus, Thracian-stipendiarius, lanista, auxilarius, gladiatorial school, Rhodope mountains, Western Thracia.

NIKISHIN Vladimir Olegovich — Candidate of Historical Sciences, Senior Tutor of the Department of Ancient History of the M.V. Lomonosov Moscow State University. 27, Lomonosovsky Prospect, Moscow, 119991, Russian Federation. — cicero74@mail.ru

REFERENCES

- Goroncharovskii V.A. 2011: Spartakovskaya voina: vosstavshie raby protiv rimskikh legionov. — SPb.
- Krykin S.M. 1993: Frakiitsy v antichnom Severnom Prichernomor'e. — M.
- Krykin S.M. 2007: Spartak: versii o ego proiskhozhdenii (nauchnyi podkhod vrazrez s literaturno-legendarnym) // PIFK. 17. 66–80.
- Mishulin A.V. 1936: Spartakovskoe vosstanie. Revolyutsiya rabov v Rime v I veke do n.e. — M.
- Mishulin A.V. 1937: K istorii vosstaniya Spartaka v drevnem Rime // VDI. 1. 133–142.
- Mommzen T. 1995: Istoriya Rima. — SPb., III.
- Motus A.A. 1957: O datirovke nachala vosstaniya Spartaka // VDI. 3. 158–166.
- Nikishin V.O. 2016: Neskol'ko shtrikhov k biografii Spartaka // Aktual'nye problemy vseobshchei istorii. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei. — Rostov-na-Donu, 5. 46–58.
- Nikishin V.O. 2016: Spartak i Takfarinat: geroicheskaya gibel' v boyu kak nobile letum // Uroki proshlogo, vyzovy XXI veka i tvorchestvo N.A. Dobrolyubova: tema voyny v istoricheskoi, khudozhestvennoi i filosofskoi pamyati. Sbornik dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «XXXIX Dobrolyubovskie chteniya» i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Literaturno-muzeinyi venok Nizhnemu Novgorodu.

- Memorial'nye muzei rossiiskikh i zarubezhnykh pisatelei XIX–XX vv. o roli Nizhnego Novgoroda v sud'be i tvorchestve svoikh geroev». — N. Novgorod, 145–152.
- Sergeenko M.E. 2000: Zhizn' v Drevnem Rime. — SPb.
- Azmanov I. 1997–1998: Sklave. The birthplace of Spartacus // Kodai. Journal of Ancient History. 8. 57–63.
- Baldini A. 1981: Sulla menzione di Spartaco nell'istoria Augusta // Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. — Sofia, 78–84.
- Brisson J.P. 1969: Spartacus. — P.
- Burian J. 1984: Latrones. Ein Begriff in römischen literarischen und juristischen Quellen // Eirene. Studia Graeca et Latina. 21. 17–23.
- Detschew D. 1957: Die thrakischen Sprachreste. — Wien.
- Gabba E. 1958: Appiani bellorum civilium liber primus / Introduzione, traduzione e commento di E. Gabba. — Firenze.
- Giuffrè V. 1981: «Latrones desertoresque» // Labeo. Rassegna di diritto romano. 27. 214–218.
- Grünewald Th. 2004: Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. — L.; N.Y.
- Guarino A. 1979: Spartaco. Analisi di un mito. — Napoli.
- Jähne A. 1986: Spartacus. Kampf der Sklaven. — B.
- Kamienik R. 1967–1968: Über das angebliche Rossopfer des Spartakus // Eos. 57. 282–287.
- Kolendo J. 1981: Spartacus sur une peinture osque de Pompei: chef de la grande insurrection servile ou un gladiateur inconnu originaire de la Thrace? // Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. — Sofia, 49–53.
- Kolendo J. 1981a: Comment Spartacus deviant-il esclave? // Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. — Sofia, 71–77.
- Mayer-Maly Th. 2004: Spartacus und Paulus // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 121. 336–338.
- McGushin P. 1994: Sallust. The Histories / Translation with introduction and commentary by P. McGushin. Vol. 2. — Oxford.
- Orena R. 1984: Rivolta e rivoluzione. Il bellum di Spartaco nella crisi della repubblica e la riflessione storiografica moderna. — Milano.
- Piccinin P. 2004: Les Italiens dans le Bellum Spartacium // Historia. 53. 173–199.

- Stampacchia G. 1976: La tradizione della guerra di Spartaco da Sallustio a Orosio. — Pisa.
- Velkova Ž. 1981: Der Name Spartacus // Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. — Sofia, 195–197.
- Wieser M. 1976: Der Kleinkrieg in der Antike. Beiträge zur Militärgeschichte aus der Sicht der Vergleichenden Geschichtswissenschaft. Diss. — Innsbruck.
- Ziegler K. 1955: Die Herkunft der Spartacus // Hermes. 83. 248–250.

И.Е. Ермолова

К ВОПРОСУ ОБ ОДНОМ ИЗ СОЗДАТЕЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ВАРВАРА

Автор статьи анализирует процесс формирования античной традиции в изображении варвара и отношении к варвару. Показана роль Аммиана Марцеллина в развитии античной традиции о варварах и создании исторического портрета варвара. Рассматриваются представленные историком типичные свойства варварских племен и оригинальные черты, свойственные лишь конкретным народам.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, традиция, экскурс, варвар, образ, портрет.

Интерес к тем, кто живет рядом, а иногда и довольно далеко, вполне естественен. Уже на начальных этапах развития этнических контактов с соседями закономерно и повсеместно намечается тенденция к выделению собственного коллектива и противопоставление его чужому. Это противопоставление выразилось в появлении в ранних греческих сочинениях термина «варвар», прочно вошедшего в последующую историографию и художественную литературу.

Античные историки на протяжении веков использовали материал, накопленный их предшественниками. Определенные сведения, характеристики и оценки переходили из одного сочинения в другое, постепенно становясь литературным штампом. В древней литературе существуют образы, которые, раз появившись и понравившись,

ЕРМОЛОВА Ирина Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ. Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская площадь, 6. — merira@mail.ru

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 96–104
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 96–104

потом переходят от одного поколения к другому через всю античность. Так, в Греции и Риме складывается устойчивая литературная традиция в изображении варваров.

Отношение греков к соседним народам выражалось, в частности, в сознании своей исключительности со всеми соответствующими проявлениями и последствиями¹. То же чувство превосходства на протяжении веков испытывали и римляне². Люди и человеческие общности неизбежно смотрят на своих соседей с подозрением и награждают их нелестными характеристиками, поэтому негативные ассоциации по отношению к варварам вполне закономерно появляются в источниках³. Уже к концу IV в. до н.э. «понятие «варвар» превратилось в собирательный образ варвара и стало штампом массового сознания»⁴.

Несмотря на значительные изменения в жизни античного общества, традиционный образ варвара продолжал сохранять свое влияние и в IV в. н.э. Он был одной из составных частей основы культурного единства Средиземноморья: его можно найти и у греческих, и у латинских историков, в риторических сочинениях, и при дворе, и в письмах частных людей⁵. Практика описания позднеантичными авторами племен своего времени через анахронистические этнонимы, взятые у Геродота и Тацита, больше, чем просто приверженность традиции или поэтическая вольность. Называть готов гетами или скифами, франков сикамбрами, гуннов массагетами означало выражать подспудно лежащую истину, что, по существу, на границах цивилизованного мира ничего не изменилось: беспокойные племена прошлого продолжают свое существование под новыми именами, как надо было их сдерживать когда-то, так нужно их сдерживать и сейчас⁶.

Одним из ретрансляторов многовековой традиции и создателей исторического портрета варвара, внесших в него свою лепту, был выдающийся римский историк Аммиан Марцеллин.

¹ Маринович Л.П. 2006, 5.

² Dill S. 1910, 289; Labuske H. 1983, 99.

³ Goffart W. 1981, 277; Vogt J. 1967, 67; Dauge Jv. A. 1981, 342; 668.

⁴ Маринович Л.П. 2006, 25.

⁵ Heather P. 1999, 242; Winkelmann F. 1989, 222.

⁶ Goffart W. 1981, 277.

В текст «Деяний» включено большое количество экскурсов, десять из которых носят историко-этнографический характер и более всего показывают приверженность Аммиана Марцеллина к довольно устойчивой схеме этнографического описания, которая сложилась задолго до IV в. н. э., в период от Гомера до Геродота⁷, и использование им ряда типичных образов и формул, поскольку их включение входило в общепринятые правила историописания⁸.

Историк посвятил свое сочинение аргументации защиты империи и *romanitas* против диких сил, угрожающих им снаружи и изнутри⁹. Отступления, посвященные конкретным регионам: римским провинциям Востока (Киликии, Исаурии, Коммагене, Сирии, Финикии, Палестине и Аравии), Египту, Галлии и Фракии, сопредельным странам (Персии и Причерноморью) и окружающим народам (сарацинам, аланам, гуннам), связаны с этой ведущей темой «Деяний» — изображением противостояния, противоборства Рима и варваров. По Аммиану, главный итог деятельности римского государства, клонящегося к старости, заключается в том, что оно согнуло «гордые шеи диких народов»¹⁰. Правда, это — достижения прошлого, а в его время —

...по всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые (*saevissimae*) народы и стали переходить ближайшие к ним границы. Галлию и Рэцию одновременно грабили аламанны, сарматы и квады — обе Паннонии; пикты, саксы, скотты и аттакотты терзали непрерывными бедствиями Британию; австорианы и другие племена мавров сильнее обычного тревожили Африку; Фракию грабили разбойнические шайки готов¹¹.

Негативное отношение к варварам, от которых исходит угроза римскому миру, ощущается во всех экскурсах. Спокойное и обстоятельное описание границ, территорий, областей, рек, городов и достопримечательностей давних римских провинций, история их завоевания дополняются сообщениями о характерах и обычаях местных народов, а именно нравы, по мнению Цицерона, больше, чем язык,

⁷ Поплинский Ю.К. 1980, 139–144.

⁸ Wiedemann T.E.J. 1986, 193; 201.

⁹ Jones W.R. 1971, 383.

¹⁰ *Amm. Marc.* XIV. 6. 5 ...*superbas efferatarum gentium cervices oppressas.*

¹¹ *Ibid.* XXVI. 4. 5.

определяют принципиальное различие между культурами¹². Вероятно, Аммиан Марцеллин считал так же и поэтому акцентировал внимание на дурных качествах различных племен. Так, галлы «страшно сварливы и чрезвычайно заносчивы»¹³ и «большие охотники до вина»¹⁴; египтяне — «спорщики, жестокие упрямцы и разбойники»¹⁵; исавры «объединялись в шайки разбойников»¹⁶; буйность туземцев Аравии «приходилось многократно смирять»¹⁷; и благодетельна сила Рима, обуздавшая фракийцев, так как «эти племена были прежде неукротимыми и постоянно бродили без образования или законов»¹⁸.

Племена же отдаленных областей, за редким исключением, почти недоступны из-за их чрезвычайной дикости, грубости и воинственности¹⁹.

Самую глубокую неприязнь у него вызывают кочевые народы, особенно сарацины и гунны, которые превосходят «всякую меру дикости»²⁰. Они вероломны, непостоянны, яростны, ненадежны в слове, пламенеют дикой страстью к золоту, изменчивы и скоры на гнев²¹. Эти подвижные и неукротимые народы, пылающие дикой жаждой добычи и идущие вперед среди грабежей и убийств²², «быстро передвигаясь туда и сюда, в короткое время разоряют все, что могут найти, словно хищные коршуны»²³.

¹² *Cic. De Re Publ. I. 37. 58.*

¹³ *Amm. Marc. XV. 12. 1: ...avidus iurgiorum et sublatius insolens.*

¹⁴ *Ibid. XV. 12. 4: ...vini avidum genus.*

¹⁵ *Ibid. XXII. 16. 23: ...controversi et reposcenes acerrimi, latrones.*

¹⁶ *Ibid. XIV. 8. 4; 2. 1; XIX. 13. 1: ...catervis mixtae praedonum.*

¹⁷ *Ibid. XIV. 8. 13: ...incolarum tumore saepe contunso.*

¹⁸ *Ibid. XXVII. 4. 10: ...has gentes antehac semper indomitas vagantesque sine cultu vel legibus.*

¹⁹ *Ibid. XXIII. 6. 62: ...has nationes paene ob asperitatem nimiam inaccessas; 44: ...feri sunt illic habitatores pagorum omnium atque pugnaces.*

²⁰ *Ibid. XXXI. 2. 1: ...omnem modum feritatis excedit.*

²¹ *Ibid. XXXI. 2. 11: ...infidi, inconstantes, totum furori incitatissimo tribuentes, flexiloqui, auri cupidine immensa flagrant, permutabiles et irasci faciles.*

²² *Ibid. XXXI. 2. 12: ...hoc expeditum indomitumque hominum genus, externa praedandi aviditate flagrans inmani, per rapinas<...> grassatum et caedes.*

²³ *Ibid. XIV. 4. 1: ...ultro citroque discursantes quicquid inveniri poterat momento temporis parvi vastabant milvorum rapacium similes.*

Впрочем, и в изображении образа действий германцев Аммиан Марцеллин очень часто употребляет термины и производные от них, обозначающие свирепость, дикость, необузданность, ярость, бешенство, жестокость, неукротимость, а также прямые сравнения со зверями²⁴, что не только свидетельствует о необычайной чувственной выразительности его сочинения²⁵, но и выражает его отношение к варварским племенам. По Аммиану, германцам свойственны также вероломство, лицемерие, коварство²⁶, стремление к грабежу²⁷ и прочие негативные качества. Такого рода характеристики почти без исключения укладываются в топи о варварах²⁸.

Но только передачей традиции Аммиан Марцеллин не ограничивается. Следует учитывать, что похожие черты и обычаи варваров, которые обуславливаются исторически сложившимися условиями их существования, влекут за собой аналогичные способы описания в историографии. Также известно, что, как для античных, так и для византийских писателей, характерно следование традиции, оформление их реальных знаний с помощью стереотипов. Та или иная информация —

...в большинстве случаев подается по литературным законам жанра в соответствии с этикетными требованиями читателей или слушателей. Конкретность исторического факта как бы опосредуется литературной средой передачи информации. В результате наблюдаемые события описываются с использованием ряда определенных формул²⁹.

²⁴ Ibid. saevitia — XVI. 11. 3; 12. 23; XVII. 8. 1; XXVI. 6. 11; XXXI. 12. 9; ferocia — XIV. 10. 14; XV. 4. 9; XVI. 12. 16; XXVII. 8. 9; XXXI. 15. 3; furor — XVI. 12. 31; 46; XVIII. 2. 14; XXXI. 13. 10; feritas (ferus) — XVI. 11. 8; 12. 2; XVII. 12. 12; XX. 1. 1; XXXI. 7. 9; 9. 1; 12. 8; immanis — XVII. 1. 13; rabies (rabidus) — X VI. 5. 16; 12. 31; XXXI. 7. 3; 9; bestiae — XVI. 5. 17; XXXI. 8. 9; 15. 2.

²⁵ Ауэрбах Э. 1976, 76.

²⁶ *Amm. Marc.* XVII. 1. 3; 12. 7; XVIII. 2. 18; XXVII. 10. 5; XXXI. 10. 2; 12. 13.

²⁷ Ibid.. XVI. 10. 20; 12. 6; XXVII. 2. 2.

²⁸ *Jacob L.* 1983, 78.

²⁹ Бибииков М.В. 1981, 41.

Поэтому попытки расценить, в частности, экскурс о гуннах как «этнографическую фикцию», проводя параллели с более ранними сочинениями в описании кочевого образа жизни³⁰, не представляются состоятельными. К тому же описание каждого из племен в произведении Аммиана Марцеллина не исчерпывается только признаками, типичными для варваров безотносительно их национальности, а включает оригинальные черты, свойственные лишь конкретным народам³¹.

Таким образом, этого историка следует считать не бездумным компилятором³², а одним из вдумчивых создателей исторического портрета варвара.

ЛИТЕРАТУРА

- Ауэрбах Э. 1976: Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. — М.
- Бибииков М.В. 1981: Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГ, 39–45.
- Ермолова И.Е. 2001: Этнографический облик гуннов по данным позднеантичных авторов // Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой / Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазырина, И.Г. Коновалова, С.Л. Никольский, В.Я. Петрухин (ред.). — М., 128–135.
- Ермолова И.Е. 2017: Аммиан Марцеллин об одной этнокультурной общности // ВЕДС XXIX. — М., 81–86.
- Маринович Л.П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (ред.). — М., 5–29.
- Поплинский Ю.К. 1980: Принципы этнографических описаний в античной научной литературе // АЭФ. 12. 129–154.

³⁰ Richter W. 1974, 361ff; 367ff; King C. 1987, 77; 83 — 84.

³¹ См., напр.: Ермолова И.Е. 2001, 131 — 135; Она же. 2017, 83 — 85.

³² Richter W. 1974, 361ff.

- Dill S.* 1910: Roman Society in the Last Century of the Western Empire. — L.
- Dauge Jv. A.* 1981: Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. — Bruxelles.
- Goffart W.* 1981: Rome, Constantinople and the Barbarians // The American Historical Review. 86. 2. 275–306.
- Heather P.* 1999: The Barbarian in Late Antiquity: Image, Reality and Transformation // Constructing Identities in Late Antiquity / R. Miles (ed.). — L., 234–258.
- Jacob L.* 1983: Die Germanen im Urteil Ammians // Rom und Germanien / Dem Wirken Werner Hartkes gewidmet. — B., 77–83.
- Jones W.R.* 1971: The Image of the Barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History. 13. 4. 376–407.
- King C.* 1987: The Veracity of Ammianus Marcellinus' Description of Huns // American Journal of Ancient History. 12(1). — Chicago, 77–95.
- Labuske H.* 1983: Die Barbarenproblematik in Ideologie und Propaganda der Spätantike // Rom und Germanien / Dem Wirken Werner Hartkes gewidmet. — B., 99–108.
- Richter W.* 1974: Die Darstellung der Hunnen bei Ammianus Marcellinus (31, 2, 1–11) // Historia. 23. 3. 343–377.
- Vogt J.* 1967: Kulturwelt und Barbaren. — Mainz.
- Wiedemann T.E.J.* 1986: Between Man and Beasts. Barbarians in Amminius Marcellinus // Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing / I.S. Moxon, J.D.Smart and A.J. Woodman (ed.). — Cambridge, 189–201.
- Winkelmann F.* 1989: Die Bewertung der Barbaren in den Werken der oströmischen Kirchenhistoriker // Das Reich und die Barbaren / K. Chrysos und A. Schwarcz (ed.). — Wien; Köln, 221–235.

I.E. Ermolova

TO THE QUESTION ABOUT ONE OF THE CREATORS OF THE HISTORICAL PORTRAIT OF THE BARBARIAN

The article's author analyzes processes of formation of the antique tradition in the image of the barbarian and attitude to the barbarian.

The role of Ammianus Marcellinus in the development of the antique tradition of the barbarians and creation of the historical portrait of the barbarian is demonstrated. Typical properties of the barbarian tribes, which are represented by the historian, and original features of specific peoples are considered.

Keywords: Ammianus Marcellinus, tradition, excursion, barbarian, image, portrait.

ERMOLOVA Irina Evghenjevna — Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of General History of the Russian State University for the Humanities. 6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation. — merira@mail.ru

REFERENCES

- Auerbakh E. 1976: *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapad-noevropeiskoi literature*. — M.
- Bibikov M.V. 1981: Vizantiiskie istochniki po istorii Rusi, na-rodov Severnogo Prichernomor'ya i Severnogo Kavkaza (XII–XIII vv.) // DG, 39–45.
- Ermolova I.E. 2001: Etnograficheskii oblik gunnov po dannym pozdneantichnykh avtorov // *Norna u istochnika Sud'by. Sbor-nik statei v chest' Eleny Aleksandrovny Mel'nikovoi* / T.N. Dzhakson, G.V. Glazyrina, I.G. Konovalova, S.L. Nikol'skii, V.Ya. Petrukhin (red.). — M., 128–135.
- Ermolova I.E. 2017: Ammian Martsellin ob odnoi etnokul'turnoi obshchnosti // VEDS XXIX. — M., 81–86.
- Marinovich L.P. 2006: Vozniknovenie i evolyutsiya doktriny prevoskhodstva grekov nad varvarami // *Antichnaya tsivilizatsiya i varvary* / L.P. Marinovich (red.). — M., 5–29.
- Poplinskii Yu. K. 1980: Printsipy etnograficheskikh opisaniy v antichnoi nauchnoi literature // AEF. 12. 129–154.
- Dill S. 1910: *Roman Society in the Last Century of the Western Empire*. — L.
- Dauge Jv. A. 1981: *Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation*. — Bruxelles.
- Goffart W. 1981: Rome, Constantinople and the Barbarians // *The American Historical Review*. 86. 2. 275–306.

- Heather P. 1999: The Barbarian in Late Antiquity: Image, Reality and Transformation // *Constructing Identities in Late Antiquity* / R. Miles (ed.). — L., 234–258.
- Jacob L. 1983: Die Germanen im Urteil Ammians // *Rom und Germanien / Dem Wirken Werner Hartkes gewidmet*. — B., 77–83.
- Jones W.R. 1971: The Image of the Barbarian in Medieval Europe // *Comparative Studies in Society and History*. 13. 4. 376–407.
- King C. 1987: The Veracity of Ammianus Marcellinus' Description of Huns // *American Journal of Ancient History*. 12(1). — Chicago, 77–95.
- Labuske H. 1983: Die Barbarenproblematik in Ideologie und Propaganda der Spätantike // *Rom und Germanien / Dem Wirken Werner Hartkes gewidmet*. — B., 99–108.
- Richter W. 1974: Die Darstellung der Hunnen bei Ammianus Marcellinus (31, 2, 1–11) // *Historia*. 23. 3. 343–377.
- Vogt J. 1967: *Kulturwelt und Barbaren*. — Meinz.
- Wiedemann T.E.J. 1986: Between Man and Beasts. Barbarians in Amminius Marcellinus // *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing* / I.S. Moxon, J.D.Smart and A.J. Woodman (ed.). — Cambridge, 189–201.
- Winkelmann F. 1989: Die Bewertung der Barbaren in den Werken der oströmischen Kirchenhistoriker // *Das Reich und die Barbaren* / K. Chrysos und A. Schwarcz (ed.). — Wien; Köln, 221–235.

ОБРАЗ АРИСТОКРАТА... ВАРВАРА И ВАРВАРСТВА

●

ТРАДИЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

А.А. Немировский

ЗАПАДНЫЕ ВАРВАРЫ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА АМОРЕЙСКИХ ПЛЕМЕН В ВАВИЛОНСКОЙ ТРАДИЦИИ II – I ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Несмотря на пребывание на престоле Вавилона аморейского дома — династии Хаммурапи, почитаемого в вавилонской исторической памяти, — после падения этого дома, во второй половине II тыс. до н.э. и далее в Вавилонии вновь оказалась востребована месопотамская концепция исхода III — начала II тыс., в которой амореи — варвары-дикари, извечно враждебные и опасные для вавилонян; эта концепция относилась не столько ко всем людям аморейского происхождения, сколько к членам аморейских этнопотестарных образований.

Ключевые слова: амореи, ханеи, сутии, Бахди-Лим, Аммицадука, палу.

Общим местом в науке стало признание того, что для древней шумеро-аккадской Месопотамии не характерна вражда по этнокуль-

НЕМИРОВСКИЙ Александр Аркадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А. — sidelts@inbox.ru

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 105–122
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 105–122

турному / этнолингвистическому признаку, однако применительно к некоторым группам населения (горцы-кутии, западносемитские полукочевники-амореи) отношение как дикарям-варварам возникает и специально конструируется в текстах. Отметим сразу, что для такого отношения месопотамцам требовался не только цивилизационный разрыв, но и серьезный «физический» конфликт с данными группами — их нашествия на Месопотамию и масштабная разрушительная роль, которую эти нашествия сыграли в ее истории. Именно так обстояло дело с амореями, очерку динамики отношения месопотамцев к которым посвящена настоящая работа. Хотя тему эту, как увидим, затрагивали неоднократно, новое обращение к ней оправдано недавним введением в научный оборот ранее неопубликованного кудурру Кадшман-Харбе I (ок. 1400 г. до н.э.)¹ обращением к некоторым другим деталям.

Западносемитская этническая общность *марту* (шумерск.) / *амурру* (аккадск.; происхождение этих терминов точно неизвестно, второй из них употреблялся в аккадском и как географический термин *амурру* — «запад, северо-запад»), они же «амореи» (тж. «сутии-амореи») современной научной терминологии — существовала исходно на территории Северо-Западной Аравии, Сирийской степи и сопредельных областей на границах Плодородного Полумесяца. Она упоминается в месопотамских текстах с III тыс. до н.э. и неоднократно изучалась в литературе, как и ее деление на подгруппы². Выявление подразделений этой общности осложняется тем, что ряд описывающих их терминов мог применяться и в расширенном, и в собственном, и в суженном значении. Не вдаваясь здесь в подробности соответствующих дискуссий (см. в указанной в прим. 2 литературе с библиографией), скажем, что наиболее вероятной нам представляется следующая реконструкция: среди аморейских племен к рубежу III / II тыс. до н.э. выделялись подобности *сутиев* (*сути*-; занимали, в общем, западную часть аморейского ареала; крупней-

¹ Paulus S. 2014; Немировский А.А. 2015.

² См. Kupper J.-R. 1957; Buccellati G. 1966; Haldar A. 1971; Heltzer M. 1981; Anbar M. 1991; Немировский А.А. 2001, 88–90, 105 сл.; Heimpel W. 2003; ср. Streck M. 2000; Charpin D. 2005 / 2006; Wossink A. 2009, 115; Boer R. de. 2014.

шим их племенем были *сутии-диданы*, причем термины «сутии» и «диданы» могли покрывать в расширенных смыслах и все аморейские группы вообще), ханеев (*хана, хани*, в том числе собственно ханеи и *нумху / ну(в)ху*; вероятно, ханеи тяготели к центральной части ареала амореев) и две племенные аггломерации, составлявшие, возможно, своего рода пару: *бини-ямина* («сыны юга») и *бини-сималь* («сыны севера»). К каждой из этих групп относилось много племен; какие-то аморейские племена, видимо, существовали и вне этих групп (в том числе *ямутбала*). Термин «ханеи» сам мог восприниматься как обозначение амореев или их большинства вообще; племена, относящиеся к группам бини-ямина и бини-сималь, также определяли себя как «ханеев» и возводили себя к легендарному эпониму-первопредку ханеев Хане, т.е. были выходцами из ханейской подобности аморейской общности (но наряду с ними продолжали, видимо, существовать, и упомянутые выше ханеи в более узких смыслах слова).

Во второй половине – конце XXI века до н.э. происходит великое переселение амореев: они заселяют всю Месопотамию (где им удалось сломить шумеро-аккадскую державу III династии Ура, с которой они сталкивались с середины XXI в.), Сирию и Заиорданье, вторгаются в Финикию и Палестину. Это нашествие (археологически грань эпох ранней и средней бронзы) составляет важнейший рубеж истории древнего Ближнего Востока. При этом в Сирии, Заиорданье и части Палестины расселились в основном сутии, а в Месопотамии жили представители всех основных группировок амореев. Во второй половине XX – первой половине XIX века до н.э. вожди аморейских племен Месопотамии захватывают власть в различных ее центрах и основывают там множество царств (в том числе царство Ларсы, созданное вождями племени *ямутбала* в 1932 году до н.э., Вавилонское царство, основанное домом Хаммурапи — вождями бини-яминитского племени *яхруру*, царство Мари, созданное вождями бини-сималь; эти три царства контролировали долину Ефрата), впоследствии объединенных Хаммурапи. В XIX в. до н.э. сложилось еще два крупных царства амореев — Ямхад в Сирии со столицей в Халебе и верхнемесопотамская держава удачливого завоевателя Шамшиадада.

В вавилонской державе Хаммурапи и его преемников — то есть державе аморейской династии — «аккадцы и амореи» официально рассматривались как две главные части населения (аналогично в письме аморея Бахди-Лима к аморейскому царю Мари, см. ниже); после падения династии Хаммурапи амореи Вавилонии перестали в ней выделяться, а ок. 1400 г. до н.э. аморейские племена были изгнаны из Вавилонии в результате конфликта с вавилонским царем Кадашман-Харбе³; в отражающих эти события месопотамских текстах изгнанные именуются «сутиями» — в данном случае этот термин применен в самом расширенном из своих смыслов. «Сутийские» = аморейские племена Вавилонии в пору каких-то внутренних смут подняли мятеж, Кадашман-Харбе победил и изгнал их на запад, а затем, преследуя их, разгромил и амореев Сирийской степи, захватив в итоге пространство до оазиса Тадмора-Пальмиры и Тадморских гор включительно). В конце II – начале I тыс. до н.э. остатки аморейских племен вне Нижней Месопотамии были ассимилированы родственными им западносемитскими арамейско-ахламейскими племенами.

Негативный образ амореев не просто как врагов, но и как звероподобных варваров был сконструирован в Нижней Месопотамии под впечатлением от их нашествия на нее в XXI в. Уже в нижнемесопотамских текстах исхода III – начала II тыс. до н.э. (многие из них, а также из выраженных в них концепций, продолжали воспроизводиться в месопотамской традиции и в I тыс. до н.э.) западные полукочевники *марту* / *амурру* подчеркнуто изображаются в рамках дихотомии «цивилизация — варварство», как варвары-дикари. Яркую серию таких высказываний об амореях приводит Дж. Буччеллати⁴:

«...марту, который дома не знает, который городской (жизни) не знает, неотесанный человек, живущий на нагорьях» (TCL 15 9 vi 22–23, текст исинского Ишме-Дагана, XX в.), «*марту*, что как южный ветер, что никогда не знали городской (жизни)» (UET 1 206, датировочная формула урского Ибби-Суэна, конец XXI в.), «обитатель палатки, поражаемый ветром и дождем... не знающий, как преклонять колени (т.е. не знающий вежественности и социального порядка. — А.Н.), кто ест неприготовленное

³ См. Немировский А.А. 1999; 2015.

⁴ Buccellati G. 1966, 330–331.

мясо, кто во всю жизнь не знает дома, кого в день его смертный не погребут» (SEM 58 iv 24–29, «Женитьба бога Марту», рубеж III / II тыс.), «*марту*, разбойный народ, с нравом как у зверей, подобные волкам... люд, не знающий [возделывания злаков?]...» (RIME 3/2.1.4.1 v 24–29, надпись урского Шу-Суэна, XXI в.).

Можно добавить старовавилонскую композицию «Проклятие Аккада»: «нагорные *марту*, народ, возделывания злаков не знающий...» (ETCSL 2.1.5, 46), и еще одну старовавилонскую композицию, «Энки и устройство мира»: «не имеющим городов, не имеющим домов [*мар]ту...*» (ETCSL 1.1.3, 131–132). Все этому не мешало даже то, что и в период III династии Ура, и тем более в старовавилонский период многие амореи жили на территории царств Нижней Месопотамии, в городах, а в старовавилонский период еще и многие династии этих царств и многие элементы их элит принадлежали к амореям (и по образу жизни, естественно, разделяли образ жизни и все удобства царей и элит Нижней Месопотамии, обитавших отнюдь не в палатках). Как этническая общность в целом амореи все равно оставались для месопотамской письменной традиции дикарями. Месопотамская пословица (из двуязычного, шумеро-аккадского сборника пословиц, копировавшегося в Ассирии и в VII в. и обнаруженного в ниневийской библиотеке Ашшурбанапала), приводившаяся в источнике и по-шумерски, и по-аккадски (часть таблички с шумерской ее записью, однако, не сохранилась, так что известен только аккадский текст), гласит: «*амурру* (аморей) жене своей говорит: ты будь мужчиной, а я буду женщиной!»⁵.

Особенно примечательно то, что приход к власти в различных районах Нижней Месопотамии аморейских династий и объединение всей Нижней Месопотамии аморейской династией Хаммурапи не привели к исчезновению упомянутого взгляда. Наоборот, он в какой-то мере воздействовал даже на самих амореев по мере приобщения их к шумеро-аккадской государственной и культурной традиции. В письме Зимри-Лиму, царю Мари из ханейской / сималитской аморейской династии, его сановник, сам аморей-ханей Бахди-Лим, пишет (ARM VI 76: 19–25, вторая четв. XVIII в. до н.э.):

⁵ Boer R. de. 2014, 25; Lambert W.G. 1960, 225, 226, 230.

(19) Пусть господин мой уважит / почтит свою столицу (или скорее: свою царственность, дословно «пусть уважит *qaqqadum* [главу / вершину/особу] своей царственности»⁶). (20–21) [Поистине], ты царь ханеев, но ты также (досл.: «во-вторых». — *A.H.*) царь аккадцев. (21–25) Господин мой на [колеснице, запряженной] конями не должен ездить, в паланкине или на [колеснице, запряженной] мулами, он должен ездить, чтобы уважить / почтить свою столицу // царственность, — вот что я говорил моему господину (19) [*be-li q*] *a-qa-ad šar-ru-ti-š[u] ſi-ka-bi-it* (20) [X-X] *lugal ha-na^{mes} at-ta* (21) [*ù š*] *a-ni-iš lugal ak-ka-di-im at-ta* (22) [*be-li*] *i-na anše-kur-ra-há la i-ra-ka-ab* (23) [*i-na*] ^{gis} *nu-ba-lim ù anše-há ku-da-ni-ma* (24) [*b*] *e-[li] li-ir-ka-am-ma qa-qa-ad šar-ru-ti-šu* (25) *li-ka-bi-it an-né-tim a-na be-li-ia ad-bu-bu*)⁷.

Из контекста явствует, что для знатных и властительных особ у ханеев считалось в обычае ездить на конях, а у аккадцев — в паланкинах и на мулах, но не на конях. Если бы при этом Зимри-Лиму как царю и ханеев, и аккадцев рекомендовалось здесь ездить *не только* на ханейский, *но и* на аккадский манер, можно было бы допустить, что с точки зрения аккадцев (и автора письма) оба способа одинаково приемлемы, оба порогово «культурны» и не различаются в тексте по признаку большей / меньшей «цивилизованности» — просто каждый из этих способов отвечает привычкам отдельной группы населения и в употреблении царя демонстрирует его близость к этой группе, а коль скоро он царь обеих групп, то ему и имеет смысл вести себя публично то на манер одной, то на манер другой из них, чтобы каждая из них чувствовала, что царь не чужд ей и ее обычаям. Но Бахди-Лим настоятельно советует своему царю вовсе не это: он добивается от Зимри-Лима, чтобы тот вообще прекратил ездить по-

⁶ *Qaqqadum* здесь может образовывать фразеологизм с глаголом *kubbutum*, давая в совокупности с ним все то же «уважать» (*Arkhipov I.* 2010, 408). По альтернативному мнению, *qaqqadum* входит в один фразеологизм только с последующей «царственностью». Значениями такого фразеологизма могли бы быть и «вершина = центр твоей царственности» («столица», *Charpin D.* 2005 / 2006, 383), и просто «начало твоей царственности», то есть та же самая царственность как таковая.

⁷ DEPM II, 485; *Heimpel W.* 2003, 23; *Charpin D.* 2005 / 2006, 283; *Arkhipov I.* 2010, 408.

ханейски и ездил только по-аккадски. Откуда могло бы взяться такое настояние (да еще в развитие констатации того, что Зимри-Лим царь *и* ханеев, *и* аккадцев, причем аккадцев даже «во-вторых» после ханеев), если бы эти способы езды были культурно-иерархически равноправны в глазах аккадцев (и, возможно, самого Бахди-Лима) и ни один из них не воспринимался бы аккадцами как «некультурный», «варварский»? Почему царю ханеев *и* аккадцев надлежало, по мнению ханея же Бахди-Лима, вообще отказываться от ханейского способа передвижения (а не применять оба), если бы ханейский способ не ронял его по меркам аккадских представлений перед аккадцами, то есть не рассматривался бы последними как примитивный, малокультурный, не подобающий правителю, а не только как неаккадский, иноэтничный?

Аналогично: будь оба способа приемлемы с точки зрения аккадцев по «уровню культуры», почему для того, чтобы «уважить свою столицу» (или «свою царственность»), царю ханеев *и* аккадцев надо было бы ездить именно по-аккадски? Ведь в этой столице жили и аккадцы, и ханеи (и аккадцев должно было быть даже меньше, учитывая этническую историю региона), а «царственность» распространялась, как сказано тут же, и на аккадцев-подданных, и на ханеев-подданных. Конструкция «не ездят на конях, ездят в паланкине или на мулах, чтобы уважить свою столицу / царственность» может пониматься, очевидно, лишь так, что, ездя на конях (=по-ханейски), правитель не оказывает ей достаточного уважения, а чтобы оказать таковое, ему нужно ездить в паланкине или на мулах, по-аккадски, — но такое восприятие мыслимо, лишь если с точки зрения аккадцев сам способ ездить на конях — способ, рекомендуемый неотесанность, недостаточно вежественный, маркирующий нечто сниженное (а Бахди-Лим по каким-то причинам призывает Зимри-Лима подстраиваться под это восприятие).

Как видно, Бахди-Лим хочет сказать, что с точки зрения аккадцев ездить по-ханейски — «малокультурно, нецивилизованно», и он, Бахди-Лим, советует поэтому Зимри-Лиму ездить (по крайней мере в пределах своей столицы, если речь тут о ней) только по-аккадски. Что в душе думает сам Бахди-Лим о ханейской езде, с уверенностью сказать при этом нельзя: он может и считать, что на самом деле оба

способа вполне хороши, но раз уж аккадцы считают иначе, то пусть Зимри-Лим ездит по-аккадски, чтобы не выглядеть «деревенщиной-полудикарем» в глазах своих подданных-аккадцев (престиж их культуры, очевидно, достаточно высок, чтобы с их вкусами и оценками стоило считаться); но возможно, Бахди-Лим и сам «цивилизовался» на аккадский манер и считает вместе с аккадцами ханейский способ езды примитивным, снижающе рекомендуя своего носителя (аналогично тому как, например, европеизированный русский дворянин XVIII века считал простонародным и неподобающим для представителей элиты ношение бороды). Как бы то ни было, при любой интерпретации соображений Бахди-Лима одно должно констатироваться твердо: Зимри-Лим заявляется как царь и ханеев, и аккадцев, причем аккадцев даже на втором месте, но ханейский и аккадский обычаи (в данном случае способы езды) выступают в резкой асимметрии как раз не в пользу ханеев: ханей-сановник просит своего царя-ханея, вовсе отказаться от ханейского же обычая передвижения и употреблять только аккадский — как единственно «уважительный» (в отличие от ханейского!) по отношению к его же царскому положению, единственно подобающий ему как царю и позволяющий ему стоять на высоте собственной царственности. Отсюда, на наш взгляд, следуют два вывода: во-первых, с аккадской точки зрения определенные обычаи ханеев были дикарскими и следование им рисовали носителей этих обычаев людьми второго сорта; во-вторых, соответствующий комплекс превосходства в старовавилонской Месопотамии имел такой вес, что даже ханей-сановник на службе ханея-царя не стеснялся прямо увещевать своего господина следовать пожеланиям, вытекающим из этого комплекса и отказываться от «родного» обычая в пользу аккадского, чтобы не ронять собственного положения, «уважить вершину/начало своей царственности». ARM 6 76 оказывается тем самым ярким примером рассмотрения аккадцами ханеев в рамках дихотомии «цивилизация — варварство», при соотнесении исконных ханейских обычаев со вторым из этих полюсов.

Не менее любопытна в этом отношении генеалогия I (аморейской) династии Вавилона, приводимая в известном тексте Аммицадуки, вавилонского царя из этой династии (т.н. «Генеалогия дина-

стии Хаммурапи»⁸). Этот текст, BM 80328, носит ритуальный характер и является записью заклинания, по которому предки Аммицадуки (начиная с первочеловека и его родителей, и далее эпонимов племенных групп, из которых вышла династия Хаммурапи) и, в ассоциации с ними, многие иные люди должны получить в загробном мире жертвенную еду и питье и употребить ее во благо Аммицадуки. Приведем часть текста, начиная с упоминания некоего легендарного Сахламу-Сахламмы («Давший быть ахламеям»?; извесен и по аналогичной генеалогии Шамши-Адада, вставленной в ассирийский царский список):

...[*Са]халамма, Хана (эпоним ханеев. — А.Н.), Намцу, Дидану (эпоним диданов, сутиев в узком смысле слова; термин «дидану» применялся и в расширенном смысле слова, обозначавшим всех амореев. — А.Н.), Зуммабу, Намху (эпоним аморейской племенной группы *нумху*, то же, что древнееврейский Ной-Нух. — А.Н.), Амнану, Яхрурум (амнану и яхруру — племена, причислявшиеся к аморейской племенной группе бини-ямина. — А.Н.), Иптиямута, Бухазум, Сумалика, Ашмаду, Абиямута, Абидитан(а), Мам... Шу... Да... Сумуабу (основатель I династии Вавилона. Начиная с Иптиямуты, видимо, перечислены реальные предки, а не эпонимы. — А.Н.), Сумулаэль, Забиум, Апил-Син, Синмубаллит, Хаммурапи, Самсуилуна, Абиешу, Аммидитана, палу (эпоха)людей *амурру* (BAL ERIN MAR.[TU] = время I династии Вавилона и других аморейских царских династий Месопотамии. — А.Н.), палу (эпоха) людей *хана* (BAL ERIN *He-a*-[na] = предшествующее время, отвечающее временам III династии Ура в Нижней Месопотамии. — А.Н.), палу (эпоха) Кутиума (время правления кутиев, то есть время, предшествующее III династии Ура. — А.Н.), палу (эпохи), не записанные на этой табличке (= времена династии Аккада и более ранние. — А.Н.), а также (всякий) воин, павший в опасных походах за своего господина, царевичи, царевны, все человечество от восхода Солнца до заката Солнца, те, кто не имеет предстательствующего за него и заботящегося о нем, придите, ешьте это, пейте это для-ради (блага) Аммицадуки, сына Аммидитаны, царя Вавилона (BM 80328 4–43).

⁸ Издание и разбор: *Finkelstein J.* 1966; *Chavalas M.W.* 1994.

Структура текста понятна: сначала перечисляются (в порядке от древности к современности) легендарные, в т.ч. эпонимные, а также реальные предки Аммицадуки. При этом эпонимы разных аморейских племен и племенных общностей, с которыми связывал свое происхождение дом Хаммурапи, выстроены в ряд, видимо, сообразно представлениям о том, как одни из этих групп отделялись от других и соотносились с другими в рамках традиционных племенных генеалогий. Поскольку Хана, эпоним ханеев, поставлен очень рано в этом ряду, можно заключить, что по представлениям амореев, отраженным здесь, исторические ханеи — лишь одна из ветвей потомков неких ранних ханеев (эпонимного Ханы и его детей), к числу которых относятся и предки других аморейских племенных групп. Отсюда же выясняется, что дом Хаммурапи происходил из племен ях-руру и амнану.

Вслед за тем характер и порядок перечисления меняется: называются эпохи, к которым принадлежат все те же, только что поименованные, песоны, а порядок называния разворачивается в обратную сторону, следуя теперь от современности в прошлое. Вероятно, составитель ритуального текста хотел понадежнее привлечь к обряду духов названных им лиц, охватив их как бы кольцом — сначала назвав их по именам в одном порядке, а потом, перечислив периоды, к которым они принадлежат, в противоположном. Как в точности он распределял поименованных им лиц по названным им тут же периодам, понятно не всегда. Но во всяком случае ясно, что термин «эпоха людей *хана* = ханеев» относится здесь ко временам *до* воцарения аморейской династии в Вавилоне (а вернее всего — и до падения III династии Ура), то есть по ханеям названы здесь времена «доцивилизованности» предков Аммицадуки и Хаммурапи, когда они еще не сидели в городах, да еще в качестве царей. При этом ничто не мешало называть соответствующую эпоху как угодно иначе, а не «временем ханеев» — ведь ханеи продолжали существовать и далее, в ту самую эпоху, которую наш текст называет «палу амореев» и отличает от «палу ханеев» как следующую за ней. Как видно, с точки зрения составителей генеалогии Аммицадуки (который вместе со всей династией Хаммурапи сам относился к бини-яминитам, ветви ханеев, и числит их эпонима Хану своим предком!) сам этноним «ханеи»

настолько ассоциировался именно с негородской, нецивилизованной жизнью аморейских племен, что весь период существования аморейских предков Аммицадуки до утверждения их (и, вероятно, амореев вообще) у власти в городах Нижней Месопотамии именовался как раз по ханеям, «эпохой ханеев», а период аморейских династий в Месопотамии (к которому принадлежал сам Аммицадука) — «эпохой амореев-амурру». Но в чем разница, если ханеи и амореи — термины, относящиеся и здесь, и в широком словоупотреблении к одним и тем же племенам? Разве что в том, что *амурру* — аккадское иноназвание для амореев, а «ханеи» — самоназвание большей части аморейских племен. Иными словами, собственно аморейская культура была даже для самого Аммицадуки и его дома настолько окрашена в оттенок «варварства» (а аккадская — в оттенок «цивилизованности»), что аморейским (само)названием своей племенной общности в его родословии кодируется лишь «дикое», полукочевое племенное прошлое этой племенной общности, а следующий период, когда она поселилась в шумеро-аккадской Месопотамии, а ее вожди усвоили культуру занятого пространства и стали месопотамскими царями, кодируется в том же тексте уже не самоназванием этой общности, а ее аккадским иноназванием. Здесь мы видим явную переключку с подходом к «аккадскому» и «ханейскому» (аморейскому), наблюдающимся в письме Бахди-Лима.

Так обстояли дела и в правление аморейской династии Вавилона, помнящей и чтущей своих предков и сохранявшей актуальным восприятие собственной этничности (что лишний раз выражается в словоупотреблении знаменитого Эдикта Аммицадуки, где для определения вавилонских подданных систематически употребляется формула «аккадец или аморей» [§§ 3, 5–6, 8, 9], подразумевающая, что население Вавилонского царства официально воспринималось как совокупность «аккадцев и амореев», состоявших в подданстве его царей). После падения этой династии отношение к амореям и ханеям только усугубилось: если в приведенном тексте Аммицадуки его собственная династия именуется, как мы только что видели, «папу (эпохой / династией) амореев» (BAL ERÍN MAR.[TU]), то в позднейшем царском списке Вавилона (так называемый вавилонский

царский список B, KL 7 = BM 38122⁹) — просто «палу Вавилона» (11 LUGAL.E.NE BALA *Bābili*₂^{ki}, «11 царей палу = династии Вавилона», BM 38122 12), с исключением самого определения династии по ее аморейскому этносу. В одной надписи Кадашман-Харбе I (вавилонский царь ок. 1400 г. до н.э. из касситской династии) «ханеи» и «амореи» (последний термин здесь — именование тех аморейских племен, что жили восточнее ханеев на северных и северо-восточных рубежах Вавилонии) заявлены как враги Вавилонии, ниспровергшие династию Хаммурапи и ввергшие Вавилонию в упадок, из которого ее выводит сам Кадашман-Харбе (кудурру YBC 2242 1–8):

Когда границы Шумера и Аккада при Самсудитане (1620 — 1595 гг. до н.э., последний царь династии Хаммурапи. — *А.Н.*) атака амореев (*[MAR]-TU*), натиск ханеев (*ha-a-[ni]-[i]*) и воинство касситов нарушили / сместили...» и т.д.¹⁰

Здесь династия Хаммурапи (общеизвестно аморейская!), последним царем которой был Самсудитана, рассматривается просто как династия Вавилона и противопоставляется «амореям» и «ханеям» как внешним врагам Вавилонии, пагубным для нее. Это перекликается с определением той же династии в конечном вавилонском царском списке просто как «династии Вавилона», с купированием аморейской этничности, по которой эта династия определяла себя сама и определялась в пору собственного правления (в приведенном ритуальном тексте времени Аммицадуки).

Согласно той же надписи, сам Кадашман-Харбе осуществил разгром «сутиев» «от восхода до заката Солнца» («сутиями» здесь, таким образом, называются амореи вообще), и этот разгром подается как главное деяние этого царя и как достижение, служащее реваншем за бедствия, постигшие Вавилонию при падении династии

⁹ См. *Grayson A.K.* 1980–1983

¹⁰ См. подробно: *Немировский А.А.* 2015. Интересно, что хетты, которые и нанесли Самсудитане и дому Хаммурапи последний удар, не упоминаются в тексте вовсе, а касситы названы в качестве врагов Вавилонии, хотя Кадашман-Харбе сам представлял династию, возглавлявшую этих касситов и утвердившуюся в Вавилоне в итоге бурных событий, связанных именно с падением Самсудитаны.

Хаммурапи в войнах с вышеупомянутыми врагами. Смысл изложенной в этой надписи концепции таков: аморейские племена и касситы в пору падения дома Хаммурапи (аморейского!) нанесли великий вред Вавилонии, ныне же вавилонский царь Кадашман-Харбе (сам кассит и выходец именно из указанной группы касситов!), разгромив амореев «от восхода до заката Солнца», изгладил эти бедствия и исправил их последствия. Таким образом, идентификации «амореи», «касситы» и т.д. как обозначения групп, с которыми могут вестись враждебные счеты, для вавилонян II тыс. до н.э. — покрывают не чисто этнические, а именно этнопотестарные идентичности: касситская политика, воевавшая с Вавилонией дома Хаммурапи, аморейские племена, воевавшие с ней же, аморейские племена, в конфликте с которыми оказался Кадашман-Харбе, — все они в рассматриваемой надписи представлены как чужаки-враги для Вавилонии («Шумера и Аккада»), которую в той же надписи представляет и Самсудитана (этнически — из династии аморейских вождей), и сам царь, от лица которого составлена эта надпись, — Кадашман-Харбе (этнически — из правящего дома тех самых касситов), и ничего нелогичного для вавилонских составителей и аудитории этой надписи в таком подходе нет: ведь из какой бы этнической среды ни вышли Самсудитана и Кадашман-Харбе, они представляют именно вавилонскую политику (уже просто потому, что являются ее царями, прошедшими все положенные вавилонские ритуалы), а врагами-чужаками заявлены именно потестарно-политические образования, с этой политикой враждовавшие.

В вавилонской «Хронике Р» (исход II или скорее I тыс. до н.э.) тот же разгром «сутиев» Кадашман-Харбе «от восхода до заката Солнца» также отмечен как главное его свершение. В среднеавилонском «Эпосе об Эрре» (последняя треть II тыс. до н.э.), чье главное сюжетное ядро составляет все тот же разгром (хотя имя осуществившего его вавилонского царя при этом не упоминается), сутии еще и названы среди чужеплеменных народов, которых предстоит вконец ниспровергнуть «аккадцам» (то есть вавилонянам), чтобы добиться полного благоденствия [iv 130–137]¹¹. В надписи посткасситского вавилонского царя Навуходоносора I (конец XII в. до н.э.)

¹¹ См. подробно: Немировский А.А. 1999, 154–157.

он говорит о себе (BM 90858 = Paulus 2014 NKU I 2, i 9–10): «тот, кто могучую страну Луллубу одолел оружием, покоритель страны Амурру, разграбивший касситов»; под Амурру здесь имеется в виду полоса заселенных амореями ок. 2000 г. территорий вдоль Тигра и к северо-востоку от Вавилонии¹², что перекликается с именованием «амореями» именно ближних северо-восточных аморейских соседей Вавилонии в разбиравшейся выше надписи Кадашман-Харбе. Как бы то ни было, «Амурру» здесь — один из чужеземных ареалов, победой над которыми хвалится вавилонский царь.

Итак, «амореи»-*марту* / *амурру* в глазах носителей вавилонской ученой и письменной традиции второй половины II – начала I тыс. до н.э., даже несмотря на уважение к Хаммурапи и его дому, — не просто (северо)-западные чужеземцы, но (северо)-западные варвары, образцы дикарства, извечно враждебные и опасные для Вавилонии, однако добившись однажды власти над ней (впрочем, в своих царских списках аморейскую идентичность соответствующей своей династии — династии Хаммурапи — вавилоняне теперь аккуратно опускали, см. *выше*). Относились все эти характеристики, однако, не столько к людям аморейского этнического происхождения как таковым, сколько к аморейским этнопотестарным образованиям и их членам: как лишний раз показывает рассмотренная выше надпись Кадашман-Харбе, этнический аморей или кассит, по политической идентификации относившийся только к Вавилонии как политике (именно такими были Хаммурапи и его преемники или цари Вавилона из касситской династии — уже в силу своего и формального, и фактического положения царей Вавилонии), воспринимался в Вавилонии, независимо от своего происхождения, именно как представитель «своей» общности вавилонян, а не чужих общностей амореев и т.д.

Образ западных чужаков-варваров — амореев оказался на удивление живуч в вавилонской традиции: в последний раз он был востребован в ней в эллинистические времена, когда «ханеями» и людьми из «страны Хани» (ханейской) в ряде вавилонских текстов стали эмфатически именовать греко-македонских завоевателей и их войска. Однако этот сюжет выходит за рамки настоящей работы.

¹² Beaulieu P.-A. 2005, 40.

ЛИТЕРАТУРА

- Немовский А.А. 1999: Западные владения Касситской Вавилонии в XV–XIV вв. до н.э. и арамейское (ахламейское) переселение // ВДИ. 1. 146–162.
- Немовский А.А. 2001: У истоков древнееврейского этногенеза. Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. — М.
- Немовский А.А. 2015: Кудурру Кадашман-Харбе I (YBC 2242) и вопросы политической истории Вавилонии // ВДИ. 4. 44–59.
- Anbar M. 1991: Les tribus amurrites de Mari. — Göttingen.
- Arkhipov I. 2010: Les véhicules terrestres dans les textes de Mari I: le nūbalum // Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale. Vol. 1: Language in the Ancient Near East / Kogan L. (ed). — Winona Lake, 405–419.
- Beaulieu P.-A. 2005: The God Amurru as Emblem of Ethnic and Cultural Identity // Ethnicity in Ancient Mesopotamia: Papers read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale Leiden, 1–4 July 2002 / W. H. van Soldt et al. (eds.). — Leiden, 31–46.
- Boer R. de. 2014: Amorites in the Early Old Babylonian Period. — Leiden.
- Buccellati G. 1966: The Amorites of the Ur III Period. — Naples.
- Charpin D. 2005/2006: [Рец. на] Streck M. Das amurritische Onomastikon der altbabylonischen Zeit. Bd. 1. Münster, 2000 // Archiv für Orientforschung. 51, 282–292.
- Chavalas M.W. 1994: Genealogical History as 'Charter': A Study of Old Babylonian Period Historiography and the Old Testament // Faith, Tradition, and History: Old Testament Historiography in Its Near Eastern Context / A.R. Millard, James K. Hoffmeier, David W. Baker (eds.). — Winona Lake, 103–128.
- Finkelstein J.J. 1966: The genealogy of Hammurapi dynasty // JCS. 20. 96–118.
- Grayson A.K. 1980–1983: Koniglisten und Chroniken. B. Akkadisch // RLA. — B., 6. 86–135.
- Haldar A. 1971: Who Were the Amorites? — Leiden-Brill.
- Heimpel W. 2003: Letters to the King of Mari: A New Translation, with Historical Introduction, Notes, and Commentary. — Winona Lake.
- Heltzer M. 1981: The Suteans. — Naples.

- Kupper J.-R.* 1957: Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. — P.
Lambert W.G. 1960: Babylonian Wisdom Literature. — Oxford.
Paulus S. 2014: Die babylonischen Kudurru-Inschriften von der kassitischen bis zur frühneubabylonischen Zeit. Untersucht unter besonderer Berücksichtigung gesellschafts- und rechtshistorischer Fragestellungen. — Münster.
Streck M. 2000: Das amurritische Onomastikon der altbabylonischen Zeit. Bd. 1: Die Amurriter. Dieonomastische Forschung, Orthographie und Phonologie, Nominalmorphologie. — Münster.
Wossink A. 2009: Challenging climate change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC). — Leiden.

A.A. Nemirovsky

WESTERN BARBARIANS

CONSTRUCTION OF AN IMAGE OF THE AMORITE TRIBES IN THE BABYLONIAN TRADITION II – I MILLENNIUM BC

Despite the rule of the Amorite dynasty in Babylonia (including Hannurabi, highly respected in Babylonian historical memory), after its the fall, in the 2nd half of the 2nd mill. BC. and further Babylonia again was using an older Mesopotamian concept of the end of 3d — early 2nd mill., in which the Amorites are considered as savage barbarians, eternally hostile and dangerous for the Babylonians; this view concerned not so much all persons of Amorite origin as the members of Amorite ethnopolitical entities.

Keywords: Amorites, Suteans, Haneans, Bahdi-Lim, Ammišaduka, *palû*.

NEMIROVSKY Alexander Arkadievich — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher in the Department of Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 32A, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russian Federation. — sidelts@inbox.ru

REFERENCES

- Nemirovskii A.A. 1999: Zapadnye vladeniya Kassitskoi Vavilonii v XV–XIV vv. do n.e. i arameiskoe (akhlameiskoe) pereselenie // VDI. 1. 146–162.
- Nemirovskii A.A. 2001: U istokov drevneevreiskogo etnogeneza. Vetkhozavetnoe predanie o patriarkhakh i etnopoliticheskaya istoriya Blizhnego Vostoka. — M.
- Nemirovskii A.A. 2015: Kudurru Kadashman-Kharbe I (YBC 2242) i voprosy politicheskoi istorii Vavilonii // VDI. 4. 44–59.
- Anbar M. 1991: Les tribus amurrites de Mari. — Göttingen.
- Arkhipov I. 2010: Les véhicules terrestres dans les textes de Mari I: le nūbalum // Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale. Vol. 1: Language in the Ancient Near East / Kogan L. (ed). — Winona Lake, 405–419.
- Beaulieu P.-A. 2005: The God Amurru as Emblem of Ethnic and Cultural Identity // Ethnicity in Ancient Mesopotamia: Papers read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale Leiden, 1–4 July 2002 / W. H. van Soldt et al. (eds.). — Leiden, 31–46.
- Boer R. de. 2014: Amorites in the Early Old Babylonian Period. — Leiden.
- Buccellati G. 1966: The Amorites of the Ur III Period. — Naples.
- Charpin D. 2005/2006: [Рец. на] Streck M. Das amurritische Onomastikon der altbabylonischen Zeit. Bd. 1. Münster, 2000 // Archiv für Orientforschung. 51, 282–292.
- Chavalas M.W. 1994: Genealogical History as 'Charter': A Study of Old Babylonian Period Historiography and the Old Testament // Faith, Tradition, and History: Old Testament Historiography in Its Near Eastern Context / A.R. Millard, James K. Hoffmeier, David W. Baker (eds.). — Winona Lake, 103–128.
- Finkelstein J.J. 1966: The genealogy of Hammurapi dynasty // JCS. 20. 96–118.
- Grayson A.K. 1980–1983: Koniglisten und Chroniken. B. Akkadisch // RLA. — B., 6. 86–135.
- Halдар A. 1971: Who Were the Amorites? — Leiden-Brill.
- Heimpel W. 2003: Letters to the King of Mari: A New Translation, with Historical Introduction, Notes, and Commentary. — Winona Lake.
- Heltzer M. 1981: The Suteans. — Naples.
- Kupper J.-R. 1957: Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. — P.

- Lambert W.G. 1960: *Babylonian Wisdom Literature*. — Oxford.
- Paulus S. 2014: *Die babylonischen Kudurru-Inschriften von der kassitischen bis zur frühneubabylonischen Zeit. Untersucht unter besonderer Berücksichtigung gesellschafts- und rechtshistorischer Fragestellungen*. — Münster.
- Streck M. 2000: *Das amurritische Onomastikon der altbabylonischen Zeit. Bd. 1: Die Amurriter. Dieonomastische Forschung, Orthographie und Phonologie, Nominalmorphologie*. — Münster.
- Wossink A. 2009: *Challenging climate change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC)*. — Leiden.

Д.М. Камари

КОНТАКТЫ МЕЖДУ ГРЕКАМИ И МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

ДО И ПОСЛЕ МОРСКОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ АЛАЛИИ

Статья посвящена вопросу об отношениях между фокейцами и жителями юго-запада и северо-востока Пиренейского полуострова. Автор считает, что важную роль в интенсификации этих связей сыграло морское сражение при Алалии в 535 г. до н.э. Из-за ограничений в морских плаваниях в Тартесс, греки стали искать сухопутные пути до оловянных и железных рудников, а также интегрировать местных торговых агентов в греческую торговлю.

Ключевые слова: фокейцы, туземцы, Геродот, железные рудники, сухопутные дороги.

Об отношениях между греками и жителями Пиренейского полуострова на самом раннем этапе известно очень мало. Античные авторы очень скупо и неточно рассказывают о событиях, которые имели место быть в начале VI в. до н.э. Основными информаторами тех далеких событий являются Гекатей Милетский, Геродот, Страбон, Юстин и Авиен, которые частично затрагивают вопросы о расположении греческих колоний и об отношениях с местным населением и карфагенянами, а также о границах расселения иберийских племен.

КАМАРИ Даниэль Михайлович — преподаватель Кафедры иностранных языки-3 Финансового университета при правительстве РФ. Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский пр., 49. —
kamari_daniel@mail.ru

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 123–136
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 123–136

О первых контактах между фокейцами и иберийцами сообщает *Геродот*. Ему было известно, что первыми греками установившими контакты с Тирсенией, Иберией и Тартессом были фокейцы. Они же отправились к царю тартессиев Арганфонию. О причинах их поездки в столь далекие края ничего не говорится. Но, очевидно, что за этим стояло не только желание греков установить торгово-экономические связи с такой богатой страной как Тартессиды. При встрече царь Арганфоний дал им денег на возведение стен против лидийского царя, а также пригласил их поселиться в Тартессе, но греки от этого предложения отказались. Скорее всего, это событие произошло в 90-х гг. VI в. до н.э., так как стены вокруг Фокеи начали возводить в 590 г. до н.э.¹. Мотивом же встречи мог стать договор о взаимопомощи в борьбе с внешней угрозой. Если для фокейцев угроза исходила от лидийского царя, то для тартессиев — от финикийцев. О существовании конфликта между финикийцами и тартессиями отчетливо свидетельствует *Макробий*, который сообщает, что царь ближней Испании Терон «подвигся на захват храма Геркулеса» в Гадирах, но потерпел неудачу, так как корабли царя были «сожжены лучами»². Очень похожую историю приводит *Трог-Юстин*³. Он утверждает, что «испанские племена стали завидовать росту этого города (Гадир) и начали нападать на гадитян». Последние послали призыв о помощи своим соплеменникам и в результате удачного похода карфагеняне защитили гадитян. Обе истории, скорее всего, рассказывают об одном событии, тем не менее, данные *Макробия* с большой вероятностью взяты из устной гадитанской традиции. На эту мысль может натолкнуть полулегендарный характер победы над флотом царя Терона, а также подчеркнутая важность храма Геракла-Мелькарта. Любопытно и то, что *Макробий* называет поступок Терона «безумием» («furog»), поскольку тот решился на захват храма Геракла-Мелькарта.

Из рассказа *Геродота* тартессии и греки находятся на равных правах. Более того, покровителем греков выступает царь Арганфоний. Однако, по всей видимости, отношения были неодинаковы, так

¹ Özyiğit Ö. 2003, 116.

² *Macrob. Sat. I. 20. 12.*

³ *Iust. XLIV. 5. 2–3.*

как этнический состав Пиренейского полуострова находился на разной ступени развития. Объясняется это очень просто. Финикийцы установили свои первые колонии на юге, где проживали тартессии, с вышеупомянутым царем, с которыми уже намного позже греки установили дружеские отношения. Они находились на высокой ступени развития по сравнению с остальными автохтонным населением. С жителями северо-восточной части Пиренейского полуострова ситуация была иная. Финикийцы поддерживали контакты с этим регионом. Подтверждение тому мы находим в наличии финикийской керамики, датированной VIII в. до н.э., в данном регионе⁴, количество которой значительно возрастает у прибрежных частей реки Эбро⁵. Однако и во всей остальной северо-восточной области Пиренейского полуострова финикийская керамика встречается не реже. В некрополях Мола и Тоссета де Гиаметс, относящихся к VIII в. до н.э., появляются первые орудия из железа, техника обработки которого была хорошо известна финикийцам, в контексте с черепками финикийской керамики⁶. Безусловно, это указывает на распространение финикийцев в этом регионе, искавших новые источники металлов для торгового обмена, результатом которого должно было стать личное обогащение. По подсчетам Д. Асенцио и Вилар из общего числа керамики, обнаруженной в зоне около реки Эбро, около 15% принадлежит финикийцам⁷, что свидетельствует о медленном характере продвижения их с юга на север. Поэтому, несмотря на живой интерес финикийцев к северо-восточному региону Пиренейского полуострова, их торговля в основном концентрировалась на юге.

Прежде всего, для нас представляет интерес модель взаимоотношений на раннем этапе. Античные источники дают очень скудную информацию, которая позволяет лишь частично восстановить роль каждой из сторон. О модели отношений между варварскими и цивилизованными народами сообщает *Геродот* на примере контактов между карфагенянами и жителями Ливии:

⁴ Nijboer A., van der Plicht J. 2006, 31–36; Ruiz Mata D. 1999, 284.

⁵ Sera Seuma S. 2008, 96.

⁶ Pons i Brun E. 1986–1987, 251–263.

⁷ Asensio i Vilar D. 2005, 557.

Всякий раз, когда карфагеняне прибывают к тамошним людям, они выгружают свои товары на берег и складывают в ряд. Потом опять садятся на корабли и разводят сигнальный дым. Местные же жители, завидев дым, приходят к морю, кладут золото за товары и затем уходят. Тогда карфагеняне опять высаживаются на берег для проверки: если они решат, что количество золота равноценно товарам, то берут золото и уезжают. Если же золота, по их мнению, недостаточно, то купцы опять садятся на корабли и ожидают. Туземцы тогда вновь выходят на берег и прибавляют золота, пока купцы не удовлетворятся. При этом они не обманывают друг друга: купцы не прикасаются к золоту, пока оно не равноценно товарам, так же как и туземцы не уносят товаров, пока те не возьмут золота (пер. Г.А. Стратановского)⁸

Из пассажа ясно, что на таком уровне отношения носили доверительный характер, где обе стороны обеспечивали равноправие сторон. На деле, такого не могло быть. Согласно *Диодору*, иберы не имели представления о значимости и ценности металлов в Средиземноморье, в частности серебра, но позже узнали об этом и стали получать огромные прибыли⁹. Когда это произошло, античный автор не сообщает, но ко времени правления Арганфония (умер во второй четверти VI в. до н.э.), вероятно, об этом иберы уже знали¹⁰.

Стоит отметить, что греки до середины VI в. до н.э. развивали свои отношения по двум направлениям: тартессийское и северо-восточное. На последнем греки остановились. В 580 г. до н.э. они основали на маленьком островке Сант Марти дэ Эмпуриес свою первую колонию. В источниках эта колония именуется Эмпорионом, что соответствует ее первоначально торговому характеру. Сделали же они это, руководствуясь многими объективными причинами. Одной из них была торгово-стратегическая. Сразу основать колонию на тартессийской земле было непростой задачей. Причиной тому было сильное финикийское влияние в этом регионе. Бороться против мно-

⁸ *Hdt.* IV. 196.

⁹ *Diod. Sic.* V. 36. 1.

¹⁰ Любопытен и такой незначительный факт, что царя тартессиев греки прозвали Арганфонием «серебряным человеком». Настоящее же иберийское имя царя до нас не дошло.

гочисленного финикийского флота фокейцы не считали целесообразным, зная о неравенстве сил. Этим объясняется отказ от предложения тартессийского царя поселиться на юго-западе Пиренейского полуострова. Однако фокейцы не отказывались от идеи поддержания торговых связей с Тартессом. Продвигались же они постепенно. Делали они путем основания маленьких торговых пунктов. Основывали же они их неподалеку от приисков железной или серебряной руды¹¹. Хотя существует устойчивая точка зрения, что греки еще до базирования на северо-востоке Пиренейского полуострова основали колонию, которая получила название Менака, и, которую *Авиен* и *Страбон* помещали на восточных границах земли тартессиев¹². Ни один античный автор и ни один источник не свидетельствует в пользу этого предположения. Более того, Менака до сих пор не была обнаружена. Нет никаких оснований полагать, что она была основана до Эмпориона. В то же время, если грекам удалось основаться на юго-востоке Испании, то это должно было произойти до смерти Арганфония¹³, который был дружелюбно настроен к фокейцам.

Фокейцам пришлось налаживать отношения с местными жителями еще до поселения в Палеополе (старый город, расположенный на островке). Раскопки в Сант Марти дэ Эмпуриес показали, что до появления греков, там находились как жилые, так и хозяйственные постройки, датируемые VII в. до н.э. Иными словами, греки пришли не на пустое место, а на уже существовавшее поселение, первоначально созданное как небольшой торговый пункт. Появились ли греки по просьбе местной элиты, которая стремилась развить торговлю в этом регионе, или грекам удалось договориться с местными жителями о создании поселения, остается неизвестным. Тем не менее, факт установления связей, а может быть даже и проживания на одной территории, налицо. На самом раннем этапе греки, вероятно, временно проживали на территории Эмпориона, возвращаясь на это место время от времени. Как показывает обнаруженная керамика, они использовали этот пункт для сбыта этрусского и ионийского

¹¹ Камари Д.М. 2016.

¹² *Strabo*. III. IV. 2; *Avien*. Ora maritima. 425–430.

¹³ *Hdt*. I. 165: Геродот сообщает, что Арганфоний уже скончался к моменту основания Алалии фокейцами (565 г. до н.э.).

товара, но в основном тирренскую продукцию, так как они находились в дружественных отношениях вплоть до смерти Тарквиния¹⁴ в 579 г. до н.э. Кстати, именно через несколько лет после смерти Тарквиния значительно увеличились поставки ионийской керамики, достигнув своего максимума в 560 г. до н.э.¹⁵

Кто же окружал греков и их колонии на Пиренейском полуострове? Источники рассказывают фрагментарно об этногеографической ситуации к моменту прихода греков на Пиренейский полуостров. Кроме того, данные разновременные, что еще больше усложняет задачу определения племен, с которым греки взаимодействовали. Достоверно известно лишь то, что рядом с Эмпорионом проживали индикеты — народ о котором очень мало известно. *Авиен* описывает их как суровое и жестокое племя, которое преимущественно занималось охотой и жило в тущобах¹⁶. Их территория простиралась, согласно данным *Страбона*, вплоть до Пиренеев¹⁷. К югу от них находилось племя илергетов или илеркавонов¹⁸. За ними шло племя эдетанов¹⁹.

После того, как греки в середине VI в. до н.э. перенесли колонию на материковую часть Испании, им пришлось жить вместе с индикетами в одном городе. Их разделяла лишь стена. Обратились же они к грекам с просьбой жить в одном городе ради собственной безопасности²⁰. Раскопки показали, что на месте святилища Асклепия находился более древний храм, датируемый V в. до н.э. Именно там совершались сделки по покупке и продаже товара с местными жителями, которые распространяли товар в более далекие области сухопутным и речным путем. Тем не менее греки очень осторожно относились к индикетам. Они ревниво охраняли свою часть города не только от индикетов, но и от других испанцев, не пуская их на

¹⁴ *Iust.* XLIII. 3. 4.

¹⁵ *Cabrera Bonet P.* 1988–1989, 41–100.

¹⁶ *Avien.* 520–525.

¹⁷ *Strabo.* III. IV. 1.

¹⁸ *Hecataei* 14 (FHG). 2.

¹⁹ *Ibid.* 1.

²⁰ *Strabo.* III. IV. 8.

свою территорию и делая постоянные обзоры²¹. Такая тщательная бдительность со стороны греков, говорит о том, что существовали случаи нападения со стороны кельтов и испанцев, окружавших город. Вспомним, что жителям Массалии не раз приходилось защищать свой город от нападения более многочисленного врага, в частности кельтов²².

Стимулом к сближению и росту доверия между греками и испанцами была торговля. Инициатива исходила от греков, которые нуждались в железе и серебре, а также в зерне, которое, скорее всего, в IV в. до н.э. стали завозить в Афины. С другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что иберы очень нуждались в греческих товарах, в частности, в превосходном вине и качественной посуде из керамики. Использовали же они греческую керамику не только для прямого предназначения — для хранения и потребления. Так, например, килики использовали для совершения обряда либации. Весь греческий импорт служил для иберийской аристократии неким показателем превосходства над остальными жителями.

Отношения между греками и испанцами не стояли на месте, они развивались вместе с интенсификацией поставок греческих товаров. Однако важным этапом в эволюции этих контактов явились два события: захват Гарпагом Фокеи в 546 г. до н.э. и война между фокейцами, с одной стороны, и карфагенянами и этрусками, с другой. Первое событие привело к прекращению поставок ионийской керамики на Пиренейский полуостров. Второе же событие закончилось битвой при Алалии в 535 г. до н.э., результатом которой стало переселение большей части греков из Кирна (о. Корсика) на юг Аппенинского полуострова, а также ослабление влияния фокейцев в Западном Средиземноморье. Это серьезнейшим образом отразилось на греческой торговле. В этой ситуации фокейцы изменили торгово-экономическую стратегию. Они перешли на интенсивный путь развития. Они это сделали путем налаживания собственного производства керамики и путем содействия быстрой интеграции местного населения в процесс торгового обмена.

²¹ *Tit Liv.* XXXIV. 9. 5–7.

²² *Iust.* XLIII. 4–5.

Местные жители не только приобретали товары у греков, но и, как показывают эпиграфические находки, они участвовали в процессе реализации продукции. В 1985 г. была обнаружена находка в Ампурьесе (Каталония, Испания)²³, которая положила начало новому этапу в изучении отношений между греками и иберами. Эта была надпись на свинцовой пластине, дошедшая до нас с пробелами. Её относят к концу VI в. до н.э. На ней была зафиксирована процедура продажи продукции, где реализацией товара занимался некий ибериец Баспед (Βασπεδ). Он имел свой корабль. Одной из его функции была транспортировка товара из пункта А в пункт Б. Но на этом не ограничивались его задачи. При необходимости он должен был нанять других корабельщиков для перевозки товара. Ибериец выполнял поручения представителя греческого торговца из Эмпориона. В строке 10-11 текста письма говорится о том, что Баспед несет определенную ответственность. Более того, он имел право торговаться и значительно снизить цену на товар, что указывает на ключевую роль этого звена в торговле между греками и местными жителями. Все это свидетельствует о том, что греки проводили политику по интенсификации отношений путем расширения полномочий местных посредников и путем создания системы гибких цен на товары. Модель двойного или тройного посредничества, где интегрирующую роль играют местные торговцы, была более эффективной, так как позволяла реализовать большее количество товара. Потери от политики гибких цен греки могли компенсировать за счет снижения качества продукции. Известно, что краснофигурная аттическая керамика, которую начали поставлять на Пиренейский полуостров с конца VI в. до н.э. сильно уступала чернолаковой керамике. Такая же ситуация была с массалиотской керамикой, которая по качеству была ниже ионийской.

Подтверждение интеграции туземцев в греческую торговлю засвидетельствовано и в надписи, найденной в Пеш-Махо (Франция), и относящейся к середине V в. до н.э.²⁴ В тексте надписи содержатся данные о купле-продажи, где одна из сторон выплачивает аванс.

²³ Mangas J., Plácido D., Gangutia Elicegui E., Rodríguez Somolinos H. 1998; Sanmarti E., Santiago R.A. 1987, 336–337.

²⁴ Lejeune M., Pouilloux J. 1988, 526–536; Mangas J., Plácido D., Gangutia Elicegui E., Rodríguez Somolinos H. 1998, 350–351.

Свидетелями этой операции числятся несколько иберийских и кельтских имен: Басигеррос (βασιγερρος), Блеруас (βλερουας), Голо[...]биур (Γολο[...]βιυρ), Седегон (Σεδεγων). Во второй операции, зафиксированной в надписи, выплачивается остаток. Там же приводятся свидетели: [...]уаруас ([...]υαρυας) и Нальбе[...]н (Ναλβε[...]ν)²⁵.

Для того, чтобы реализовать торгово-стратегическую политику по интенсификации отношений с местным населением необходимо было не только расширить полномочия и права посредников, но и также активизировать сухопутные пути, ведущие в Тартесс в связи с конфликтом между карфагенянами и фокейцами, закончившимся после неудачной для греков морской битвы при Алалии. Самой известной была «Гераклова дорога», на которой позже будет проходить Via Augusta. Она соединяла северо-восток и юго-запад и была реконструирована Х. Малукером де Мотесом. Отправной точкой был Гемероскопий или поселение Санта Пола, где была обнаружена чернофигурная аттическая керамика, а оттуда дорога шла в сторону Посо Моро, Деспеньяперрос, Оретум, Альмаден. Далее дорога шла в сторону Заламеи и Медельина²⁶. Конечная цель греков были богатые железом, оловом и серебром рудники Экстремадуры²⁷. По всем пунктам этого маршрута было найдено обильное количество греческой керамики, датированной концом VI в. до н.э. Конечно, греки рассматривали и другие направления, но наиболее перспективными оставались по-прежнему южное и северо-восточное.

Во второй половине VI в. до н.э. морская торговля активно действовала в основном на северо-востоке Испании. Точно неизвестно до какого пункта восточного побережья простиралась греческая торговля. По меньшей мере, это должно было быть до Майорки, где был обнаружен затонувший фокейский корабль. Но, скорее всего, крайней точкой могла быть страна мастиенов. В договоре между карфагенянами и римлянами конца VI в. до н.э. (509 г. до н.э.) последним

²⁵ Mangas J., Plácido D., Gangutia EliceGUI E., Rodríguez Somolinos H. 1998, 350.

²⁶ Maluquer de Motes J. 2000, 169.

²⁷ Ibid., 170.

запрещается в Мاستии и в Тартессе добычу и торговлю²⁸. По данным *Страбона*, страна мастиенов заканчивается у Нового Карфагена (совр. Картахена).

По сути, этот договор закрывал для греков, римлян и других народов-мореплавателей дорогу к железу, олову и серебру Тартесса, Галиции и Британских островов, но Гемероскопий и Санта Пола оставались за греками на земле эдетанов. Такая мера со стороны карфагян была направлена на монополизацию торговли этими металлами. При всем этом находки в затонувшем корабле в Кала Сан Висенс (Майорка) дают знать, что греки получали железо и серебро, обходя запреты карфагян. Более 130 орудий из железа были найдены в корабле, а также 30,6 килограммовый оловянный слиток и более мелкие частицы этого же металла²⁹. Плавильные изделия в Эмпорионе³⁰, а потом направлялись в Грецию. Об этом свидетельствует обнаруженная керамика, которая позволяет реконструировать маршрут корабля.

Интересен и вопрос о том, как взаимодействовали греки и карфагяне после битвы при Алалии. Судя по данным античных источников, карфагяне не были довольны, что поблизости от их колонии на острове Эбуссус (о. Ибица) греки вели торговлю. Фокейская колония Гемероскопий находилась недалеко от Ибицы, что приводило к ряду столкновений. Об одном из них рассказывают *Сосил* и *Геродот*³¹. Они сообщают о том, что после подавления ионийского восстания, кариец Гераклит Миласский бежал в Массалию. Там он во главе флота одолел карфагян у Артемисия (т.е. у Гемероскопия) в 493 г. до н.э.³²

Таким образом, отношения между греками и туземцами с момента основания Эмпориона и вплоть до подписания в 509 г. до н.э. договора между карфагянами и римлянами существенно изменились. Поворотным этапом стало морское сражение при Алалии, которое изменило геополитическую ситуацию в Западном Средизем-

²⁸ *Polyb.* III. 24.

²⁹ *Nieto X., Santos M.* 2010, 51.

³⁰ *Santos M., Castanyer P., Tremoleda J.* 2013, 103–114.

³¹ *Bilabel F.* 1922, 29–46; *Hdt.* V. 121.

³² *Bosch-Gimpera P.* 1995, 197.

номорье. Усиление влияния карфагенян привело к вытеснению греков из такого выгодного региона как Тартессид. В результате грекам пришлось искать способы компенсации потерь. Для разрешения этого вопроса греки, скорее всего, стали больше привлекать местных торговых агентов для сбыта товара, так как они хорошо знали регион, людей и язык и могли проникнуть в более отдаленные территории, куда грекам было небезопасно отправляться. На примере Баспеда ясно, что им предоставлялись особые права, позволяющим снизить цену.

На этом фокейцы не ограничились. Помимо расширения прав местных торговых агентов, они стали искать сухопутные пути к юго-западной части Пиренейского полуострова, где концентрировались железные и оловянные рудники.

ЛИТЕРАТУРА

- Камари Д.М.* 2016: Внешнеполитический фактор миграции (на примере фокейской колонизации Пиренейского полуострова) // *Цивилизация и варварство: вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства* / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). — М.: Аквилон, V. 264–276.
- Bilabel F.* 1922: Die kleineren Historikerfragmente auf Papyrus. — Bonn, 63.
- Bosch Gimpera P.* 1995: El poblamiento antiguo y la formación de los pueblos de España. — México, 427.
- Cabrera Bonet P.* 1988–1989: El comercio foceo en Huelva: cronología y fisionomía / J. Fernández Jurado (ed.). — Tartessos y Huelva, Huelva Arqueológica X–XI. 3. 41–100.
- Lejeune M., Pouilloux J.* 1988: Une transaction commerciale ionienne au Ve siècle à Pech–Maho // CRAI, 526–536.
- Maluquer de Motes J.* 2000: En torno al comercio terrestre hacia Extremadura // Pyrenae. 22–23. 165–171.
- Mangas J., Plácido D., Gangutia Elícegui E., Rodríguez Somolinos H.* 1998: La Península Ibérica en los autores griegos: De Homero a Platón. — Madrid. 409.
- Nieto X., Santos M.* 2010: El barco de Cala Sant Vicenç / In: Patrice Pomey (dir.) *Transferts technologiques en architecture navale méditerranéenne de*

- l'Antiquité aux temps modernes: identité technique et identité culturelle. Actes de la Table Ronde d'Istanbul 19–22 mai 2007. — Istanbul: Institut Français d'Études Anatoliennes–Georges Dumézil. 45–58. (Varia Anatolica, 20).
- Nijboer A., van der Plicht J.* 2006: An interpretation of the radiocarbon determinations of the oldest indigenous–Phoenician stratum thus far, excavated at Huelva, Tartessos (south–west Spain) // *BABesch.* 81. 31–36.
- Özyiğit Ö.* 2003: Recent work at Phokaia in the light of Akurgal's excavations // *Anatolia.* 25, 109–127.
- Pons i Brun E.* 1986–1987: Los principios de la metalurgia del hierro en Catalunya // *Zephyrus.* 39–40, 251–263.
- Ruiz Mata D.* 1999: La fundación de Gadir y el Castillo de Dona Blanca: contrastación textual y arqueológica // *Complutum.* 10. 279–317.
- Sanmarti E., Santiago R.A.* 1987: «Une lettre grecque sur plomb trouvée à Emporion (Fouilles 1985)» // *ZPE.* 68. 19–127.
- Santos M., Castanyer P., Tremoleda J.* 2013: Emporion arcaica: los ritmos y las fisionomias de los dos establecimientos originarios, a partir de los últimos datos arqueológicos / *L'Occident Grec de Marseille a Megara Hyblae. Hommages a Henry Treziny. Textes réunis et édités par Souphie Bouffier et Antoine Hermay.* — P., 103–114.
- Sera Seuma S.* 2008: Servir el vino. Algunas observaciones sobre la adopción del oinochoe en el curso inferior del Ebro (s. VII–VI aC) // *Trabajos de Prehistoria.* 65. 95–115.

D.M. Kamari

CONTACTS BETWEEN GREEKS AND THE LOCAL POPULATION IN THE IBERIAN PENINSULA

BEFORE AND AFTER THE SEA BATTLE OF ALALIA

The article is devoted to the relations between Phocaeans and the local population in the southwestern and northeastern parts of the Iberian Peninsula. The author believes that an important role in the intensification of that contacts played the Sea Battle of Alalia in 535

BC. Because of restrictions in sea voyages to Tartessos Greeks began to search land routes to tin and iron mines and also integrate local sales agents into Greek trade.

Keywords: Phocaeans, indigenous, Herodotus, iron mines, land routes.

KAMARI Daniel Mikhailovich — Teacher of the Department «Foreign Languages-3» of the Financial University under the Government of the Russian Federation. 49, Leningradsky Prospect, Moscow, 125993, Russian Federation. — kamari_daniel@mail.ru

REFERENCES

- Kamari D.M. 2016: Vneshnepoliticheskii faktor migratsii (na primere fokeiskoi kolonizatsii Pireneiskogo poluostrova) // *Tsivilizatsiya i varvarstvo: vyzovy destrukttsii v labirinte migratsii varvarstva* / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). — M.: Akvilon, V. 264–276.
- Bilabel F. 1922: Die kleineren Historikerfragmente auf Papyrus. — Bonn, 63.
- Bosch Gimpera P. 1995: El poblamiento antiguo y la formación de los pueblos de España. — México, 427.
- Cabrera Bonet P. 1988–1989: El comercio fokeo en Huelva: cronología y fisionomía / J. Fernández Jurado (ed.). — Tartessos y Huelva, Huelva Arqueológica X–XI. 3. 41–100.
- Lejeune M., Pouilloux J. 1988: Une transaction commerciale ionienne au Ve siècle à Pech–Maho // *CRAI*, 526–536.
- Maluquer de Motes J. 2000: En torno al comercio terrestre hacia Extremadura // *Pyrenae*. 22–23. 165–171.
- Mangas J., Plácido D., Gangutia Elícegui E., Rodríguez Somolinos H. 1998: La Península Ibérica en los autores griegos: De Homero a Platón. — Madrid, 409.
- Nieto X., Santos M. 2010: El barco de Cala Sant Vicenç / In: Patrice Pomey (dir.) *Transferts technologiques en architecture navale méditerranéenne de l'Antiquité aux temps modernes: identité technique et identité culturelle. Actes de la Table Ronde d'Istanbul 19–22 mai 2007*. — Istanbul: Institut Français d'Études Anatoliennes–Georges Dumézil. 45–58. (*Varia Anatolica*, 20).
- Nijboer A., van der Plicht J. 2006: An interpretation of the radiocarbon determinations of the oldest indigenous–Phoenician stratum thus far, excavated at Huelva, Tartessos (south–west Spain) // *BABesch*. 81. 31–36.

- Özyiğit Ö. 2003: Recent work at Phokaia in the light of Akurgal's excavations // *Anatolia*. 25, 109–127.
- Pons i Brun E. 1986–1987: Los principios de la metalurgia del hierro en Catalunya // *Zephyrus*. 39–40, 251–263.
- Ruiz Mata D. 1999: La fundación de Gadir y el Castillo de Dona Blanca: contrastación textual y arqueológica // *Complutum*. 10. 279–317.
- Sanmarti E., Santiago R.A. 1987: «Une lettre grecque sur plomb trouvée à Emporion (Fouilles 1985)» // *ZPE*. 68. 19–127.
- Santos M., Castanyer P., Tremoleda J. 2013: Emporion arcaica: los ritmos y las fisionomias de los dos establecimientos originarios, a partir de los últimos datos arqueológicos / *L'Occident Grec de Marseille a Megara Hyblae. Hommages a Henry Treziny. Textes réunis et édités par Souphie Bouffier et Antoine Hermay*. — P., 103–114.
- Sera Seuma S. 2008: Servir el vino. Algunas observaciones sobre la adopción del oinochoe en el curso inferior del Ebro (s. VII–VI aC) // *Trabajos de Prehistoria*. 65. 95–115.

М.С. Петрова

ВСЯ ЖИЗНЬ — БОРЬБА?

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОСТОЯНИИ «ЧУЖОМУ»

В статье отмечаются особенности развития общественных отношений на территории Римской империи в IV веке, среди которых ассимиляция мигрирующих варварских народов в мир *Romanitas* и распространение христианства. На основании имеющихся источников реконструируются психологические портреты римских аристократов IV века (Претекстата, Квинта Аврелия Симмаха и Флавиана), боровшихся за сохранение традиционного языческого социально-религиозного культа; выявляются их действия, свидетельствующие о приверженности языческим традициям и неприятию «чужого».

Ключевые слова: Рим, общественные отношения, язычество, реконструкция, психологический портрет.

Развитие общественных отношений, происходящее в IV веке на территории Римской империи, невозможно отделить от социальных и политических перемен, охвативших этот регион¹. Одним из факторов, воздействовавшим на общественную жизнь римлян того времени (помимо ассимиляции мигрирующих варварских народов в мир *Romanitas*²), было распространение христианства, с которым рим-

ПЕТРОВА Майя Станиславовна — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук. Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32А. — beionyt@mail.ru

¹ О процессах, связанных с миграцией варварских племен и их утверждением на территории Римской империи, см. *Буданова В.П.* 2000.

² Термин “*Romanitas*” появился в IV веке для обозначения группы людей, не-римлян по происхождению, говоривших на латинском языке.

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 137–156
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 137–156

ские сенаторы вели продолжительную борьбу с целью сохранения традиционного социально-религиозного культа.

В настоящей статье речь пойдет о Веттии Агории Претекстате, Квинте Аврелии Симмахе и Вирии Никомахе Флавиане — римских аристократах, представителях высшей власти, живших в эпоху утверждения христианства (IV в.)³. Наша задача заключается, с одной стороны, в изложении имеющихся сведений об упомянутых лицах. С другой стороны, — в выявлении тех дел и поступков, которыми они пытались противостоять чуждой религии. При воссоздании их психологических портретов и основных событий из их жизни, мы не только задействуем имеющиеся источники (включая литературные), но и предпринимаем попытку ответить на вопрос, можно ли их жизненный путь рассматривать в качестве борьбы с чуждой религией, или же они просто жили...

* * *

Веттий Агорий Претекстат (310 / 320 – 384) — учёный, государственный деятель, духовный лидер и представитель языческой партии в Риме⁴.

В стремлении романизоваться многие (хотя не все) варвары изучали латинский язык, систематизировали свою правовую систему по римскому образцу, принимали римскую практику давая имена новым городам и своим детям. См. *Wallace-Hadrill J.M.* 1957. P. 11-13, 24-25; *Curtius E.R.* 1953. P. 31; *Riché P.* 1976. P. 60-78; *Amsler M.* 1989. P. 57.

³ Напомним основные даты утверждения христианства на государственном уровне: 313 г. — легализация христианства, 324-325 гг. — христианство становится господствующей религией, 341 г. — запрет языческих жертвоприношений, 356 г. — закрытие языческих храмов; 380 г. — окончательное утверждение христианства; 384- 385 гг. — появление эдиктов об уничтожении языческих храмов; 391 г. — запрет публичного и частного поклонения языческим богам; 394 г. — уничтожение символа язычества (огня Весты).

⁴ См. *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris I* (Ed.) 1971. Vol. I. P. 722-724. См. также: *Boissier, Gaston.* 1891. P. 265; *Bloch, H.* 1945. P. 203-204, 217-219; *Klein, Richard.* 1971. S. 47-50; *Flamant, J.* 1977. P. 26-36; *Kahlos, Maijastina.* 2002 (Introd.); *Ведеушкин М.А.* 2011. С. 26-34.

О семье Претекстата сведений нет. Очевидно лишь то, что его род относился к сенаторской аристократии. Около 344 г. Претекстат женился на Аконии Фабии Паулине [ум. п. 384], дочери Фабия Акония Катуллина Филоматия (префекта Рима в 342–344 гг. и консула в 349 г.), с которой прожил в браке более 40 лет, вплоть до своей смерти⁵.

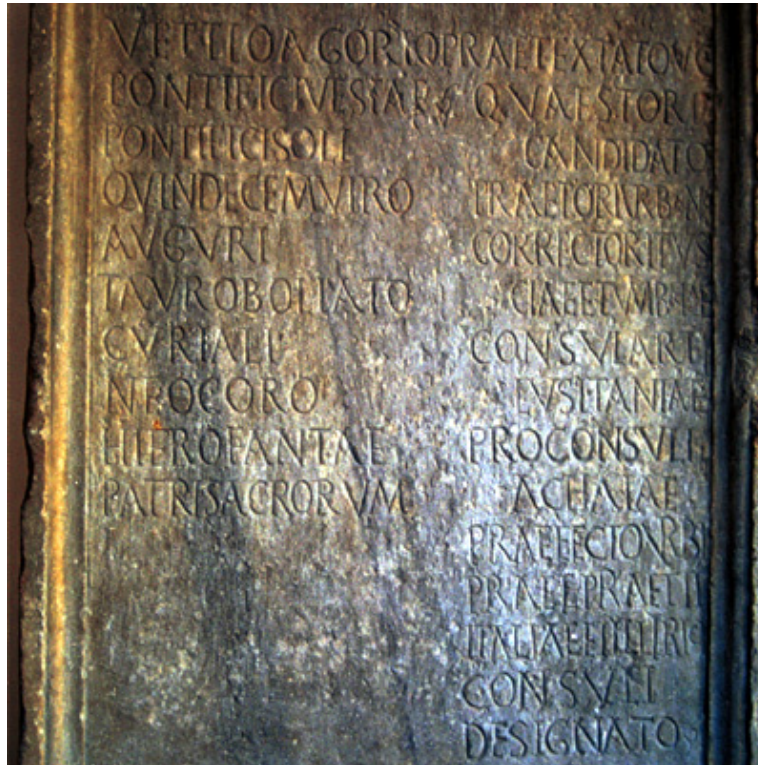
О характере и деятельности Претекстата пишут Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 390)⁶ и Квинт Аврелий Симмах (Rel. X)⁷. Сведения о нем можно почерпнуть из сохранившихся надписей (из ко-

⁵ Согласно надписи (CIL VI, 1779), Фабия не только была римской патрицианкой, но и тавроболиатой (участницей тавроболии, обряда жертвоприношения быков, связанного с культом Митры). См. также: Лосев А.Ф. 1992б. С. 72–74. О реконструкции частной жизни Претекстата и Паулины на основании анализа сохранившихся надписей, см. Петрова М.С. 2013. С. 652–671

⁶ См. *Amm. Marc. Res gest.* XXII, 7, 6: «Свидетелем всех этих его поступков был сенатор Претекстат, сочетавший благородный образ мыслей с древнеримской важностью. Он случайно оказался по личным делам в Константинополе, и Юлиан по собственному убеждению назначил его правителем Ахайи с проконсульской властью»; *Ib.* XXVII, 9, 8-9: «[8] В это время префектуру города [Рима] отправлял с отличием Претекстат. Многообразными проявлениями своей неподкупности и высокой честности, которыми он прославился с ранней юности, он достиг того, что редко случается, а именно, что, хотя сограждане боялись его, он не потерял их любви, которая вообще не выпадает на долю чиновным лицам, внушающим к себе страх. [9] Своим авторитетом и правильными, самой истиной продиктованными приговорами он успокоил волнение, которое вызвали раздоры христиан. После изгнания Урсина водворилось глубокое спокойствие... Множество полезных мероприятий этого прекрасного правителя умножали его славу»; *Ib.* XXVIII, 1, 24: «Эти и подобные бедствия... вызвали всеобщую панику. Чтобы эти бедствия... не повлекли за собой целой громады несчастий, по решению знати [т.е. сената], было отправлено к императору посольство. Бывший префект Претекстат, бывший викарий Венуст и бывший консул Минервий должны были подать императору прошение, чтобы кары не оказывались выше проступков и чтобы не подвергали пыткам сенаторов вопреки обычаю и праву». — Пер. Ю. Кулаковского, А. Сони. См. также: *Seyfart* (Ed.) 1979.

⁷ См. MGH: Auct. Ant. 6 / 1. P. 288. О К.А. Симмхе см. ниже.

торых наиболее известна та, что посвящена самому Претекстату и его жене)⁸ (см. Илл. 1); адресованных ему (как префекту Города и префекту претория) законодательных актов, собранных в Codex Theodosianus; нескольких писем о религиозных дебатах, направленных Претекстату императором Валентинианом II (371–392; имп. — 375), находящихся в серии документов «Авелланской коллекции» (Collectio Avellana)⁹.

Илл. 1.

Надпись Претекстату (Национальный музей, Рим).

⁸ См. CIL VI, 1779. См. также: Kahlos, Maijastina. 1994. P. 13–25. См. также: Петрова М.С. 2013а. С. 652–671.

⁹ См. также: Blair-Dixon K. 2007.

Помимо этого Иероним (347–420), знавший римскую аристократию, говорит о Претекстате в письмах (XXIII¹⁰; XXXIX) и полемическом сочинении “Contra Ioannem Hierosolymitanum” (397 г.). Следует отметить и анонимную поэму “Carmen adversus paganos”, составленную в период между 365–395 / 401 гг., в которой также говорится о Претекстате-сенаторе¹¹.

Сведения о Претекстате есть и у более поздних авторов. Среди таковых языческий историк Зосим (перв. пол. VI в.), описавший Претекстата в “Historia nova” (IV, 3, 3)¹² как защитника эллинистических греческих культов, Иоанн Лаврентий Лид (fl. сер. VI в.), который в трактате “De mensibus” (IV, 2, 20–21)¹³ упоминает иерофанта по имени Претекстат, а также Макробий (fl. сер. V в.), сделавший Претекстата главным действующим лицом своих «Сатурналий». Он пишет о нем как учёнейшем муже¹⁴, знатоке священных обрядов

¹⁰ Претекстат не назван Иеронимом по имени, но нет сомнения в том, что “consul designatus” и Претекстат — одно и то же лицо, поскольку именно он был избран консулом на следующий год.

¹¹ См. Adamik (Ed.) 1995. Перевод поэмы на русский язык см. Ведешкин М.А. Сочилин А.А. (Пер.) 2016. С. 23–32. См. также: Cracco Ruggini, L. 1979. P. 3–141; Eadem. 1989. P. 274 (п. 55). В этих исследованиях высказано предположение, что упомянутые в поэме (v. 115–122) анонимный сенатор и его вдова — Претекстат и Паулина. Заметим, что христиане, к которым, очевидно, принадлежал автор поэмы, к деятельности Претекстата относились крайне негативно. См. Adamik (Ed.) 1995. Vv. 78–83: “Christicolos multos uoluit sic perdere demens: // qui uellent sine lege mori, donaret honores // oblitosque sui caperet quos daemonis arte, // muneribus cupiens quorundam frangere mentes // aut alios facere parua mercede profanos // mittereque inferias miseros sub Tartara secum”. — «В безумии своем желал он погубить немало христиан. // Давал награды тем, кто вне Закона [Божьего] скончаться пожелал, // Мужей, себя забывших, в ловушку заманил уловкою бесовской, // Желал умы одних сломить дарами, // Других от Бога отвратить наградой ничтожной, // Вслед за собой несчастных в Тартар отправляя» (пер. М.А. Ведешкина, А.А. Сочилина). См. также: Shanzer, D. 1986. P. 232–248; Cameron, Alan. 2010. P. 273–320.

¹² См. Mendelssohn (Ed.) 1887. P. 160.

¹³ См. Wünsch (Ed.) 1898. P. 65.

¹⁴ См. также: Миллер Т.А. 1963. С. 283–306.

(I, 17, 1; I, 7, 17: "...sacrorum omnium unice conscius"; I, 24, 1)¹⁵, обладающем такими качествами, как душевное равновесие и спокойствие (I, 7, 2)¹⁶; ему присуще сила характера (I, 5, 4)¹⁷, педантизм и чувство юмора.

Имеющиеся свидетельства показывают, что у Претекстата было несколько религиозных должностей: понтифик покровительницы семейного очага, богини Весты и бога Сола, авгур, тавроболий, иерофант, жрец бога Либеры и Элевсинских мистерий. Он занимал важные политические и административные посты: квестор, наместник (corrector) Тускнии и Умбрии, проконсул Ахайи, префект Рима, преторианский префект Италии (382 г.); был избран консулом на 385 г. (но в должность вступить не успел). Будучи городским префектом, он вернул папе Дамасию (300–384; еп. Рима — 366) базилику Сицинина, помог изгнать из Города антипапу Урсина (366–367), восстановив тем самым спокойствие в Риме. В числе многих других его начинаний — восстановление портика (367 г.), посвященного двенадцати языческим богам (см. Илл. 2)¹⁸.

¹⁵ *Sat.* I, 17, 1: «...божества пожелали, чтобы ты, Веттий Претекстат, был глашатаем всего священного»; *Sat.* I, 7, 17: «...Веттий, осведомленный о всех священных обрядах»; *Sat.* I, 24, 1: «...все ...стали хвалить: один — [его, Претекстата] память, другой — учёность, все [вместе] — набожность, утверждая, что он является единственным, знающим скрытую природу богов, что он один только и может постигнуть божественное благодаря уму и высказать благодаря дарованию [оратора]». Здесь и ниже фразы из «Сатурналий» цит. в переводе В.Т. Звиревича (2013). См. *Макробий Феодосий. Сатурналии* (Ad loc.).

¹⁶ Ad loc. «...он был в отношении всех [людей] равным образом благожелательным и снисходительным».

¹⁷ Ad loc.: «Прошу добрых слов, — возразил, как обыкновенно со свойственной [ему] убедительностью Претекстат, — и давайте не будем надменно разрушать уважение к приверженцу наук о древности...».

¹⁸ Это сооружение, получившее название Портика согласия богов, состояло из восьми кирпичных помещений, образующих тупой угол. Перед ним возвышалась колоннада; в шести нишах парами стояли статуи главных богов и богинь римского пантеона (Юпитер и Юнона, Нептун и Минерва, Аполлон и Диана, Марс и Венера, Вулкан и Веста, Меркурий и Церера).

Илл. 2.

Восстановленный Претекстатом портик Согласия Богов
(Porticus Deorum Consentium) на Римском Форуме¹⁹.

После смерти Претекстата император просил у римского сената копии всех его речей, а жрицы Весты предложили воздвигнуть статую в его честь.

Упомянутая надпись (CIL VI, 1779)²⁰ свидетельствует об учёности Претекстата и о его вкладе в дело по пересмотру и исправлению текстов греческих и латинских авторов. Согласно Боэцию²¹, Претекстат, отличающийся особой образованностью, свободно владел греческим языком (что было обычным для римских аристократов той эпо-

¹⁹ См. http://en.wikipedia.org/wiki/File:Porticus_Deorum_Consentium.JPG (декабрь, 2017). Доступен на основании лицензии Creative Commons.

²⁰ См. CIL VI, 1779. См. также: Петрова М.С. 2013а. С. 652–671.

²¹ См. Boeth. In Peri Herm. Arist. II, 3, 7.

хи), знал греческую философию, особенно, труды Платона и Аристотеля, которые переводил на латинский язык. Он опубликовал латинскую версию «Десяти категорий» Аристотеля, пересказанную с греческого языка философом Фемистием (ок. 317 – п. 388), и был одним из тех (*quindecem vir sacri faciundi*), кто читал «Книги Сивилл»²².

Претекстат, будучи одним из последних политических деятелей, поддерживавших языческую религию²³, лично участвовал в отправлении религиозных культов. Его подпись стоит одной из первых на сохранившемся до нашего времени алтаре, посвященном Великой Матери, который стал главным местом поклонения последних язычников²⁴. Незадолго до смерти Претекстат провел важную церемонию восхождения на Капитолий, схожую с языческим триумфальным шествием. В 384 г. он добился от Валентиниана II эдикта, объявляющего преступлением разрушение языческих храмов и предоставившего право расследовать такие злодеяния префекту Рима Симмаху.

Квинт Аврелий Симмах (340/5 – п. 402) — младший современник и близкий друг Претекстата²⁵, прозаик, поборник древней языческой религии, занимавший важные государственные посты. В 370–374 гг. он был проконсулом Африки; в 384–385 гг. — префектом Рима; в 391 г. — консулом, обладавшим правами, схожими с императорскими²⁶.

²² Интерес и любовь к старине у Претекстата также описаны и в Макробиевых «Сатурналиях», в которых Претекстат дискутирует о происхождении одноименного праздника (I, 7 – 10) и римского календаря (I, 12 – 16). Глубокое знание языческой религии и соблюдение обрядов проявляется в рассуждении Претекстата об осведомленности Вергилия в законах Понтификов (III, 4 – 12) и в пространной речи о солнечном монотеизме, смысл которой в том, что все боги греческой и римской мифологии обладают качествами единого Высшего бога — Солнца (I, 17 – 23).

²³ Подробнее см. *Ведешкин М.А.* 2011. С. 26–34.

²⁴ См. *Лосев А.Ф.* 1992. — <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Culture/los8/07.php> (декабрь, 2017).

²⁵ К.А. Симмаха в Риме называли «наследником» Претекстата. См. *Carm. c. pag. v. 114*: “...composuit templum nuper cui Symmachus heres”.

²⁶ См. *А.Н.М. Jones, J.R. Martindale, J. Morris* (Ed.). 1971. Vol. I. P. 865–870.

Сохранились панегирики К.А. Симмаха императорам Валентиниану и Грациану, отрывки речей и около 900 писем, написанных с 360 по 402 гг. Отрывки речей Симмаха свидетельствуют о его красноречии. Это подтверждается словами Пруденция, который в трактате «Против Симмаха» пишет, что в таком словесном мастерстве ему уступает и сам Цицерон²⁷. В Макробиевых «Сатурналиях» ораторский стиль Симмаха также описан как цветистый и изысканный (V, 1, 7)²⁸.

О заслугах Симмаха в общественно-политической и религиозной сферах свидетельствует сохранившаяся подпись, сделанная его сыном Квинтом Фабием Меммием Симмахом²⁹.

Среди наиболее значительных его дел³⁰ то, что в 382 г. он был направлен сенатом в Медиолан просить у императора Грациана пересмотра принятого под влиянием Амвросия, епископа Медиолана (340–397 гг.; еп. с 374 г.), решения о выносе из сената алтаря Победы³¹. После убийства Грациана именно Симмаху сенат пору-

²⁷ См. *Prud.*, C. orat. Symm. I, 173A (vv. 632-634): “Et, quascunque solent Capitolia claudere, larvas // O linguam miro verborum fonte fluentem, // Romani decus eloquiū, cui cedat et ipse Tullius, has fundit dives facundia gemmas”.

²⁸ Имеются в виду слова Евсевия о виде речи, которая (Ad loc.): «...витиеватая и цветистая, которой когда-то [блистал] Плиний Старший, а ныне блистает наш Симмах, [оратор], не слабее никого из древних». См. также: *Davies P.V.* 1969. P. 5–6. *Flamant J.* 1977. P. 36–45.

²⁹ См. CIL IV, 1699: «К[вину] Аврелию Симмаху, светлейшему мужу, квестору претория, величайшему понтифику, наместнику Лукании и Бруттия, комиту третьего ранга, проконсулу Африки, префекту Города, ординарному консулу, красноречивейшему оратору, превосходнейшему отцу, К[винт] Фабий Меммий Симмах, светлейший муж, [посвящает]» (перевод наш).

³⁰ См. *Уколова В.И.* 1992. С. 18-35; *Шкаренков П.П.* 2005. С. 607 сл.

³¹ Алтарь, находившийся в здании римского сената (курии) и олицетворявший собой богиню Викторию, был установлен Октавианом в 29 г. до н.э. в честь победы над Антонием и Клеопатрой в битве при Акции. Золотая статуя (захваченная римлянами у Пирра в 272 г. до н.э.) представляла собой крылатую женщину, держащую в руке лавровый венок побе-

чил встретить в Италии с поздравлениями нового императора Магна Максима (335–388 гг.; имп. — 383)³².

Вирий Никомах Флавиан (334–394 гг.) — представитель влиятельного сенаторского рода Никомахов³³, принадлежал к окружению Симмаха и находился с ним в родстве³⁴ (см. Илл. 3).

Флавиан занимал многие государственные посты и должности: консул Сицилии (364 / 365 гг.); викарий Африки (376 / 377 гг.); квестор священной палаты (389 г.); префект претория Иллирика и Италии (390–392 гг. и 393–394 гг., при узурпаторе Евгении [392–394]); консул (394 г., власть которого признавалась лишь на территории, подвластной Евгению).

Во время правления Евгения Флавиан возглавил языческую партию и проводил курс на реставрацию язычества³⁵. После гибели Евгения (в битве на реке Фригид) Флавиан покончил с собой.

дителя. Алтарь был вынесен из курии императором Констанцием II в 357 г., возвращен обратно Юлианом Отступником и вновь вынесен Грацианом в 382 г. После смерти Грациана, К.А. Симмах, будучи префектом Рима, неоднократно просил императора Валентиниана II восстановить алтарь. Его просьбы сталкивались с сильным противодействием Амвросия Медиоланского, имевшего большое влияние на императора. Все просьбы восстановить алтарь отклонялись. В дальнейшем, однако, он все же был восстановлен Евгением во время его короткого правления в 392–394 гг., но затем уже навсегда вынесен из здания сената. См. *Symm. Ep.* X, 54. См. также: *Ранович А.Б.* 1990. С. 450–457.

³² См. подробнее: *Jones A.H.M., J.R. Martindale, J. Morris* (Ed.) 1971. Vol. I. P. 865–870; *Шкаренков П.П.* 2005. С. 607.

³³ Отца Флавиана звали Волусий Венуст. Аммиан Марцеллин упоминает его как викария Испании (см. *Amm. Marc. Res. gest.* XXIII, 1, 4; XXVIII, 1, 24). Вероятно, у Флавиана был брат, который носил то же имя «Венуст», как и отец. См. *CIL VI*, 1783; *Symm. Ep.* VI, 32.

³⁴ Родство через брак членов семей Никомахов и Симмахов.

³⁵ Флавиан совершал празднества в честь Исиды, Великой Матери (*Magnae Matris*), и публично приносил жертвы.

Илл. 3.
Диптих: Симмахи–Никомахи
(левая часть: Musée National du Moyen Âge, Paris;
правая часть — Victoria and Albert Museum, London)³⁶.

³⁶ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/File:Diptych_Nicomachi-Symmachi_collated.jpg (декабрь, 2017). Доступен на основании лицензии Creative Commons.

О должностях и деятельности Флавиана известно из двух надписей. Одна из них (CIL VI, 1782)³⁷, составленная, вероятно, в 394 г., принадлежит мужу внучки Флавиана — Квинту Фабию Меммию Симмаху (сыну Квинта Аврелия Симмаха). Другая (CIL VI, 1783)³⁸, помещенная на постаменте статуи, воздвигнутой в 431 г. внучатым племянником Флавиана на Троянском форуме Аппием Никомахом Декстером во славу (*cursus honorum*) его заслуг, сделана по приказу императоров Валентиниана и Феодосия³⁹.

Иоанн Солсберийский (XII в.) приписывает Флавиану авторство утраченного трактата “*De vestigiis et dogmatibus philosophorum*”⁴⁰; кроме того, сохранившаяся фраза “*historicus disertissimus*”⁴¹ свидетельствует о литературных занятиях Флавиана (ему принадлежали “*Анналы*”, использованные Аммианом Марцеллином).

³⁷ Ad loc.: «Вирию Никомаху Флавиану, мужу сиятельному, квестору претория, верховному понтифику, [бывшему] консулу Сицилии, викарию Африки, квестору внутренних [покоев] дворца, префекту претория, и снова помощнику консула, выдающемуся историку [и] почтенному деду жены Квинт Фабий Меммий Симмах, муж сиятельный, [посвящает]» (перевод наш).

³⁸ Ad loc.: «Никомаху Флавиану, [бывшему] консулу Сицилии, викарию Африки, квестору [императорских] покоев, префекту претория божественного Феодосия в Италии, Иллирика и снова Африки, почитаемому за добродетели [мужу], входящему в состав Сената и Суда, в честь сына [Рима] Никомаха Флавиана, консула Кампании, проконсула Азии, префекта городских укреплений, ныне префекту претория Италии, Иллирика и Африки, постоянно [избираемому] по своему благоденствию в Августейший сенат светлейшему, а также сиятельному государственному мужу... за заслуги и на вечную память... императоры Цезарь Флавий Феодосий и Флавий Плакидий Валентиниан установили [памятник]» (перевод наш).

³⁹ См. CIL VI, 1783. Это событие произошло спустя 40 лет после битвы на реке Фригид. Императоры Валентиниан и Феодосий, воздав должное заслугам и безупречности Флавиана, установили ему памятник.

⁴⁰ См. *Joan. Saresb. Polycr.* II, 26 (460b): “*Hoc autem asserit Flavianus in libro, qui De vestigiis philosophorum inscribitur*”. Ibidem VIII, 2 (790a; 755a); VIII, 12 (758a; 761a).

⁴¹ CIL VI, 1782.

Макробий говорит о Флавиане как о человеке хорошо образованном, обладающем приятным нравом; основательным в жизни (I, 5, 13).

Очевидно, что сведений о Претекстате, Флавиане и К.А. Симмахе крайне мало. Однако даже с учетом имеющегося материала нельзя не согласиться с тем фактом, что всеми своими силами и действиями эти государственные мужи пытались противостоять наступлению христианства и сохранить свои ценности и культуру. Но, несмотря на проигрыш в борьбе с христианством, они выиграли в другом, внося свой вклад в процесс сохранения своей культуры — культуры, дошедшей до нашего времени в текстах и артефактах.

ЛИТАРАТУРА

Оригинальные тексты и указанные источники см. в соответствующих базах данных или критических изданиях.

Буданова В.П. 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов. — М.: Наука.

Ведешкин М.А. 2011: Веттий Агорий Претекстат и языческая оппозиция в Римском Сенате // Научные ведомости Белгородского государственного университета 13/108. Вып. 19.

Ведешкин М.А. Сочилин А.А. (Пер.) 2016: Carmen contra paganos // Научные ведомости Белгородского государственного университета 8/229. Вып. 38.

Звиревич В.Т. (Пер.) 2013: Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича / Общ. ред., составл., вступит. ст. М.С. Петровой / Примеч. и указат. М.С. Петровой, В.Т. Звиревича / Прилож. М.С. Петровой. — М.: Кругъ.

Лосев А.Ф. 1992а: Макробий // История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. — М.: Искусство. Т. VIII. Ч. 2.

Лосев А.Ф. 1992б: Претекстат // История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М.: Искусство. Т. VIII. Ч. 2. — http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/los8/07.php (декабрь, 2017).

Месяц С.В. 2008: Божественный Ямвлих: вехи земного пути // Диалог со временем 22.

- Миллер Т.А. 1963: Литературная критика поэзии Вергилия в период «языческого возрождения»: Сервий, Макробий // Очерки истории римской литературной критики. — М.: АН СССР.
- Петрова М.С. 2001: Баснописец Авиен и Макробий Феодосий // Диалог со временем 6.
- Петрова М.С. 2004: Просопография как специальная историческая дисциплина на примере авторов Поздней Античности (Макробий Феодосий и Марциан Капелла). — СПб.: Алетейя.
- Петрова М.С. 2007: Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. — М.: Кругъ.
- Петрова М.С. 2013: Макробий Феодосий и его «Сатурналии» // *Макробий Феодосий. Сатурналии* / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича / Общ. ред., составл., вступит. ст. М.С. Петровой / Примеч. и указат. М.С. Петровой, В.Т. Звиревича / Прилож. М.С. Петровой. — М.: Кругъ.
- Петрова М.С. 2013а: О надписях, посвященных Претекстату // *Макробий Феодосий. Сатурналии* / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича / Общ. ред., составл., вступит. ст. М.С. Петровой / Примеч. и указат. М.С. Петровой, В.Т. Звиревича / Прилож. М.С. Петровой. — М.: Кругъ.
- Петрова М.С., Свак, Д. 2015: Биографические конструкты в рамках современного исторического знания // Взгляд в прошлое и настоящее... Проблемы, методы, перспективы. — М.: Аквилон.
- Разлогов К. (Ред.) 1991: *Пави, П. Словарь театра* / Пер. с франц. под ред. К. Разлогова. — М.: Прогресс.
- Ранович А.Б. 1990: Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. — М.: Издат. политич. литер..
- Селин А.А. 2011: Новгородское общество начала XVII в. Смутное время на северо-западе Московского государства. — Saarbrücken: Lambert Academic Press.
- Уколова В.И. 1988: Макробий и его «Сатурналии» // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. — М.: Наука.
- Уколова В.И. 1989: Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V – начало VII в.). — М.: Наука.
- Уколова В.И. 1992: Поздний Рим. Пять портретов. — М.: Наука.
- Чубарьян А.О. (Ред.) 2014: — *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. — М.: Аквилон.

- Шкаренков П.П.* 2005: «Последние римляне»: Квинт Аврелий Симмах и Кассиодор Сенатор // История через личность. Историческая биография сегодня. — М.: Кругъ.
- Amsler, M.* 1989: Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Company.
- Beech, George.* 1992: Prosopography // Medieval Studies: an Introduction / Ed. J.M. Powell. — Syracuse University Press.
- Blair-Dixon, K.* 2007: Memory and Authority in sixth-century Rome: the Liber Pontificalis and the “Collectio Avellana” // *Cooper, K.; Hillner, J.* Religion, Dynasty and Patronage in Early Christian Rome, 300–900. — Cambridge University Press.
- Bloch, H.* 1945: A New Document of the Last Pagan Revival in the West, 393–394 A.D. // Harvard Theological Review 38.
- Boissier, Gaston.* 1891: La Fin du Paganisme. Vol. 2. — P.
- Cameron, Alan.* 2010: The Last Pagans of Rome. — Oxford University Press.
- Chastagnol, André.* 1962: Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire. — P.: Nouv. éd. Latines [Études prosopographiques. 2].
- Chastagnol A.* 1970: La prosopographie, méthode de recherche pour l’histoire du Bas-Empire // Annales.
- Cracco Ruggini, L.* 1979: Il paganesimo romano tra religione e politica (384–394): per una reinterpretazione del “Carmen contra paganos” // Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche dell’Accademia dei Lincei 8/23.
- Cracco Ruggini, L.* 1989: La città imperial // Storia di Roma IV. Carattere e morfologie. — Torino.
- Curtius, E.R.* 1953: European Literature and the Latin Middle Ages / Trans. Willard R. Trask. — Princeton: Princeton University Press.
- Davies, P.V.* 1969: [Introduction] // *Macrobius.* The Saturnalia. — N.Y. – L.
- Dill, S.* 1989: Roman Society in the Last Century of the Western Empire. — L.
- Du Verdier, Antoine.* 1573: Prosopographie, description des personnages-insignes, avec portraits. — Lyon.
- Flamant, J.* 1977: Macrobie et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe Siècle. — Leiden.
- Georgii, H.* 1912: Zur Bestimmung der Zeit des Servius // Philologus 71.
- Glover, T.R.* 1901: Life and Letters in the Fourth Century. — Cambridge.
- Hardie, W.R.* 1903: Lectures on Classical Subjects. L. – N.Y.

- Jones, Martindale, Morris* (Ed.) 1971–1992: The Prosopography of the Later Roman Empire / Ed. by A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. In 3 vol. Cambridge University Press. Vol. I: AD 260–395 (1971); Vol. II: AD 395–527 (1980); Vol. III: AD 527–641 (1992).
- Kahlos, Maijastina*. 1994: Fabia Aconia Paulina and the Death of Praetextatus — Rhetoric and Ideals in Late Antiquity (CIL VI, 1779) // *Arctos* 28.
- Kahlos, Maijastina*. 2002: Vettius Agorius Praetextatus. A Senatorial Life in between. Roma.
- Klein, Richard*. 1971: Symmachus: eine Tragische Gestalt des Ausgehenden Heidentums. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Matthews, J.* ²1990: Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364–425. Oxford, ¹1975.
- Mendelssohn* (Ed.) 1887: *Zosimus*. Historia Nova / Ed. Mendelssohn.
- Nicolet C.* 1970: Prosopographie et histoire sociale. Rome et l'Italie à l'époque républicaine // *Annales*.
- Riché, P.* ³1976: Education and Culture in the Barbarian West, Sixth through Eighth Centuries / Trans. John J. Contreni. Columbia: University of South Carolina Press.
- Shanzer, D.* 1986: The Anonymous "Carmen contra paginos" and the Date and Identity of the Centonist Proba // *Revue de Études Augustiniennes* 32.
- Stone, Lawrence*. 1971: Prosopography // *Daedalus* 100/1.
- Wallace-Hadrill, J.M.* ²1957: The Barbarian West 400–1000. L.: Hutchinson.
- Werner, Karl, Ferdinand*. 1997: L'apport de la prosopographie à l'histoire sociale des élites // Family trees and the roots of politics. The Prosopography of Britain and France from the tenth to the twelfth century / Ed. by K.S.B. Keats-Rohan. Woodbridge: Boydell Press.
- Wünsch, R.* (Ed.) 1898: *Ioannes Lydus*. Liber de mensibus / Ed. R. Wünsch.

M.S. Petrova

IS ALL LIFE A FIGHT? ON THE OPPOSITION TO "ALIEN"

The article notes the features of the development of social relations in the territory of the Roman Empire in the IV century, among them

there are the assimilation of migrating barbarian peoples into the world of Romanitas and the spread of Christianity. On the basis of available sources, the psychological portraits of the Roman aristocrats of the fourth century (Pretextat, Quintus Aurelius Simmachus and Flavianus), struggling to preserve the traditional pagan socio-religious cult, are being reconstructed; their actions are revealed, which testify to adherence to pagan traditions and rejection of "alien".

Keywords: Rome, social relations, paganism, reconstruction, psychological portrait.

PETROVA Maya Stanislavovna — Doctor of History, Associated Professor, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 32A Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russian Federation. — beionyt@mail.ru

REFERENCES

- Original'nye teksty i ukazannye istochniki sm. v sootvetstvuyushchikh bazakh dannykh ili kriticheskikh izdaniyakh.
- Budanova V.P. 2000: Varvarskii mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov. — M.: Nauka.
- Vedeshkin M.A. 2011: Vettii Agorii Pretekstat i yazycheskaya oppozitsiya v Rimskom Senate // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta 13/108. Vyp. 19.
- Vedeshkin M.A. Sochilin A.A. (Per.) 2016: Carmen contra paganos // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta 8/229. Vyp. 38.
- Zvirevich V.T. (Per.) 2013: Makrobii Feodosii. Saturnalii / Per. s lat. i drevnegrech. V.T. Zvirevicha / Obshch. red., sostavl., vstupit. st. M.S. Petrovoi / Primech. i ukazat. M.S. Petrovoi, V.T. Zvirevicha / Prilozh. M.S. Petrovoi. M.: Krug".
- Losev A.F. 1992a: Makrobii // Istoriya antichnoi estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya. M.: Iskusstvo. T. VIII. Ch. 2.
- Losev A.F. 1992b: Pretekstat // Istoriya antichnoi estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya. M.: Iskusstvo. T. VIII. Ch. 2. — http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/los8/07.php (dekabr', 2017).
- Mesyats S.V. 2008: Bozhestvennyi Yamvlikh: vekhi zemnogo puti // Dialog so vremenem 22.

- Miller T.A. 1963: Literaturnaya kritika poezii Vergiliya v period «yazycheskogo vrozozhdeniya»: Servii, Makrobii // Ocherki istorii rimskoi literaturnoi kritiki. M.: AN SSSR.
- Petrova M.S. 2001: Basnopisets Avien i Makrobii Feodosii // Dialog so vremenem 6.
- Petrova M.S. 2004: Prosopografiya kak spetsial'naya istoricheskaya distsiplina na primere avtorov Pozdnei Antichnosti (Makrobii Feodosii i Martsian Kapella). SPb.: Aleteiya.
- Petrova M.S. 2007: Makrobii Feodosii i predstavleniya o dushe i o mirozdanii v Pozdnei Antichnosti. M.: Krug".
- Petrova M.S. 2013: Makrobii Feodosii i ego «Saturnalii» // Makrobii Feodosii. Saturnalii / Per. c lat. i drevnegrech. V.T. Zvirevicha / Obshch. red., sostavl., vstupit. st. M.S. Petrovoi / Primech. i ukazat. M.S. Petrovoi, V.T. Zvirevicha / Prilozh. M.S. Petrovoi. M.: Krug".
- Petrova M.S. 2013a: O nadpisyakh, posvyashchennykh Pretekstatu // Makrobii Feodosii. Saturnalii / Per. c lat. i drevnegrech. V.T. Zvirevicha / Obshch. red., sostavl., vstupit. st. M.S. Petrovoi / Primech. i ukazat. M.S. Petrovoi, V.T. Zvirevicha / Prilozh. M.S. Petrovoi. M.: Krug".
- Petrova M.S., Svak, D. 2015: Biograficheskie konstrukty v ramkakh sovremennogo istoricheskogo znaniya // Vzgl'yad v proshloe i nastoyashchee... Problemy, metody, perspektivy. M.: Akvilon.
- Razlogov K. (Red.) 1991: Pavi, P. Slovar' teatra / Per. s frants. pod red. K. Razlogova. M.: Progress.
- Ranovich A.B. 1990: Pervoistochniki po istorii rannego khristianstva. Antichnye kritiki khristianstva. M.: Izdat. politich. liter.
- Selin A.A. 2011: Novgorodskoe obshchestvo nachala XVII v. Smutnoe vremya na severo-zapade Moskovskogo gosudarstva. Saarbrücken: Lambert Academic Press.
- Ukolova V.I. 1988: Makrobii i ego «Saturnalii» // Kul'tura i obshchestvennaya mysl': Antichnost'. Srednie veka. Epokha Vozrozhdeniya. M.: Nauka.
- Ukolova V.I. 1989: Antichnoe nasledie i kul'tura rannego Srednevekov'ya (konets V – nachalo VII v.). M.: Nauka.
- Ukolova V.I. 1992: Pozdnii Rim. Pyat' portretov. M.: Nauka.
- Chubar'yan A.O. (Red.) 2014: — Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar' / Otv. red. A.O. Chubar'yan. M.: Akvilon.

- Shkarenkov P.P. 2005: «Poslednie rimlyane»: Kvint Avrelii Simmakh i Kassiodor Senator // *Istoriya cherez lichnost'. Istoricheskaya biografiya segodnya*. M.: Krug".
- Amsler, M. 1989: *Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Company.
- Beech, George. 1992: *Prosopography // Medieval Studies: an Introduction* / Ed. J.M. Powell. Syracuse University Press.
- Blair-Dixon, K. 2007: *Memory and Authority in sixth-century Rome: the Liber Pontificalis and the "Collectio Avellana"* // Cooper, K.; Hillner, J. *Religion, Dynasty and Patronage in Early Christian Rome, 300–900*. Cambridge University Press.
- Bloch, H. 1945: A New Document of the Last Pagan Revival in the West, 393–394 A.D. // *Harvard Theological Review* 38.
- Boissier, Gaston. 1891: *La Fin du Paganisme*. Vol. 2. P.
- Cameron, Alan. 2010: *The Last Pagans of Rome*. Oxford University Press.
- Chastagnol, André. 1962: *Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire*. P.: Nouv. éd. Latines [Études prosopographiques. 2].
- Chastagnol, A. 1970: La prosopographie, méthode de recherche pour l'histoire du Bas-Empire // *Annales*.
- Cracco Ruggini, L. 1979: Il paganesimo romano tra religione e politica (384–394): per una reinterpretazione del "Carmen contra paganos" // *Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche dell'Accademia dei Lincei* 8/23.
- Cracco Ruggini, L. 1989: La città imperial // *Storia di Roma IV. Carattere e morfologie*. Torino.
- Curtius, E.R. 1953: *European Literature and the Latin Middle Ages* / Trans. Willard R. Trask. Princeton: Princeton University Press.
- Davies, P.V. 1969: [Introduction] // *Macrobius. The Saturnalia*. N.Y. – L.
- Dill, S. 1989: *Roman Society in the Last Century of the Western Empire*. L.
- Du Verdier, Antoine. 1573: *Prosopographie, description des personnages-insignes, avec portraits*. Lyon.
- Flamant, J. 1977: *Macrobie et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe Siècle*. Leiden.
- Georgii, H. 1912: Zur Bestimmung der Zeit des Servius // *Philologus* 71.
- Glover, T.R. 1901: *Life and Letters in the Fourth Century*. Cambridge.

- Hardie, W.R. 1903: *Lectures on Classical Subjects*. L. – N.Y.
- Jones, Martindale, Morris (Ed.) 1971–1992: *The Prosopography of the Later Roman Empire* / Ed. by A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. In 3 vol. Cambridge University Press. Vol. I: AD 260–395 (1971); Vol. II: AD 395–527 (1980); Vol. III: AD 527–641 (1992).
- Kahlos, Maijastina. 1994: *Fabia Aconia Paulina and the Death of Praetextatus — Rhetoric and Ideals in Late Antiquity* (CIL VI, 1779) // *Arctos* 28.
- Kahlos, Maijastina. 2002: *Vettius Agorius Praetextatus. A Senatorial Life in between*. Roma.
- Klein, Richard. 1971: *Symmachus: eine Tragische Gestalt des Ausgehenden Heidentums*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Matthews, J. ²1990: *Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364–425*. Oxford, ¹1975.
- Mendelssohn (Ed.) 1887: *Zosimus. Historia Nova* / Ed. Mendelssohn.
- Nicolet, C. 1970: *Prosopographie et histoire sociale. Rome et l'Italie à l'époque républicaine* // *Annales*.
- Riché, P. ³1976: *Education and Culture in the Barbarian West, Sixth through Eighth Centuries* / Trans. John J. Contreni. Columbia: University of South Carolina Press.
- Shanzer, D. 1986: The Anonymous “*Carmen contra paginos*” and the Date and Identity of the Centonist Proba // *Revue de Études Augustiniennes* 32.
- Stone, Lawrence. 1971: *Prosopography* // *Daedalus* 100/1.
- Wallace-Hadrill, J.M. ²1957: *The Barbarian West 400–1000*. L.: Hutchinson.
- Werner, Karl, Ferdinand. 1997: *L'apport de la prosopographie à l'histoire sociale des élites* // *Family trees and the roots of politics. The Prosopography of Britain and France from the tenth to the twelfth century* / Ed. by K.S.B. Keats-Rohan. Woodbridge: Boydell Press.
- Wünsch, R. (Ed.) 1898: *Ioannes Lydus. Liber de mensibus* / Ed. R. Wünsch.

С.А. Васютин

ОБРАЗЫ КОЧЕВЫХ «ВАРВАРОВ» ЭПОХИ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ

ВЗГЛЯД ИЗ ПОДНЕБЕСНОЙ

В статье рассматриваются оценочные высказывания о кочевом населении Внутренней Азии эпохи Тюркских каганатов (середина VI – первая половина VIII в.), представленные в китайских династических хрониках. Подобные суждения затрагивали быт и традиции кочевников, организацию власти, действия армии, дипломатические сношения, личные качества представителей кочевых элит. В восприятии китайских сановников и хронистов кочевники нередко олицетворяли иной («варварский») образ жизни, иную хозяйственную и общественную модель, инаковую социокультурную среду в целом.

Ключевые слова: «варвар», кочевник, эпоха Тюркских каганатов, образ, китайские хроники.

Кочевой мир Внутренней Азии в период поздней древности и средневековья олицетворял во многом альтернативные китайской модели варианты политических и социокультурных трансформаций. Одновременно с этим он был тесно связан с Поднебесной: набеги, военные столкновения, завоевания, политические союзы, дипломатические связи, династические браки, торговля, дани, взаимные дары, влияние культурных и религиозных традиций — это все и многое другое составляло суть длительного исторического взаимодействия.

ВАСЮТИН Сергей Александрович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. Российская Федерация, 650000, Кемерово, ул. Красная, 6. — vasutin2012@list.ru

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 157–172
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 157–172

ствия кочевников и ханьцев. Степные сообщества в разные периоды истории в зависимости от степени политической интеграции и уровня социально-экономического развития представляли собой периферию или полупериферию Среднего государства. В демографическом, экономическом и организационно-политическом отношении Китай доминировал на востоке Азии, но кочевники, как и другие соседи Поднебесной, находили разные способы военно-политической адаптации, позволявшие противостоять интересам китайских династий и в отдельных случаях осуществлять захват их владений. В такой исторической ситуации сформировались во многом негативные образы противостоящих сторон.

Начиная с эпохи Тюркских каганатов, когда появляются тексты кочевнического происхождения, оценочные высказывания звучат не только в китайских хрониках и документах, но и в рунических надписях кочевников. Подобные сюжеты представлены в памятниках письменности Второго Тюркского каганата (689–744 / 745). В мемориально-идеологических надписях в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука в отношении табгачей (обозначение населения Китая в тюркских рунических текстах) политическими элитами тюрков показан образ как одного из главных врагов каганата, а в сюжетах о пленении «тюркского народа» Танской империей и предательстве «тюркским народом» своих правителей — как наиболее опасного противника свободолюбивых кочевников: «прельщенные» сладкими речами и «роскошными драгоценностями» табгачей, «...люди, не обладавшие [истиной] мудростью... подойдя вплотную (к границам Тан. — С.А.), погибли [там] в большом количестве»¹. Табгачи «...ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей», в результате чего «тюркский народ привел в расстройство свой эль» и стал «народу табгач» «рабами» и «рабынями»².

Образы кочевников в китайских хрониках начали формироваться еще в период поздней древности, поэтому к моменту возникновения и существования Тюркских каганатов в середине VI – первой половине VIII вв. существовали уже определенные стандарты и клише в

¹ Малов С.Е. 1951, 34–35.

² Малов С.Е. 1951, 36–37, 64.

описании разных кочевых народов. Композиционно такие сюжеты включают сведения о родоначальнике и / или легенды о происхождении правящего клана, описание быта и кочевого образа жизни, характеристику вооружения и оценку военного потенциала, показывают обычаи и нормы, процедуру избрания правителя, фиксируют наличие или отсутствие письменности и другие данные³.

Со стороны авторов и составителей древних и средневековых исторических произведений Китая помимо обобщения сведений о том или ином объединении номадов, присутствовали разнообразные оценки кочевых сообществ, высказывания правителей, их советников, военачальников и других лиц. В ряде случаев признавалось равенство (а порой даже и превосходство) по военно-политическому потенциалу имперских объединений кочевников, находившимися на пике могущества (империя Хунну в первой половине — середине II в. до н.э., Жуань-жуаньский каганат в момент основания и 30 – 40-е гг. VII в., Первый Тюркский каганат до возникновения империи Суй, Восточно-тюркский каганат в 619–626 гг., Второй Тюркский каганат в период правления Капаган-кагана) с Поднебесной⁴. Одной из самых выразительных фраз, были слова Тобо-кагана (Т'а-ро, Таспар, 572–581) о правителях Северной Чжоу и Северной Ци: «Нужно ли мне еще беспокоиться о том, что мне может что-то недоставать, если только два моих «сына» будут почтительными и послушными⁵ (в переводе Н.Я. Бичурина: «только бы на юге два мальчика... были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности»⁶). В Чжоу-шу данная ситуация еще более отчетливо фиксируется сведениями о том, что Северная Ци, боясь нападений и грабежей, стала «истощать казну и одаривать» тюрков⁷. В другом источнике уточняется, что Северная Ци поставляла

³ См., например: Бичурин Н.Я. 1950, 39–40, 142–144, 187, 214–216, 220–227, 229–231; Liu Mau-tsai. 1958, 5–6, 8–10, 41–42; Таскин В.С. 1968, 34–35, 40–41; 1984, 63–64, 288–289, 290 и др.

⁴ Таскин В.С. 1968, 42–49 (см. «Хань и сюнну — равные по силе соседние государства» — Таскин В.С. 1968, 48); Бичурин Н.Я. 1950, 163, 207, 229, 233, 234, 245, 247–249, 269–270, 271–272; Liu Mau-tsai. 1958, 8, 13, 133, 137, 160–163; Таскин В.С. 1984, 270, 288, 289, 291, 293–294; и др.

⁵ Liu Mau-tsai. 1958, 13.

⁶ Бичурин Н.Я. 1950, 233.

⁷ Бичурин Н.Я. 1950, 233; Liu Mau-tsai. 1958, 13.

кочевникам 100 000 кусков шелка, грубой шелковой ткани, парчи и пестрого шелка⁸. Император Суй Вэнь-ди (581–604) весьма колоритно описал зависимость Северной Чжоу и Северной Ци от тюрков:

...в заботе о дружбе с туцзюе (тюрками), они истощали имущество своих жителей (их собственных стран); они брали все свои богатства из сокровищниц и выбрасывали их в пустыню⁹.

Очередное усиление тюрков в 10-х гг. VII вв. в связи с кризисом империи Суй было описано хронистами Поднебесной следующими словами:

...в это время в империи царили большие беспорядки...» в то время как тюрки становились все более сильными и могущественными. Государства от киданей и шивэй на востоке до туюхунов, Гаочана (Турфана) и других на западе подчинились им. Тюрки располагали более чем миллиона лучников. Прежде никогда не было столь могущественных северных варваров как тюрки. Они смотрели с высоты горы Иньшань и питали к Средней империи только презрение¹⁰.

Но наше внимание, прежде всего, привлекают те сюжеты и высказывания, в которых подчеркивалось, если так можно сказать, «цивилизационное превосходство» ханьцев над тюрками-скотоводами, буквальное указание на такие модели поведения кочевников, действия и нормы, которые подразумеваются как «варварские» или непосредственно называются таковыми¹¹. Эпоха тюркских империй, нашедшая сравнительно неплохое отражение в хрониках династий Чжоу, Суй и Тан, дает тому немало примеров. Тюрки, как и многие другие кочевники, с древних времен именовались «северными варварами»¹². В отношении западных тюрков в танских хрониках иногда звучало выражение «западные варвары»¹³.

⁸ Liu Mau-tsai. 1958, 13; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 45.

⁹ Liu Mau-tsai. 1958, 45.

¹⁰ Liu Mau-tsai. 1958, 132; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 58–59.

¹¹ Liu Mau-tsai. 1958, 10, 12, 40, 45, 56, 70, 93, 96, 122, 134, 147, 162, 169, 171, 179, 180, 197, 238, 263, 269, 363, 380, 468 и др.

¹² Liu Mau-tsai. 1958, 38, 52, 89, 91, 132, 380 и др.

¹³ Liu Mau-tsai. 1958, 263, 264.

Варварами (ху) назывались многие окружавшие Поднебесную государства и этнополитические объединения («народы»). Такое мировосприятие соседей было заложено политическими традициями досисизма, конфуцианства и легизма, идеями доминирования Китая в окружающем мире. Только правитель Срединного государства получал небесный мандат, все же другие народы были его вассалами (см., например: «...дом Суй умиротворил и упорядочил Вселенную, объединив ее под одной властью»¹⁴). Конфуцианская доктрина иерархического построения общества распространялась не только на китайское общество, но и в отношении соседей, которые тояли на нижних ступенях данной иерархии. Имперское самосознание элитных слоев в Китае не предполагало признания какого-либо общественного и культурного «равенства» с элитами окружающих «народов». Вся совокупность политических и культурных достижений ханьцев осознавалась как цивилизационное начало, резко отличавшее жителей Поднебесной от живших по разным сторонам китайской границы «варваров».

Даже в тех случаях, когда на севере Китая возникали государства, основанные кочевниками, элиты завоевателей, испытывая «давление» китайской политической культуры и китайского образа жизни, со временем начинали называть степняков иного этнического происхождения «варварами». В политическом отношении генезис тюркской общности и ее военно-политической организации — каганата в немалой степени был связан с северными государствами на территории Китая (Северная Вэй, Восточная Вэй, Западная Вэй, Северная Чжоу, Северная Ци). Во главе этих царств стояли потомки сяньби. Нередко подчеркивание «варварского начала» жуаньжуаней и тюрков было следствием стремлений самих сяньби (табгачей) дистанцироваться от кочевых традиций. Не случайно император Северной Вэй Тоба Хун II (471–499) сменил сяньбийское кочевое наименование династии Тоба на китайское Юань (с 495 г. он носил имя Юань Хун), под страхом смертной казни он приказал всем сяньбийцам принять китайские фамилии и не разговаривать на сяньбийском языке, а также запретил ношение сяньбийской одежды и кос¹⁵.

¹⁴ *Малявкин А.Г.* 1989, 8.

¹⁵ *Бокщанин А.А.* 2002, 71; 2004, 222.

Среди «варварского» кружения Китая скотоводы Внутренней Азии выделялись не только специфичной хозяйственной системой, но и способностью создавать имперские политические объединения, которые были весомой угрозой для Китая (набеги, грабеж, необходимость одаривать кочевых лидеров, чтобы избежать новых нападений и пр.). Тюркские каганаты в период своего могущества в полной мере олицетворяли для Срединного государства такого опасного врага. Но в тоже время в высказываниях китайских военных и политических деятелей неоднократно подчеркивалась, что у северных «варваров» (тюрков) плохая организация управления, слабая дисциплина в армии, отклоняющиеся от китайских стандартов социально-правовые нормы и общественные устои. Именно в этих «слабостях» номадов императорам, советникам и генералам Поднебесной виделось проявление «варварства» и подчеркивалось превосходство Срединного государства.

Политические традиции и ритуалы тюрков в китайских текстах представлены эпизодично и не дают возможности реконструировать целостную картину политической культуры эпохи Тюркских каганатов. Те примеры политических действий, которые можно найти в исторических источниках средневекового Китая, опять же содержат намеки и указание на «варварство» тюркских элит. В описании хронистами процедуры возведения на престол тюркских каганов не вполне ясные заключительные действия: после того как сановники обносили девять раз по солнцу, сидящего на кошме претендента (после каждого к руга окружающие давали клятву), а затем он ехал на лошади верхом, правителя душили шелковым платком, ослабив ткань, спрашивали сколько лет он будет править. Из сказанных каганом в полуобморочном состоянии фраз делали выводы о сроках его правления¹⁶.

Несмотря на отмеченную в китайских источниках значительную иерархию наследственных должностей (28 классов) у тюрков¹⁷, организацию управления и внутренний миропорядок в каганатах китайские элиты оценивали как крайне слабые и неустойчивые. По

¹⁶ Бичурин Н.Я. 1950, 229; Liu Mau-tsai. 1958, 8.

¹⁷ Liu Mau-tsai. 1958, 8, 132, 498–499.

мнению суйского императора Вэнь-ди у тюрков имелось лишь «пять начальников армии», братья ссорились —

...из-за руководства, а отцы и дядья не доверяют друг другу; дома они даже не доверяют своим близким, а внешне они пытаются скрыть свою разобщенность. Продолжая свою речь, китайский правитель указывал, что тюрки скорее уничтожают друг друга, чем живут в мире, люди их орд не преданы каганам. Такие орды, включая тысячи и даже десятки тысяч племен, считают друг друга врагами и убивают друг друга. Скорбя об убитых, они клянутся отомстить, что ведет к ненависти и злобе¹⁸.

Другая черта «северных варваров», нарушавшая единство интересов кагана и его окружения, — это алчность вождей, которых легко можно было подкупить и тем самым спровоцировать конфликты в степи¹⁹. Самый наглядный пример — судьба удельного Тули-кагана (Жангар, Ju-tan tegin). В конце VI в., стремясь избежать объединения представителей Ашина против Поднебесной, суйское правительство умело манипулировало кочевыми предводителями в степи, подогревая конфликты между Ашина. Стоило только кагану Юн-юй-лю после восстановления единства каганата в 593 г. отказаться от выплаты дани, как суйские дипломаты в противовес ему стали создавать прокитайскую оппозицию в степи. Ее лидером и стал Тули-каган, чье усиление полностью обеспечивалось Китаем (китайские дары, династический брак, дипломатическая и военная поддержка). Эти меры наносили ущерб авторитету законного кагана Юн-юй-лю и привели к неоднократным столкновениям его сторонников с Тули-каганом. Последний после разгрома его ставки, убийства его братьев и сыновей в 599 г., поселился на китайской границе, был «обласкан» суйским императором. Подкупая племенных вождей на китайские средства, Тули-каган Жангар создал на юге от Гоби мощный оппозиционный анклав. В конечном итоге Тули был провозглашен Киминь-каганом (I-li-tschen-tou-k'i-min khagan, Кижинь-

¹⁸ Liu Mau-tsai. 1958, 46–47; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 48–49.

¹⁹ Liu Mau-tsai. 1958, 93.

каган)²⁰, оставаясь, по сути, до своей смерти в 608 г. «южным каганом», не имевшим полноценной власти в монгольских степях.

Китайские хронисты также подчеркивали значительное влияние на каганов их китайских жен (принцесс, родственниц правящего дома в Поднебесной) и советников, находившихся при ставках тюркских правителей, писали о «управляемости» кочевых лидеров. Трудно говорить в связи с этим об объективности средневековых историков Срединного государства, но многие политические действия каганов действительно были мотивированы представителями Китая в окружении кагана. Так, каган Шаболюэ после «советов» и «замечаний» его жены принцессы Цянь Цзинь, придворного вельможи Чан-сунь Шэна и китайского посла Юй Цзин-цзе принял письмо китайского императора Вэнь-ди, встав на колени и положив «его при этом себе на голову»²¹, фактически признав власть династии Суй над собой и своими сторонниками.

Тема тюркской армии неоднократно обсуждалась при императорских дворах в Северной Чжоу, Суй и Тан. Правитель Северной Чжоу Гао-цзу (У-ди) высказался по данному вопросу довольно критично. По его словам солдаты тюрков —

...испытывают отвращение к званиям и наградам и не уважают своих начальников. Хотя они и многочисленны, но не заботятся о законах и приказах... Поэтому посланники тюрков утверждают, что они якобы сильны и могущественны, чтобы наше государство было щедрым по отношению к их посланникам... Наш императорский двор верить таким необоснованным сведениям, а наши солдаты и генералы бояться их, едва только слышат о них. Но варвары только симулируют силу. В действительности с ними можно легко покончить²².

Более взвешенно о тюркских воинах высказывался танский император Тайцзун. Он отмечал, что сила тюрков «только в верховой езде и стрельбе из лука», луки и стрелы — «их когти и зубы, а панцири и шлемы их повседневная одежда». Анализируя военные по-

²⁰ Бичурин Н.Я. 1950, 241–244; *Liu Mau-tsai*. 1958, 57–60.

²¹ *Liu Mau-tsai*. 1958, 50–51; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 51.

²² *Liu Mau-tsai*. 1958, 11–12; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 45.

рядки тюрков, Тайцзун отметил довольно много недостатков по сравнению с организацией военного дела в Китае: войска тюрков —

...не двигаются в строю... не разбивают лагерь на определенном месте (размещаются там, где находят воду и траву), не ставят часовых и патрульных, не тратят никаких средств на инженерные работы и провиант (овцы и лошади их военный провиант). Одержав победу они ищут только сокровища, а потерпев поражение не высказывают никакого стыда²³.

Если в первом случае (император Гао-цзу) ставился под сомнение военно-политический потенциал Первого Тюркского каганата в целом, то Тайцзун обратил внимание на слабую дисциплину, отсутствие специальных служб, регламентов, уставов и др., что, по его мнению, подчеркивало слабую организацию тюркской армии, характерную для «варварских народов».

Но самым главным свидетельством «варварства» тюрков в описании хронистов Срединного государства была бытовая культура кочевников. В династических историях Поднебесной периода раннего средневековья часто отмечалось, что тюрки в отличие от китайского населения запахивали халат на левую сторону, распускали волосы, презирали стариков (ценили только лиц молодого возраста), были лишены «честности и чувства стыда», не имели «чувства долга», не ведали приличия. Тюрки во всем напоминали других кочевых «варваров» — хунну²⁴. В хрониках указывалось, что «семейный закон» тюрков «жесток и груб»²⁵.

Если кто-нибудь повреждает кому-то в соре глаза, он должен отдать пострадавшему свою дочь; если у него нет дочери, то он должен отдать свою жену и свое имущество. В случае смерти отца или брата отца сыновья, братья или племянники умершего женились на своих мачехах, тетках или невестках²⁶.

²³ Бичурин Н.Я. 1950, 229; *Liu Mau-tsai*. 1958, 8, 42.

²⁴ *Liu Mau-tsai*. 1958, 11–12; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 45.

²⁵ *Liu Mau-tsai*. 1958, 45; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 49.

²⁶ *Liu Mau-tsai*. 1958, 10, 42; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 20, 22.

Погребально-поминальные действия тюрков также несли на себе черты «варварства». Прощаясь с умершим человеком, его родственники «надрезали себе лицо ножом... так, что кровь и слезы текли сливаясь»²⁷.

Уголовное право тюрков с точки зрения китайских правовых традиций выглядело достаточно примитивно. Основным наказанием была смертная казнь за убийство, мятеж, предательство, насилие над замужней женщиной, кражу конской сбруи и др. Человека совершившего изнасилование кастрировали, а «затем его тело разрубали по пояснице на две части»²⁸. Иные уголовные преступления наказывались штрафами и возмещением имущества в десятикратном размере. Совершивший насилие над чужой дочерью, «наказывается тяжелым денежным и вещественным штрафом и принуждался немедленно жениться на упомянутой»²⁹.

Для конфуцианских интеллектуалов важно было также подчеркнуть отсутствие у кочевников какого-либо образования (положительную «оценку» заслужил только Тобо-каган, при котором в ставке и на степных просторах вели миссионерскую деятельность буддийские монахи, был построен храм, пагода, возведена статуя Будды, сутры переводились на тюркский язык, осуществлялись буддийские обряды³⁰) и письменности (на момент создания Первого Тюркского каганата³¹). С появлением у тюрков письма указывалось на его схожесть с письмом ху³² — других варваров, как правило, согдийского происхождения.

Отдельная тема в тюркских сюжетах династических хроник — оцивилизывание «варваров». Выше уже отмечалось, что представители Поднебесной в окружении каганов часто обращались к тюрк-

²⁷ Бичурин Н.Я. 1950, 229; Liu Mau-tsai. 1958, 9-10; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 21.

²⁸ Бичурин Н.Я. 1950, 229; Liu Mau-tsai. 1958, 42; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 20.

²⁹ Бичурин Н.Я. 1950, 229; Liu Mau-tsai. 1958, 9, 42; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 20, 21.

³⁰ Liu Mau-tsai. 1958, 34, 43; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. 1971, 132–135.

³¹ Бичурин Н.Я. 1950, 229; Liu Mau-tsai. 1958, 41.

³² Бичурин Н.Я. 1950, 231; Liu Mau-tsai. 1958, 10.

ским правителям с поучениями и советами. Это, чаще всего, касалось политических решений. Но китайское влияние проникало в кочевую среду опосредовано через потребление китайских товаров и подражание кочевых элит образу жизни китайской знати. Особенно широко подобные явления получали распространение в жизни кочевников, которые в силу разных обстоятельств кочевали на границе с Китаем или же были расселены в северных округах Поднебесной. Признание власти китайского императора зачастую вело к тесным контактам номадов и ханьцев, включением кагана и его приближенных в структуру управления Срединного государства. Упомянувшийся выше «южный» Циминь-каган (Жангар, Тули-каган), как упоминается в суйском эдикте 608 г. пожелал «изменить свои варварские обычаи», «строить такие же дома с балконами и помещениями как у (китайских) соседей, потому что он считает слишком примитивными войлочные стены и занавеси». В этом эдикте от имени императора Суй Ян-ди было дано указание построить кагану «замок и дома», доставлять «роскошные занавеси, постельные принадлежности и другие предметы, по мере надобности»³³. Ранее каган Шаболюэ, также получавший материальную и военно-политическую поддержку из Суй, в своих письмах в Китай указывал, что в одежде, прическах, настраивании музыкальных инструментов тюрки должны следовать китайской манере, но он не в силах изменить кочевые обычаи, так как они укоренились «с давних пор»³⁴.

Следует отметить, что образы тюрков, представленные в китайских хрониках и документах во многом противоречили самооценке как отдельных, известных по памятникам письменности, представителей кочевого сообщества, так и социокультурному коду и ментальным традициям более широкого круга номадов, так называемым мужам-воинам (тюрк. *эр*). Самоидентификация тюрков связана с героическим началом, мудростью, «именем» и «славой» их «народа», племени, клана. Идеальная общность тюрков объединяет «хороших и мудрых людей, благородных героев»³⁵. Особенно красноречиво характеризуют тюркские памятники письменности герои-

³³ Liu Mau-tsai. 1958, 70; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 58.

³⁴ Liu Mau-tsai. 1958, 53; Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н. 2002, 53.

³⁵ Малов С.Е. 1951, 34.

ческую деятельность правителей и представителей кочевых элит. Каган с врагами «сражается», их «громит», «разбивает», «побеждает», «уничтожает»³⁶, «принуждает к миру», «покоряет», «захватывает» и «подчиняет» «народы»³⁷, «имевших колени» заставляет «преклонить колени», а «имевших головы» заставляет «склонить головы»³⁸. Тюркские тексты дают почувствовать колорит почти былинных подвигов удачливых правителей:

...сорок семь раз он (Ильтериш-каган. — *С.В.*) ходил с войском (в поход) и дал двадцать сражений³⁹; На двадцать седьмом (году) я (Бильге-каган — *С.В.*) двинулся против киргизов, пролагая дорогу через снег высотой с копье, я поднялся в чернь когменскую и поразил там народ киргизов, когда они спали. С их ханом я сразился в черни Сунга; убил хана и завладел там его народом⁴⁰.

Не случайно в надписи в честь Тоньюкука неоднократно звучит словесная формула «каган его (т.е. тюркского народа. — *С.В.*) — герой»⁴¹. Стоит отметить, что и в надписях, представлявших региональную знать и даже рядовых воинов, глав семейных и клановых коллективов, отчетливо прослеживается героизация воинской славы⁴².

Таким образом, представления о «кочевых варваров» в Поднебесной и самих номадов о себе существенно разнились. Культурный фронт между китайской цивилизацией и кочевниками Внутренней Азии не был непреодолимым. Более того, рассматривая степняков как «варваров» Поднебесная всегда стремилась «управлять» степным миром к северу и к югу от Гоби, навязывать свои ценности и образ жизни, что служило одним из важных факторов трансформации и падения степных империй. Т. Барфилд писал о военно-политическом фронте между Китаем и номадами⁴³, что, несо-

³⁶ Малов С.Е. 1951, 40, 42; 1959, 20, 21, 22.

³⁷ Малов С.Е. 1951, 40; 1959, 20, 21.

³⁸ Малов С.Е. 1951, 3; 1959, 24.

³⁹ Малов С.Е. 1951, 38.

⁴⁰ Малов С.Е. 1959, 20.

⁴¹ Малов С.Е. 1951, 65, 67.

⁴² Малов С.Е. 1951, 73–79; 1959, 25–30; Васильев Д.Д. 2013, 38–39, 68, 88–91, 98, 100, 101, 202–203, 205–207, 224–225, 239–240 и др.

⁴³ Barfield T. 1992.

мненно, имело большое значение в истории взаимодействия оседло-земледельческой цивилизации и степняков. Однако, «победы» над степными «варварами» зачастую были не только следствием дипломатических и военных успехов, но и результатом осуществления цивилизаторской миссии Срединным государством.

Подводя итоги, можно отметить, что образ «степного варвара» формировался в китайской исторической литературе с эпохи древности. К моменту формирования Первого Тюркского каганата уже сложились определенные стереотипы описания «варварства» кочевников, их «варварской жизни». «Северные варвары» эпохи Тюркских каганатов с одной стороны характеризовались в соответствии с уже сложившейся системой представлений китайских элит о кочевниках, но с другой стороны, действия конкретных исторических лиц из тюркской среды породили широкий спектр обсуждения «варварских» достоинств и недостатков, придав старому дискурсу вокруг проблемы степного «варварства» новое дыхание. Тюрки с их огромной ролью в торговле шелком, значительным вкладом во внешнеполитические успехи империи Тан, с рождением в степи самостоятельной письменной традиции, воспринимались в Поднебесной более опосредованно (не случайно в истории Тан фиксируются два периода, когда элиты увлекались «варварской» / тюркской одеждой, прическами, едой, музыкой, развлечениями), чем другие степные «народы» и рассматривались как более податливые для оцивилизовывания «варвары».

ЛИТЕРАТУРА

- Бичурин Н.Я. (Иакинф). 1950: Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л, I.
- Бокщанин А.А. 2002: Китай в III–VI вв. // История Востока. В 6 т. Т.2. Восток в средние века. — М., 67–82.
- Бокщанин А.А. 2004.: Императрица Фэн: некоронованная правительница Китая // Общество и государство в Китае: XXXIV научная конференция / Н.П. Свистунова (отв. ред.). — М., 218–222.
- Васильев Д.Д. 2013: Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. — Астана.

- Добжанский В.Н., Ермоленко Л.Н.* (пер.) 2002: Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов / Д.Д. Васильев (отв. ред.). Приложение I. — М.
- Кляшторный С.Г.* 2003: История Центральной Азии и памятники рунического письма. — СПб.
- Кляшторный С.Г., Ливищ В.А.* 1971: Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока / Л.Б. Алаев (ред.). — М., 10. 121–146.
- Малов С.Е.* 1951: Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л.
- Малов С.Е.* 1959: Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л.
- Малявкин А.Г.* 1989: Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. — Новосибирск.
- Таскин В.С.* (предисловие, перевод и примечания). 1968: Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). — М.
- Таскин В.С.* (введение, перевод и комментарии). 1984: Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. — М.
- Barfield T.* 1992: The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. — Cambridge.
- Golden P.B.* 1982: Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi / P.B. Golden, T. Halasi-Kun, Th.S. Noonan (ed.). — Wiesbaden, II. 37–76.
- Golden P.B.* 1992: An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. — Wiesbaden.
- Liu Mau-tsai.* 1958: Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Texte. — Wiesbaden, I.

S.A. Vasyutin

IMAGES OF NOMADIC «BARBARIANS» OF TURKIC
KHAGANATES PERIOD
CELESTIAL EMPIRE'S VIEW

The article deals with evaluative statements about the nomadic population of Inner Asia of Turkic Khaganates period (middle VI –

early VIII centuries) presented in Chinese dynasty annals. Such statements were about nomads' daily life and traditions, power organizing, army activity, diplomatic relations, personal qualities of nomadic elite representatives. For Chinese noblemen and annalists, nomads represented another («barbarian») way of life, another economic and social model, another social and cultural environment in general.

Keywords: «barbarian», nomad, Turkic Khaganates period, image, Chinese annals.

VASYUTIN Sergey Aleksandrovich — Doctor of History, Lecturer, Head of Department of the World History and Socio-Political Sciences of the Kemerovo State University (Kem SU). 6, Krasnaya str., Kemerovo, 650000, Russian Federation. — vasutin2012@list.ru

REFERENCES

- Bichurin N.Ya. (Iakinf). 1950: *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena.* — M.; L, I.
- Bokshchanin A.A. 2002: *Kitai v III–VI vv. // Istoriya Vostoka. V 6 t. T.2. Vostok v srednie veka.* — M., 67–82.
- Bokshchanin A.A. 2004.: *Imperatritsa Fen: nekoronovannaya pravitel'nitsa Kitaya // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXIV nauchnaya konferentsiya / N.P. Svistunova (otv. red.).* — M., 218–222.
- Vasil'ev D.D. 2013: *Korpus tyurkskikh runicheskikh nadpisei Yuzhnoi Sibiri. Ch. 1. Drevnetyurkskaya epigrafika Altaya.* — Astana.
- Dobzhanskii V.N., Ermolenko L.N. (per.) 2002: *Lyu Maotsai. Svedeniya o drevnikh tyurkakh v srednevekovykh kitaiskikh istochnikakh // Byulleten' Obshchestva vostokovedov / D.D. Vasil'ev (otv. red.). Prilozhenie I.* — M.
- Klyashtornyi S.G. 2003: *Istoriya Tsentral'noi Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma.* — SPb.
- Klyashtornyi S.G., Livshits V.A. 1971: *Sogdiiskaya nadpis' iz Buguta // Strany i narody Vostoka / L.B. Alaev (red.).* — M., 10. 121–146.
- Malov S.E. 1951: *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti.* — M.; L.
- Malov S.E. 1959: *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii.* — M.; L.

- Malyavkin A.G. 1989: Tanskije khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noi Azii: teksty i issledovaniya. — Novosibirsk.
- Taskin V.S. (predislovie, perevod i primechaniya). 1968: Materialy po istorii syunnu (po kitaiskim istochnikam). — M.
- Taskin V.S. (vvedenie, perevod i kommentarii). 1984: Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu. — M.
- Barfield T. 1992: The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. — Cambridge.
- Golden P.B. 1982: Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi / P.B. Golden, T. Halasi-Kun, Th.S. Noonan (ed.). — Wiesbaden, II. 37–76.
- Golden P.B. 1992: An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. — Wiesbaden.
- Liu Mau-tsai. 1958: Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Texte. — Wiesbaden, I.

НОВОЕ ВРЕМЯ И «НОВОЕ ВАРВАРСТВО»

МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ И ВАРВАРСТВОМ

О.А. Кирьяш

ОБРАЗ ПЕТРА I В СОЗНАНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА XVIII ВЕКА

МЕЖДУ ВАРВАРСТВОМ И ВАРВАРСТВОМ

Статья посвящена проблеме интеллектуального конструирования образа Петра I европейским сообществом в ходе пребывания царя за границей. Автором определены основные элементы образа и его особенности. Раскрыто содержание интеллектуальных конструкторов «варварство» и «цивилизация» как основных компонентов в формировании идентичности государства.

Ключевые слова: варварство, цивилизация, образ, Петр I, Европа.

Споры исследователей относительно особенностей правления, направлений деятельности, методов и целей Петра I не утихают до

КИРЬЯШ Оксана Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры управления развитием образования Омского государственного педагогического университета. Российская Федерация, 644099, Омская область, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14. — mm11982@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 173–183
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 173–183

сегодняшнего дня. Обновленное интеллектуальное поле, междисциплинарные взаимодействия, новый исследовательский инструментарий позволили по-новому взглянуть на наследие первого императора Российского государства. Одно остается неизменным — правление Петра I изменило страну, но в какую сторону? Стала ли Россия цивилизованным государством, принятым в лоно себе подобных или, превратилась в новое варварское пространство, которое так и не стало полноценным европейским государством?

В период правления Петра I происходит постепенное размывание жесткой дихотомии «свое» — «чужое», в рамках которой преодолеть стереотипы в восприятии других территорий невозможно. Разрушение сложившихся мифов происходит только при непосредственном контакте с «чужим» пространством» и носителями «чужой культуры». Путешествие Петра I в этом смысле — рывок за пределы «своего» мира в пространство, которое не просто сопряжено с мифами, но еще и неимоверно далеко от России.

В начале XVIII в. сложилась достаточно жесткая матрица распределения пространств на «свои» и «чужие». «Свое» пространство воспринимается в сознании людей как территория безопасности, порядка, наделенное положительными характеристиками. «Чужое» пространство сопряжено с неизвестностью, отдаленностью, а зачастую и с угрозой. Эта дихотомичная пара дополнялась понятиями «цивилизация» и «варварство». К началу XVIII в. единого представления о варварах и цивилизации еще не сложилось. Все зависело от точки отсчета. Европейцы «варварским» считали все пространство, лежащее востоку от их территории. Эта характеристика распространялась и на народы их населяющие. Русские считали варварами азиатов, кочевников, а зачастую и самих европейцев с их культурными ценностями и установками

Однако путь, выбранный Петром I для развития государства, предполагал, что государственные, экономические, политические, военные компоненты были ориентированы на Европу. Своим заграничным путешествием он провел границу между Европой и Азией, «вырвав» Россию из буферного состояния.

Петр посещает Европу, при этом изначально едет с мыслью учиться у европейцев, т.е. априори признается факт, что европейская

культура, техника и технологии совершеннее, нежели в России. Умение признавать ошибки, замечать очевидные вещи — один из признаков цивилизованного человека, который живет силой ума, воли, а не сиюминутных порывов и чувств. Однако у европейцев сложился свой, весьма неоднозначный, образ Петра. Сознание обычных, рядовых европейцев также было заполнено огромным количеством стереотипов и предрассудков относительно России. В лучшем случае европейцы знали, что — это огромная, холодная страна, населенная весьма отсталыми дикими и необразованными людьми. Эту мысль подтвердит А.Н. Пыпин, говоря о том, что в допетровскую эпоху —

Россия и Европа казались тогда разделенными целой пропастью, и западные люди относились к русским с высокомерием образованного человека к невежде, а человека цивилизованного и более или менее свободного — к рабу и дикарю¹.

Пребывание Петра в Европе могло разрушить мифы, создать более положительный, реальный образ и монарха, и страны в целом. Петр I в глазах рядовых европейцев предстал суперварваром среди обычных варваров, который не особо стремился изменять свой обычный образ жизни. Вот воспоминание одного европейца, когда Петр I пребывал в Спа.

Царь сделал мне честь, пригласив меня отобедать с ним; не могу не описать вам этого пиршества. Меня предупредили, что я увижу царя в его обычной обстановке... Царь сидел на председательском месте в ночном колпаке и без галстука... Кто, съев свой бульон, захотел бы его еще, тот без церемонии обращался к чашке своего соседа. Его Величество сам стал кушать из чашки своего канцлера. Главный адмирал галерного флота, сидевший против царя и не хотевший есть, занимался тем, что грыз ногти. Вдруг явился человек, который не поставил, а буквально бросил на стол шесть бутылок вина. Царь взял одну из этих бутылок и подал каждому гостю по стакану вина.... Его Величество, заметив цыпленка, который был больше остальных, взял его руками, поднес к носу и, показав мне, что цыпленок этот свеж, соблаговолил бросить его на мою тарелку; цыпленок легко скользнул с

¹ Пыпин А.Н. 1889, 298.

одного конца стола на другой, так как на скатерти, кроме него, не было ничего, и скатерть притом была покрыта жиром <...> Я был принужден предаваться самым строгим мыслям, чтобы не разразиться смехом за этим обедом. Я спасался тем, что читал все молитвы, какие знал, и лишь тут вспомнил, что ел скоромное в пятницу! Но это нарушение закона искуплено самим обедом².

Показательно, но европейские государи, да и обычные обыватели пребывали в некотором замешательстве относительно путешествия царя. С одной стороны, визит такого высокого гостя льстил местному обществу, с другой стороны, приходилось учитывать значительные хлопоты и расходы, которые неизбежно были сопряжены с пребыванием Петра в той или иной местности. Так,

Петр отправил одного из своих дворян в Бон, к Иосифу-Клименту, принцу Баварскому, считавшемуся в то время князем-епископом Льежским, чтоб известить его о своем желании провести несколько недель в его владениях. Получив такое неожиданное извещение, его преосвященнейшая светлость призамялся: с одной стороны, ему было очень лестно принять у себя такого знаменитого гостя, а с другой — он боялся сопряженных с этим хлопот и слишком значительных расходов <...> Припугнули его и личностью русского государя: ему насажали, что Петр прихотлив, сварлив, своенравен и отличается странными, варварскими привычками и что спутники его вовсе не под-стать местным жителям³.

Среда оказывает значительное влияние на поведение, воззрения, поступки варвара. Для поддержания имиджа цивилизованного человека варвар готов вести себя соответственно принятым в цивилизованном мире нормам, воспринимать их, транслировать. Так, пребывая за границей Петр I проявлял значительную сдержанность в своих поступках. Например,

...когда один из его дворян довольно тяжело провинился он [царь] ему сказал: если бы мы были в Московии тебе был кнут, но здесь мы в стране мягких нравов, и я тебя прощаю⁴.

² Боди А. 1896, 27–28.

³ К.Н.В. 1884, 630.

⁴ Богословский М.М. 1941, 33.

Однако, это был скорее единичный случай. Среда, с одной стороны оказывала на Петра благодостное влияние, приобщая его к научным достижениям и открытиям, с другой, даже она не могла смягчить и изменить в корне его поведение. Вот как описывает Вильгельмина Байретская посещение Петром Берлина.

На следующий день ему показали все достопримечательности Берлина и, между прочим, собрание медалей и античных статуэток. Среди них была одна самая ценная в очень непристойной позе. Как мне потом стало известно, такими статуэтками в древнем Риме украшали комнаты новобрачных. Царь очень любовался ею и вдруг приказал царице поцеловать ее. Она не захотела; тогда он разсвирепел и крикнул ей на ломаном немецком языке: «Ты головой заплатишь за свой отказ!». Как видно, он собирался казнить ее, если она ослушается его. Царица в испуге поцеловала статуэтку. Царь, нисколько не церемонясь, выпросил у короля, как эту статуэтку, так и несколько других. Ему также понравился дорогой шкаф из черного дерева, за который король Фридрих I заплатил огромные деньги, и он увез его с собой в Петербург ко всеобщему отчаянию. Наконец, через два дня, весь этот варварский двор покинул Берлин. Королева поспешила в Monbijou, где все выглядело словно после разрушения Иерусалима. Никогда ничего подобного не было видано! Все до того было испорчено, что королеве пришлось заново перестроить весь дворец⁵.

Окружающая среда оказывала смягчающее воздействие на поведение монарха, но полностью изменить манеру поведения Петра не могла.

Действительно, европейское общество пребывало в некотором недоумении от пребывания Петра в Европе. Он не вписывался в общепринятые нормы и рамки.

Петр I, сотворив самого себя, хотел вместе сотворить и народ свой. Слава об нем гремела по Европе и сосредоточивала всеобщее внимание на сем чудном Монархе, в коем величие произникало из недр варварства. Нельзя было не любить в нем этой необыкновенной страсти к просвещению, которая заставляла его работать простым плотником между Голландскими матросами;

⁵ «Эпизод из посещения Берлина...». 1913, 171–172.

этой руки, которая с толикою славою держала скипетр и меч, и не гнушалась действовать орудиями самого последнего ремесленника⁶.

Петр выбивался из привычного общему европейцу стиля поведения и манеры себя держать. Это умиляло и внушало страх одновременно. Так как непредсказуемость Петра I была еще одной отличительной чертой, которую отмечали европейские обыватели. У европейцев образ монарха никак не сочетался с характеристиками, которые были у Петра. Вызывало изумление и недоумение его нежелание жить в Европе согласно своему статусу.

Не может быть, чтобы такой великий государь жил здесь в деревне, притом еще на такой плохой улице, как Кримпенбурх, и в таком невзрачном домике⁷.

Внутренний весьма неоднозначный образ государя дополнял такой же своеобразный внешний образ, который многих европейцев вводил в недоумение. Вот как описывает Петра I, находящегося в Париже, де Ришелье.

Весьма легко догадаться, что Государь с таким характером не был слишком заботлив о своем наряде. Баркановой или суконной кафтан, широкой пояс, на котором висела сабля, круглой напудренной парик, который не спускался ниже шеи, рубашка без манжет — вот что составляло его одежду. Он заказал себе парик. Парикмахер, думая, что ему непременно нужен модной, а в моде были тогда парики длинные, сделал ему точно такой. Царь велел обстричь его кругом ножницами, чтобы привести в меру тех, которые он носил обыкновенно⁸.

Несмотря на внутренне и внешнее своеобразие, практически все европейцы отмечали пытливость ума, интерес к научным познаниям, образованность государя в отдельных научных областях.

Он начал прогуливаться по Парижу; входил в лавки и в мастерские, останавливался над всем, что обращало его внимание; расспрашивал через Куракина художников, и везде обнаруживал

⁶ *Ришелье де*. 1831, 4–5.

⁷ «Записки Я. К. Номена...». 1904.

⁸ *Ришелье де*. 1831, 13.

свой ум и познания. Произведения моды, роскоши и щегольства мало его занимали; но все, имевшее полезную цель, все, касавшееся до мореплавания, торговли, художеств — возбуждало его любопытство, привлекало внимание и заставляло дивиться сметливости обширного и верного взгляда, коего быстрота равнялась жадности к познаниям. Он едва взглянул на коронные алмазы, которые ему показывали; но любовался гобеленскими обоями, дважды ходил в Обсерваторию, долго пробыл в Саду Растений, осматривал со вниманием механические кабинеты и разговаривал с плотниками, строившими Pont-Tourant <...> Высокий путешественник не забыл и Академий. В Академии Наук он поправил собственноручно карту России: этого было довольно, чтоб признать его членом⁹.

Пребывание в Париже было ознаменовано также посещением монетного двора.

Рассмотрев устройство, силу и ход машины, которой тиснят медали, он стал вместе с работниками приводить ее в действие. Какое ж было его удивление, когда он увидел, что из станка вышел его портрет, которой по сходству и отделке превосходил все медали, доселе для него оттиснутые. Ему также очень понравился и оборот этой медали: на нем представлена была Слава, летящая от севера к югу, с следующей надписью, взятою из Виргилия: *vires acquirit eundo* (идучи приобретает силы). Это был намек на познания, собираемая сим Государем во время путешествий¹⁰.

Показательно, но варвар, который приехал учиться у европейцев науке и технике, не ставил своей задачей перенять их манеры и культурные образцы. По большому счету само приобщение к европейской традиции было весьма своеобразным.

Интересно, но европейцы не говорили о Петре как о цивилизованном человеке, хотя и подчеркивали его любопытство, пытливость ума, интерес к наукам и т.д. Показательно, но единого образа Петра I у европейцев так и не сложилось, скорее это были отдельные компоненты, стороны образа, которые не создавали единой картины. При

⁹ Ришелье де. 1831, 12–13, 17.

¹⁰ Ришелье де. 1831, 22.

наличии весьма прогрессивного монарха на российском троне это не означало, что весь перечень положительных характеристик распространяется на территорию, которой он правит, и население этой страны.

Факт признания России европейским государством произошел только после окончания Северной войны. После заключения мира,

Россия, малоизвестная до того времени, и считавшаяся государством почти азиатским, вдруг как волшебной силой вошла в ряд сильных держав европейских¹¹.

После Полтавского сражения и особенно после подписания Ништадского мира для европейцев Петр стал признанным, даже принятым варваром в цивилизованный мир. Этот новый варвар становится транслятором и проводником европейских ценностей в варварской России, т.е. необходимым компонентом существования самой цивилизации, инструментов для выполнения ее исторической миссии. Однако,

...завоеванием себе политического влияния в Европе Россия не приобрела нравственно-равноправного места между европейскими нациями. Единственные чувства, которые она возбудила, были страх и вражда¹².

Со временем напряжение и недоверие цивилизации перед новыми варварами и борьба с ними достаточно быстро превращается в диалог, поиск точек соприкосновения, налаживание отношений по различным областям. Новый, признанный варвар — жизненно необходимый элемент для цивилизации, он не только становится проводником и транслятором цивилизационных ценностей, но и расширяет цивилизационный мир. Происходит постепенное включение новых варварских пространств в европейскую семью, размывание жестких пространственных границ и барьеров. Однако это не означает единства цивилизованного мира, скорее наблюдается усложнение пространственных представлений. Понятие «цивилизация» в сознании людей начинает прочно ассоциироваться, не просто с Ев-

¹¹ Ишимова А. 1873, 215.

¹² «Новая книга Диксона...». 1870, 359.

ропой, а с ее западной частью, а России и восточной части Европы отводиться роль нового варварского пространства — Восточной Европы, которое только стремится стать полноценной цивилизованной территорией. Выстраивается новая модель пространственных представлений, в которой основными элементами служат «цивилизация», «варварство» и «цивилизованное варварство» / «новое варварство» как промежуточное состояние, периферия между полюсами.

Деятельность Петра I привела к тому, что и его самого и российское государство начали ассоциировать с Европой, но включение в «европейскую семью» так и не произошло. Попытка вырваться из замкнутого круга, привела к тому, что Россия опять оказалась между двумя полярностями «цивилизацией» и «варварством», только теперь уже обличенных в понятия «Европа» и «Азия». Образ Петра I, который сложился в сознании европейского сообщества XVIII в., со всеми противоречиями, бинарностями и особенностями, привел к тому, что подобные характеристики были распространены на страну в целом. Это стимулировало дальнейшие интеллектуальные поиски для обоснования и подтверждения статуса России в качестве полноценного европейского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Богословский М.М. 1941: Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. Первое заграничное путешествие. — Л.
- Боди А. 1896: Петр Великий на водах в Спа [извлечения и пересказ] // РС. 1896. 4. 27–28.
- Записки Я.К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. 1904: Киев. — http://krotov.info/lib_sec/14_n/nom/en.htm (декабрь, 2017).
- Ишимова А. 1873: Русская история. — СПб.
- К.Н.В. 1884: Пребывание в Спа русских государей // ИВ. 6. 628–650.
- Новая книга Диксона о России. 1870 // ВЕ. III. 346–373.
- Пытин А.Н. 1889: Россия и Европа // ВЕ. 1. 296–337.
- Ришелье де. 1831: Пребывание Петра Великого в Париже. Из записок герцога де Ришелье [Пер. П. Ар-в] // Телескоп, 1831. 5. 3–23.

Эпизод из посещения Берлина Петром Великим. Рассказанный маркграфиней Вильгельминой Байретской в ее мемуарах. 1913 // Голос минувшего. 9. 169–172.

O.A. Kiryash

THE IMAGE OF PETER I
IN THE MINDS OF THE EUROPEAN COMMUNITY OF
THE XVIII CENTURY
BETWEEN BARBARISM AND BARBARISM

The article deals with intelligent design of the image of Peter I to the European community during the visit of the king abroad. The author identifies the main elements of the image and its features. The article reveals the content of intellectual constructs «barbarism» and «civilization» as the main components in the formation of identity of the state.

Keywords: barbarism, civilization, the image of Peter the great, Europe.

KIRYASH Oksana Andreevna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Development Control of the Education of the Omsk State Pedagogical University. 14, Quay named Tukhachevsky, Omsk, Omsk region, 644099, Russian Federation. — mm11982@yandex.ru

REFERENCES

- Bogoslovskii M.M. 1941: Petr I. Materialy dlya biografii. T. 2. Per-voe zagranichnoe puteshestvie. — L.
- Bodi A. 1896: Petr Velikii na vodakh v Spa [izvlecheniya i pereskaz] // RS. 1896. 4. 27–28.
- Zapiski Ya.K. Nomena o prebyvanii Petra Velikogo v Niderlandakh v 1697/98 i 1716/17 gg. 1904: Kiev. — http://krotov.info/lib_sec/14_n/nom/en.htm (dekabr', 2017).
- Ishimova A. 1873: Russkaya istoriya. — SPb.
- K.N.V. 1884: Prebyvanie v Spa russkikh gosudarei // IV. 6. 628–650.

- Novaya kniga Diksona o Rossii. 1870 // VE. III. 346–373.
- Пупин А.Н. 1889: Rossiya i Evropa // VE. 1. 296–337.
- Rishel'e de. 1831: Prebyvanie Petra Velikogo v Parizhe. Iz zapisok gertsoga de Rishel'e [Per. P. Ar-v] // Teleskop, 1831. 5. 3–23.
- Epizod iz poseshcheniya Berlina Petrom Velikim. Rasskazannyi markgrafinei Vil'gel'minoi Bairetskoi v eya memuarakh. 1913 // Golos minuvshego. 9. 169–172.

А.С. Балезин

«ВАРВАРЫ» В «ЦИВИЛИЗОВАННОМ МИРЕ»

КОНКРЕТНЫЕ СУДЬБЫ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ И МЕМУАРАМ АФРИКАНЦЕВ

В статье рассматривается ряд малоизвестных историй об африканцах в Европе в середине XIX – начале XX века. Статья основана на оригинальных архивных источниках, а также публикациях мемуаров африканцев. Судьбы африканцев, попавших в разное время в главные колониальные державы мира – Великобританию, Францию и Германию, складывались непросто. Абсолютное большинство из них не были представителями «варварской» Африки: они были выходцами из очагов цивилизации. Более того, кто-то из них приезжал в Европу не учиться, а учить. Но, конечно, для европейского обывателя все они были варварами. Однако они сыграли огромную роль в расширении взаимных представлений «варваров» и «цивилизованного мира».

Ключевые слова: африканцы в Европе, «варвары» и «цивилизованный мир», разные и сложные судьбы, расширение взаимных представлений.

ДокOLONиальная Африка представляла собой некую чересполосицу «варварства» и «цивилизации», границы которой были весьма подвижны во времени. Об этом мне уже приходилось писать в рамках данного проекта¹.

БАЛЕЗИН Александр Степанович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра африканских исследований ИВИ РАН. Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А. — alex.balezin@yandex.ru

¹ См. Балезин А.С. 2012, 150–164.

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 184–215
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 184–215

Однако в массовом сознании европейцев все африканцы воспринимались как варвары, независимо от того, принадлежали ли они к народам, создавшим государства с многовековой историей или к догосударственным народам.

Об африканцах в Европе написано уже немало, особенно, конечно, о периоде конца прошлого — начала нынешнего века², что связано с современным миграционным кризисом. В данной статье автор обращается к истокам этого явления, рассматривая ряд малоизвестных историй об африканцах в Европе в середине XIX – начале XX века. Статья основана на найденных мной архивных источниках, а также публикациях мемуаров африканцев.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНОАФРИКАНЦЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ

Во Франции первые африканцы, вывезенные не в качестве рабов или слуг, появились значительно раньше, что связано с ее ассимиляторской культурной политикой, проявившейся с момента захвата первых территорий в Западной Африке.

Первые опыты обучения африканцев во Франции были неудачными. Показательны в этом смысле найденные мной во французском колониальном архиве письма от западноафриканцев, обучавшихся во французском военном училище Сен-Сир, министру колоний от 15 и 25 мая 1848 г. Приведу их полностью.

15 мая 1848 г.:

Гражданин Министр,

вот уже четыре года, как мы находимся во Франции, куда правительство привезло нас, дабы мы выучили язык. Мы его уже достаточно хорошо знаем, и пишем вам настоящее письмо с намерением попросить вас позволить нам вернуться в нашу страну. Мы прибыли сюда втроем, и один из нас недавно умер. Это очень большое горе. Здешний климат для нас неблагоприятен, поэтому мы спешим уехать в Верхнюю Гвинею, где находится наш родной город. <...> Г-н бывший Ми-

² См., напр.: *Blakely Alison*. 1993; *Northrup David*. 2013.

нистр собирался заняться нашим отъездом, когда наступила Революция.

Господин Министр, подумайте о нас. Когда сможем мы увидеть наших родных?

Если вы захотите узнать подробности о нас, вы можете обратиться к служащим вашего министерства.

Господин, в ожидании вашего решения,

Мы приветствуем вас и просим принять заверения в нашей преданности,

Ваши верные подданные и друзья Франции.

Александр Асемьен и Леон Сей,
сыновья Петера, короля Большого Бассама (Африка)³.

25 мая 1848 г.:

Гражданин Министр,

Мы напоминаем вам о нашем желании вернуться в нашу страну. Прошло уже четыре года с тех пор, как мы приехали во Францию. Мы редко имели возможность воспользоваться теми удовольствиями, которые здесь можно получить, и мы видели, как умер наш товарищ, брат одного из нас. С этого момента мы еще больше грустим от разлуки с нашими родными, опасаясь, что какая-нибудь болезнь может настичь нас до нашего отъезда. Мы достаточно продвинулись в нашей учебе, ибо уже четыре года мы провели в очень хорошем пансионе, где быстро учат. Какое счастье, радость? ступить на родную землю, когда там ждут вас близкие и когда вы были так далеко от них!

Вы должны понимать это, Господин Министр.

И мы надеемся, что вы сообразовоите отправить нас как можно скорее.

Сударь,

Мы имеем честь засвидетельствовать вам наше почтение.

Ваши преданные слуги,

Леон Сей и Александр Гого Асемьен, сыновья короля Петера
(Верхняя Гвинея)⁴.

³ Архив заморских территорий Франции (Le Centre des Archives d'Outre-Mer, далее — C.A.O.M), Fonds Ministeriels, Series Geographiques, Senegal X, d. 7.

⁴ Там же.

Как видно из источников, самое престижное военное учебное заведение Франции оказалось пыткой для трех молодых западноафриканцев, один из которых даже лишился там жизни. Стремлением закрепиться в метрополии, так характерным для африканцев в веке двадцатом, особенно в его последней трети, тут и не пахнет.

ПЕРВЫЕ БУГАНДИЙЦЫ В АНГЛИИ

Важно подчеркнуть, что жители внутренних районов континента в конце XIX – начале XX века вообще мало представляли себе, что такое Европа. Их рассказы об увиденном там были неизмеримо важны для соотечественников. Так случилось, например, с послами кабаки Буганды Мутесы Первого (правил с 1856 по 1884 гг.) в Великобритании.

Буганда — раннее государство в Восточноафриканском Межозерье, возникшее в XIV в. и достигшее расцвета к середине XIX в. Оно дало название государству Уганда, частью которого является. Кабака — наследственный верховный правитель Буганды, в ее истории насчитывается три династии кабаков.

В мае 1879 г. один из миссионеров-протестантов, развернувших свою деятельность в Буганде, собрался в Британию и пригласил с собой Мутесу. Мутеса очень заинтересовался такой поездкой и готов был на нее согласиться. Он даже спросил, сможет ли он в Британии заполучить в жены белую принцессу. От поездки в Англию кабаку отговорили придворные, приведя следующий решающий довод: «Великий Мутеса, надо еще посмотреть, так ли велика эта белая королева Виктория, чтобы ты наносил ей визит первым!» Мутеса с этим согласился и послал в Британию трех сановников. Они вернулись домой в 1881 г., сохранилась запись их рассказа о поездке на языке луганда.

До рассказов своих послов Мутеса слышал о Европе и о Британии уже от многих людей, начиная со Спика. Но все же он не представлял себе — да и мог ли представить — всю мощь викторианской Великобритании, страны, с которой Буганда столкнется всего десятилетие спустя. Он понимал, что это сильное государство (на этом акцентировали внимание его послы), но *насколько сильное*, вряд ли.

ЗАНЗИБАРСКАЯ ПРИНЦЕССА САЛЬМЕ
И КОЛОНИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

Эмили Рюте, в девичестве — занзибарская принцесса Сальме, была дочерью основателя Занзибарского султаната Сейида Саида и его наложницы-черкешенки. Она оставила интереснейшее описание жизни и нравов Занзибарского султаната европейцам, издав мемуары на немецком языке. Более того, она сыграла некую роль в схватке европейских держав за Африку.

Сальме родилась около 1840 г. Принцесса получила домашнее обучение. Девочек дворца учила женщина, специально выписанная Сейидом Саидом из Омана. Обучение проходило в одной из галерей дворца, на циновках. Четкого времени для занятий установлено не было.

Принцесса была обучена арабскому алфавиту и Корану. К тому же ее учили считать — до 100 письменно, а до 1000 устно, все, что больше, считалось дьявольщиной. О таких науках, как история, география, физика и пр. принцесса слышала лишь тогда, когда она попала в Европу. Учительницу во дворце боялись и задабривали ее всякими сладостями. Никаким рукоделиям учительница девочек не обучала. Этому они учились у своих матерей.

Сальме потеряла мать, когда ей было 15 лет, т.е. около 1855 г. В 1856 г., в возрасте примерно 16 лет, она оказалась втянутой в заговор против Сейида Маджида, сына Сейида Саида, унаследовавшего его престол. Заговорщики посадили на престол другого сына умершего Великого Саида, Сейида Баргаша. Однако вскоре при поддержке англичан Сейид Баргаш был свергнут с престола и отправлен в ссылку в Британскую Индию. Англичане поддержали Сейида Маджида, поскольку он казался им более дружественным.

После подавления заговора принцесса оказалась в добровольной ссылке на одной из своих *шамб* — сельских плантаций. Когда Сальме пришлось вернуться в город Занзибар, ей нанес визит сам султан Сейид Маджид. Принцесса, по традиции, посетила его дворец с ответным визитом. И навеки поссорилась из-за этого со своей партией — партией сторонников Баргаша, которые ей никогда не простили визита во вражеский стан.

Сейид Маджид всячески поощрял и приветствовал европейцев на Занзибаре. Они, в свою очередь, искали повода повидаться с султаном, и в этом им помогали некоторые из придворных дам. Одной из них и была Сальме. Репутация принцессы как симпатизирующей европейцам, видимо, способствовала ее знакомству со своим будущим мужем.

Генрих Рюте был представителем некоей гамбургской торговой фирмы на Занзибаре. Его дом стоял по соседству с домом Сальме, а окно гостиной, где он вел светскую жизнь, приходилось напротив окна любимой комнаты принцессы. Она любила наблюдать за жизнью европейца. Так все и началось.

Когда молодые люди поняли, что любят друг друга, стало также понятно, что на Занзибаре их союз исключен — связь правоверной мусульманки с неверным грозила ей смертной казнью. Но дружба с европейцами помогла принцессе: при посредничестве жены британского вице-консула под покровом ночи ее вывели из дворца и доставили на борт британского военного корабля. Попав морским путем в Аден, она нашла там прибежище у одной испанской семьи, также знакомой ей по Занзибару.

Этот гаремный скандал, как его называли, произошел в 1866 г. Существовала опасность роста антиевропейских настроений на Занзибаре, и британский консул запросил даже у своего правительства посылку дополнительного военного корабля к острову для защиты находящихся там британских подданных. Интересно, что Сейид Маджид не разделял настроений своих подданных: он не только не препятствовал отъезду возлюбленного Сальме с острова, но разрешил пересылку ее доли наследства отца в Германию. Более того, несколько лет спустя, когда материальное положение ее значительно ухудшилось, он снарядил целый корабль с подарками для своей сестры. Подарки эти, к слову, так и не дошли до адресата.

В ожидании, пока жених закончит свои дела на Занзибаре, она была приобщена к христианству. Обряд крещения Сальме прошла в англиканской церкви, получив имя Эмили. Там же была совершена и церемония бракосочетания. Затем новобрачные отправились через Марсель в Гамбург.

Семья мужа приняла принцессу тепло, и она быстро усвоила европейские обычаи. Однако их счастье было недолгим – немногим более трех лет спустя муж Эмили попал под трамвай и умер, оставив ее с тремя детьми на руках, младшему из которых было всего три месяца.

Поначалу принцесса хотела вернуться домой, но к тому времени умер ее брат султан Сейид Маджид. Унаследовал его трон Сейид Баргаш, сторонники которого, как мы помним, не простили Сальме ее дружбу с Маджидом.

Эмили после смерти мужа жила еще два года в Гамбурге, где в результате нечестных действий партнеров покойного потеряла большую часть своего состояния. Она переехала в Дрезден, какое-то время жила в Лондоне и Рудольштадте, а когда дети подросли, переехала в Берлин.

Эмили очень хотелось хоть надолго вернуться на родину, но нелюбовь к ней Сейида Баргаша была к тому непреодолимым препятствием. В переговорах с Занзибаром ее двигали, однако, далеко не только ностальгические соображения. Оставшись практически без средств существования, она пыталась получить и деньги. Заручившись поддержкой немецкой аристократии, принцесса сумела заинтересовать своими проблемами германский МИД, начавший в 1874 г. переписку по этому поводу с Форин офис.

В 1875 г., узнав, что Сейид Баргаш готовится нанести визит в Лондон, она решает отправиться туда и вступить с братом в прямые контакты. Она добивается помощи в организации визита самого фон Бюлова, более того, в течение восьми недель берет уроки английского!

В Лондоне она остановилась сначала в отеле, а потом ее забрали к себе практически незнакомые ей люди. Там ей нанес неожиданный визит сэр Бартл Фрэр, бывший губернатор Синда, впоследствии губернатор Капской колонии, а в то время — видный колониальный чиновник британского правительства. От имени правительства он потребовал от Эмили, чтобы она не смела приближаться к Баргашу во время его визита в Лондон и обращаться к нему в письменной форме, пообещав взамен обеспечить будущее ее детей. Принцессе пришлось согласиться с его ультиматумом, и она делала все воз-

можное, чтобы даже случайно не встретиться с султаном во время его пребывания в британской столице.

Позицию британского правительства Фрэр разъяснил знакомой принцессы так: во-первых, мы доставим этим удовольствие султану. Во-вторых, этим мы заставим молчать принцессу. В-третьих, мы лишим канцлера Бисмарка всякого повода к личному вмешательству в это дело. При этом английские колониальные чиновники не разрешили принцессе покинуть Лондон во время пребывания там Сейида Баргаша, чтобы держать ситуацию под контролем.

Только после его отъезда на Занзибар было разрешено покинуть Англию и ей. Уже в Берлине она получила официальное письмо от британских чиновников, в котором ей сообщалось, что она, будучи женой германского подданного, не может рассчитывать на какое-либо содействие британского правительства.

Сама Сальме объясняет весь этот инцидент таким образом: Британское правительство боялось, что Баргаш, прежде чем подписать договор о протекторате, захочет посоветоваться с ней как с человеком, хорошо знающим Европу и европейцев, а она ему это отсоветует. Принцесса получила жестокий урок вероломства, ведь она купилась на обещание обеспечить будущее ее детям. Но она пишет:

Хотя я могу проследить истоки всех своих бед в коварных махинациях британского правительства, в своем сердце я храню не только чувство благодарности, но и самые теплые воспоминания о доброте и симпатии ко мне английского общества⁵.

Но на этом дело не кончилось: в 1876 г. германский консул на Занзибаре получил задание обратиться к Сейиду Баргашу с просьбой обеспечить права подданной рейха Эмили Рюте. Для верности он даже привлек на свою сторону британского консула сэра Джона Кирка. Однако султан был непреклонен: Сальме заслуживает по мусульманскому праву смертной казни, и он считает ее мертвой.

Но и это не все. Кто-то надоумил принцессу, что ее могут отвезти на родину на немецком военном корабле, и под защитой его пушек она сможет добиться от султана соблюдения своих прав. Но Бисмарк не был готов к такому шагу. Немецкий консул на острове

⁵ *Emili Ruete*. 1998, 193.

сообщал в Берлин, что султан уступит только под сильным нажимом, но такой нажим противоречил в то время интересам Германии и ее торговых домов на Занзибаре.

Так принцесса Сальме — Эмили Рюте — в своих попытках решить материальные проблемы оказалась разменной монетой в большой политике. Причем далеко не в последний раз. Такая судьба ей была уготована и впредь, когда Германия всерьез вступила в схватку за Африку и пыталась укрепить свои позиции в восточной части Черного континента.

В конце 1884 г. на Занзибар в качестве генерального консула Германии был отправлен Герхард Рольфс, немецкий путешественник и колониальный деятель. Примерно в то же время доктор Карл Петерс, основатель Общества Германской колонизации, заключит ряд договоров о германском протекторате с традиционными властями некоторых народов внутренних районов Восточной Африки. Более того, 27 февраля 1885 г. германский кайзер подписал охранную грамоту на эти территории, поощрив Петерса к расширению зоны германского контроля в регионе. Земли, о которых шла речь, входили в сферу интересов Занзибарского султана. Султан отказывался признать немецкие «приобретения», и Рольфсу было предложено использовать в качестве одного из средства давления на султана «дело Сальме-Эмили Рюте». Однако он отказался «омрачить свою дружественную миссию таким деликатным вопросом»⁶.

В 1885 г. ситуация обострилась. От султана Занзибара потребовалось признание немецкого протектората над внутренними районами Восточной Африки – в частности, договоров, заключенных с рядом местных правителей Карлом Петерсом. И тут Бисмарк решился использовать не только принцессу, но и ее сына – «претендента на султанский престол» в интересах Германии. К тому же сама Сальме неоднократно намекала немецким властям, что готова жить на Занзибаре и способствовать немецким интересам, как и ее сын и обе дочери.

Однако германские власти понимали ее роль в соблюдении немецких интересов не совсем так, как того хотелось бы принцессе.

⁶ Müller F.F. 1959, 199.

Бисмарк уточнял, что притязания принцессы на наследство могут быть для немецкой политики —

...внешним поводом, но никак не мотивом для угрозы или применения силы. Мы не можем задействовать имперские интересы ради ее судьбы и прекрасных глаз. Если султан чем-либо еще вынудит нас применить силу, то немецкая гражданка Рюте со своими правами будет для нас полезным аргументом в применении силы. Если такая необходимость не наступит, фрау Рюте отправится на нашем корабле в обратный путь, если, конечно, ее брат не сделает для нее что-либо из любезности⁷.

И вот неожиданно Сальме сообщили, что ей надлежит отправиться на родину.

1 июля 1885 г. она покинула Берлин и 8 июля она прибыла в Александрию, где прошла пограничные формальности под чужим именем — ведь Египет в то время был английской территорией. Затем она добралась до Порт-Саида, где ее принял на борт немецкий военный корабль «Адлер», часть того самого флота устрашения.

2 августа после штормового перехода из Адена Сальме и ее спутники увидели остров Пемба, ближайший крупный остров от столицы Занзибарского султаната. Но высадиться на Занзибаре ей не разрешали, несмотря на присутствие еще четырех кораблей немецкой эскадры. Командор Пашен называл принцессу «секретным грузом».

Высадиться на берег ей было разрешено только 12 августа, и это не случайно. 11 августа немецкий адмирал Кнорр, пришедший к острову на флагманском корабле «Бисмарк», вручил султану ультиматум, в котором потребовал признания немецких притязаний на восточноафриканские территории в течение 24 часов. Более того, в тот же день адмирал выстроил свои суда в одну линию в бухте города Занзибар в виду султанских дворцов.

Это произвело впечатление на султана. Британский консул Джон Кирк со своей стороны также посоветовал уступить требованиям немцев, дав султану понять, что Британия не оставит того в беде. Одним из соображений, заставивших Кирка действовать таким образом, было присутствие на борту немецкого военного корабля Сальме. 12 августа Сейид Баргаш подписал декларацию и признании

⁷ Ibid. 1959, 210.

немецкого протектората над внутренними районами Восточной Африки. Сальме было разрешено сойти на берег.

Так Сальме попала на родину под охраной немецких пушек и вновь стала частью важной политической игры.

В прогулках по городу Сальме сопровождали толпы народа. Это не нравилось ни Сейиду Баргашу, ни британскому консулу Дж. Кирку. Было даже сделано официальное представление командиру немецкой эскадры. Однако недовольство властей не смогло запугать занзибарцев в выражении симпатии принцессе. Многие из них слали ей дружественные записки и приглашения в гости через своих рабов, которые прятали записки в своих маленьких шапочках, что носят мужчины-мусульмане.

Конечно, в прогулках по острову Сальме всегда сопровождали немецкие офицеры. И всегда за ними следовали шпионы султана. Надо сказать, что они не упускали случая раздражить Сейида Баргаша. Например — махали руками обитательницам его гарема, следившими за ними со стен дворца, зная, что султан не одобряет этого. А на день рождения принцессы в виду столицы закололи на палубе корабля поросенка.

Принцесса делает интересное замечание по поводу впечатления, произведенного на нее городом Занзибаром. Она удручена грязью его внутренних улочек. Где помои и нечистоты выливаются прямо из окон. Язвительно замечает, что султан, имевший достаточно возможностей познакомиться с тем, как убирают улицы в Бомбее, Лондоне и Париже,

...посчитал необходимым завести на Занзибаре производство мороженого, электрический свет и так называемую железную дорогу, и я не знаю, что еще кроме французских поваров и французской кухни⁸.

Сальме имела тут в виду узкоколейку, проложенную по приказу Сейида Баргаша к одному из загородных дворцов. Она была заложена в 1875 г., имела длину 6 миль и ширину колеи всего в 2 фута. Поначалу вагончик был на конной тяге, а в 1881 г. султан выписал из Великобритании паровой локомотив.

⁸ *Emili Ruete*. 1998, 202–203.

Но султанские дворцы в то время не только строились. Старые — разрушались. В состоянии развалин принцесса нашла и дворец, в котором родилась — Бейт эль Мтони.

Сальме попыталась заставить Сейида Баргаша выплатить ей деньги, которые по ее мнению ей причитались после смерти многочисленной родни как доля в наследстве. Султан милостиво предложил выплатить ей 6 000 рупий, на что принцесса ответила гордым отказом. Посчитав эту сумму ничтожно малой толикой того, что ей причиталось.

19 августа начались переговоры о заключении договора о дружбе и торговле между Германией и Занзибаром. Вели их реально адмирал Кнорр и Джон Кирк. В начале сентября Кнорр получил указание из Берлина в качестве жеста доброй воли отозвать все претензии принцессы Сальме — Эмили Рюте. Вскоре она была отправлена назад в Германию. Немцы на переговорах заявили, что «поскольку султан в главных вопросах проявил понимание, его не хотят заставлять идти на компромисс со своей сестрой»⁹. Договор же между Германией и Занзибаром был подписан только 20 декабря 1885 г.

По горячим следам этой истории, в 1886 г, Сальме опубликовала на немецком языке, свои мемуары под названием «Мемуары арабской принцессы»¹⁰. Вскоре, в 1888 г., они были переведены на английский язык, а через 110 лет переизданы. Неудивительно, что издатели в Германии и Британии предприняли этот шаг: в то время все, что было связано с Занзибаром и Восточной Африкой, вызывало интерес читающей публики в обеих странах. Как пишет сама принцесса в предисловии, она начала работу над рукописью девятью годами ранее, предназначая этот текст не для широкой публики, а для своих детей. Но вместе с дописанной ею главой о посещении Занзибара на немецком военном корабле (скорее всего, специально заказанной) книга вдруг стала актуальной.

Сальме умерла в Германии в 1924 г. в почтенном возрасте: ей было 84 года. Среди ее личных вещей нашли мешочек с песком с занзибарского берега.

⁹ Müller F.F. 1959, 217.

¹⁰ Ruete E. 1886.

История Сальме показательна в связи с темой встречи культур: еще на Родине она восприняла из западной культуры, будучи одной из самых европеизированных женщин Занзибара. В Германии ей пришлось говорить на чужом языке и вести совсем другой образ жизни. Перед поездкой в Англию она учила английский язык. Мемуары свои написала по-немецки. Своим традиционным правом на султанское наследство пыталась воспользоваться через новые методы в условиях схватки европейских держав за Африку и стала на короткое время одной из участниц этой схватки

УГАНДИЕЦ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

После колониального раздела Африки количество уроженцев этого континента в Европе, естественно, увеличивалось, прежде всего, в странах-метрополиях.

Известны подробности поездки в 1902 г. *катикиро* («премьер-министр туземного правительства») Буганды, провинции британского протектората Уганда, Аполло Каггвы, в Великобританию. Он был официально приглашен туда на коронацию короля Эдуарда VII. В поездку в качестве секретаря Каггва взял с собой Х. Мукасу, которому строго наказал подробнейшим образом записывать все, что они увидят в путешествии. Записи Мукасы легли в основу книги, изданной в 1904 г. под названием «Катикиро Уганды в Британии». Тогда рукопись Мукасы была переведена на английский с языка луганда Э. Милларом — миссионером, сопровождавшим путешественников. Он опустил некоторые детали, которые могли показаться англичанам оскорбительными. Эти детали были восстановлены известным угандийским поэтом Т. Ло Лионгом, подготовившим второе издание, которое вышло в 1975 г. под названием «Сэр Аполло Каггва открывает Британию»¹¹.

Каггва был более подготовлен к восприятию достижений европейской цивилизации в одном из ее очагов — Великобритании, чем другие его соотечественники. Сказались и образование, полученное

¹¹ Mukasa H. 1975.

им у миссионеров, и многочисленные служебные и личные контакты с европейцами. Он был другом известного миссионера и этнографа Дж. Роскоу, служил ему информантом для многочисленных книг о баганда и сопредельных народах. Еще до поездки в Англию достижения европейской цивилизации прочно вошли в быт Каггвы. Сам он с гордостью писал, что —

...в 1890 г. купил часы, в 1894 г. построил себе двухэтажный дом, в 1896 г. купил керосиновую лампу, а в 1898 г. — велосипед, а с 1894 г. начал есть сидя за столом и пить чай вместо бананового пива¹².

Уже в последние годы XIX века он активно пользовался пишущей машинкой. Да и деловым человеком по европейским понятиям его тоже можно было назвать. Миссионер Дж. Роскоу отмечал:

Он ведет полную отчетность в судебных и государственных делах. Просто удивительно, даже для европейца, что он так много успевает¹³.

Каггва и Мукаса путешествовали долгих четыре месяца — они вернулись на родину в начале сентября. Путь их в Англию проходил через Красное море, Суэцкий канал, Средиземное море. По дороге они осматривали Неаполь и Помпеи, Марсель и Париж. В Англию они прибыли через Кале и Дувр — самым обычным по тем временам маршрутом с континента на Британские острова. И провели там больше двух месяцев только потому, что из-за болезни короля коронация была отложена. Путешественники исколесили всю страну: были в Саутгемптоне и Глазго, Ливерпуле и Манчестере, Кембридже и Виндзоре, Шеффилде и Глазго. Осмотрели Лондон, где им показали парламент и Британский музей, Тауэр, прокатили в совсем новом тогда еще метро, сводили в театр и в цирк.

В Англии они встречались со многими известными людьми, так или иначе связанными с Африкой. Не говоря уже о том, что все, кто знал Каггву по Уганде, в том числе Г. Джонстон и Дж. Роскоу, считали своим долгом посетить их или пригласить к себе. Их принима-

¹² The King's Men. 1964, 183.

¹³ Pawlikova V. 1975, 200–201.

ли Генри Стэнли, архиепископ Кентерберийский, а также лорд Розбери и даже премьер Солсбери, с которым они пили чай. 8 августа, незадолго до коронации, их удостоил приема сам король. Их посещали многочисленные репортеры, о них писали газеты. Велик был интерес к ним и простого люда. Интерес к Каггве и его секретарю официальной Британии, почет, которым их окружали, — все это носило особый характер. Каггву принимали как представителя уже покоренного государства, которому надо было оказывать милостивое внимание, но не давать забывать свое место.

Каггва и Мукаса стали «глазами своих соотечественников», внимательно рассматривая и старательно описывая все, что им показывали. Они старались повсюду бывать вместе, ведь «вдвоем можно увидеть больше». Отовсюду, откуда только можно было, брали с собой образцы и полуфабрикаты: глину с гончарного завода, кусочек угля из шахты, карандашные полуфабрикаты на разных стадиях изготовления с карандашной фабрики, полуфабрикаты ружейного ствола с оружейного завода — и все для того, «чтобы наши баганда увидели это». Путешественники хотели, чтобы и баганда пользовались всеми благами цивилизации, а для этого, понимали они, их родине нужны прежде всего специалисты. И Каггва, выступая в различных уголках Британии, перед разными аудиториями, непрестанно приглашал специалистов в Уганду.

Самое главное — и в этом состоит пафос книги о визите Каггвы в Британию и, пожалуй, важнейшая ее задача — путешественники понимали, что процветание этой страны — результат упорных трудов и что их согражданам для достижения прогресса необходимо, прежде всего, трудиться самим. Эта мысль особо подчеркивается в заключение книги:

Помните, что мудрость не приходит к ленивым и слабым людям, но лишь к тем, кто упорно трудится и ежедневно обдумывает свой труд¹⁴. Каггва и его секретарь твердо верят, что «их внуки будут гораздо мудрее», и призывают в последних строках книги «ежедневно наставлять детей, чтобы они учились всему, чему можно, и, в свою очередь, учили своих детей»¹⁵.

¹⁴ *Mukasa H.* 1975, 159.

¹⁵ *Ibid.*

Перед отъездом на родину правительство Великобритании попросило Каггву выбрать себе подарки. Он взял конторку для письма и ружье. Оба путешественника также накупили много вещей домашнего обихода. Но главное, что они вывезли из Англии, — это идеи о необходимости просвещения для своего народа, которое в сочетании с трудом поможет ему достигнуть прогресса. Эти идеи они выразили в книге, которую по праву можно считать плодом их совместного труда.

АФРИКАНЦЫ В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В Германии в начале XX в. возрастало количество африканцев-выходцев из колоний, причем на их пребывание в метрополии все больший отпечаток накладывали развивавшиеся там как раз в то время расовые теории.

Надо сказать, что германские власти в Африке с самого начала немецкого владычества выступали против смешанных браков с африканцами. Еще в 1900 г. было постановлено, что «туземцы» не могут жениться на немецкой гражданке, но им было дано право ходатайствовать о натурализации — получении немецкого гражданства, что теоретически влекло за собой и право на брак с немкой.

Однако после потрясших германские владения в Африке в середине первого десятилетия XX в. восстаний ситуация изменилась. Так, в 1906 / 1907 гг. после Великих восстаний гереро и нама в Германской Юго-Западной Африке специальным указом губернатора они были категорически запрещены. В 1906 г., после восстания *маджи-маджи* в Германской Восточной Африке (впоследствии Танганьике) там разразился целый скандал вокруг попытки заключения брака немецкого коммерсанта с женщиной-африканкой. Губернатор издал специальный циркуляр, в котором писал:

Официальным органам по политическим соображениям дано указание о нежелательности регистрации таких браков. Такая супружеская пара всегда может быть выслана из протектората¹⁶.

¹⁶ Федеральный архив ФРГ, Берлин-Лихтерфельде (Bundesarchiv Ber-

Еще ранее, в конце 1905 г., из ГВА обратно в Германию была выслана и другая смешанная пара — немецкая женщина и ее муж Мторо (по другой версии — Мтото) бин Мвенье Бакари, который до этого времени работал в Восточном семинаре при Берлинском университете, но был уволен, остался без средств и попытался осесть на родине вместе с женой. Ему это не удалось: он был выслан обратно в Германию со всем скарбом, и германские власти даже пошли на то, чтобы оплатить пароходной компании «Верманн-Линии» убытки из государственных средств¹⁷.

Надо сказать, что в Германии для африканцев-выходцев из колоний находились самые разные виды занятий. Уже упомянутый Мторо бин Мвенье Бакари выступал, как теперь говорят, как «живой носитель языка». Другой — камерунец Ханс Белл стал музыкантом, пройдя курс «обучения инструментальной музыке»¹⁸. Бывали случаи, когда немцы выказывали специальную заинтересованность в найме африканцев на работу. Так, в 1906 г. некий владелец переплетной мастерской Лемке из Дармштадта пишет в Колониальное ведомство, что «намеревается нанять к своим детям няньку из колоний» и «верноподданнейше просит дать справку об условиях и т.д.»¹⁹.

Однако в те же годы, когда в результате восстаний в немецких колониях изменилось отношение немцев к африканцам, были приняты меры, усложняющие выезд коренных жителей колоний в Германию. Так, в 1906 г. было принято постановление, согласно которому каждый африканец, выезжающий в Германию, должен был уплатить залог, составлявший большую по тем временам сумму в 500 рейхсмарок, получить специальное разрешение губернатора на выезд и еще одно разрешение, если он едет без сопровождения белого. Кроме того, на корабле такой африканец должен был находиться под присмотром самого капитана²⁰. Понятно, что все эти установления значительно ограничивали приток африканцев в Германию.

lin-Lichterfelde, (далее — BABL), фонд 1001 — Reichskolonialamt (далее — RKA), дело 5427, л. (далее — Bl.) 16.

¹⁷ BABL, RKA 5422, Bl. 29.

¹⁸ BABL, RKA 4457 / 6, Bl. 12.

¹⁹ BABL, RKA 7562, Bl. 24.

²⁰ BABL, RKA 7562, Bl. 28.

Однако основной проблемой для германских властей стали не сами африканцы в Германии, а дети от смешанных браков или внебрачных связей. Вот что сообщают о таких детях в Берлин колониальные власти Германской Восточной Африки:

Немногие родившиеся от связей белых с цветными женщинами, которые имеются в протекторате, по сию пору никак себя не проявили. В большинстве своем они чернокожи, воспитываются своими матерями как дети туземцев и в последующие годы вряд ли сознают свое частично европейское происхождение. До сих пор не известно ни одного случая, когда ребенок европейца и туземной женщины чувствовал бы себя принадлежащим к высшей расе и соответственно пробовал бы приравнять свой образ жизни к европейскому. Вряд ли следует полагать, что в обозримое время здесь могут произойти какие-либо изменения.

Поэтому мне представляется, что потребность в издании каких-либо установлений, могущих предоставить определенным потомкам белых <мужчин> и цветных женщин правовой статус не туземцев, отсутствует²¹.

Тем не менее, потребность в определении правового статуса детей-мулатов все же назрела. В 1910 г. кайзер издал специальное распоряжение, подтверждающее ранее принятый закон о протекторатах, где говорилось, что дети-мулаты в правовом отношении занимают то же положение, что и туземцы.

В 1911 г. Министерство колоний дало следующее разъяснение губернатору немецкой колонии Того по вопросу о статусе мулатов:

В смысле употребления языка и в статистических целях для соответствующего протектората следует указывать, что соответствующее лицо соединяет в себе кровь людей двух рас, белой и цветной. Однако поскольку основание для исключения полукровок из статистического количества цветных состоит главным образом в том, что они составляют особый элемент населения, который якобы занимает промежуточное положение между белой и туземной расами, то следует также в дальнейшем учитывать весь образ жизни. Если соответствующее лицо живет главным образом как негр, то его в таком случае не следует статистически относить к полукровкам, даже если оно несет в своих жилах не-

²¹ BABL, RKA 5421, Bl. 22.

которое количество белой крови. В сомнительных случаях решающее значение могут иметь не отдельные телесные признаки, как, например, более светлый цвет кожи, а следует, проверить, указывают ли внешность и поведение в целом, и прежде всего, жизненные привычки, соответствующего цветного на то, что он ведет свое происхождение от белой расы...²².

В 1912 г. бурная дискуссия о детях-полукровках и о признании смешанных браков развернулась в германском рейхстаге. Несмотря на то, что имперское правительство однозначно высказалось против официального признания смешанных браков, рейхстаг принял прямо противоположное решение. В его резолюции от 8 мая 1912 г. говорится:

...обратиться к соответствующим правительствам с просьбой издать законопроект, который признавал бы полноправие браков между белыми и туземцами во всех германских протекторатах и урегулировал бы права тех внебрачных детей, к которым до сих пор не применим свод гражданских законов²³.

В то же время в письме госсекретаря по колониям от 29 июля 1912 г. на имя губернатора Германской Восточной Африки отмечалось, что вопрос о правах детей-полукровок затрагивает интересы белого населения колоний, и губернаторам всех немецких владений в Африке предлагалось высказаться по этому поводу²⁴.

В частности, губернатор Германской Юго-Западной Африки сообщал в Берлин, что ландесрат (орган местного самоуправления белой общины протектората) принял некое промежуточное решение: все смешанные браки, совершенные до 1905 года, т.е. до начала Великих восстаний гереро и нама, рекомендовано было признать законными, а детям от таких браков дать удостоверение, что они считаются белыми²⁵.

В ответ на письмо госсекретаря губернатор Германской Восточной Африки сообщал, что как он, так и местный орган само-

²² BABL, RKA 5427, Bl. 9.

²³ BABL, RKA 5427, Bl. 24.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid., Bl. 24–25.

управления поддерживают позицию имперского правительства, т.е. выступают против смешанных браков с «туземцами»²⁶.

Интересное свидетельство о положении детей-полукровок в Того сохранилось в архиве. Миссионер свидетельствует, во-первых, что детей-полукровок в Того в начале 1913 года насчитывалось 240, что при числе мужчин-европейцев на тот же период, составлявшем 254 человека, из которых к тому же 42 – миссионеры, явно много²⁷.

Миссионеры осуждают внебрачные связи белых мужчин с «туземными» женщинами, говорится далее в письме, но выступают за оформление таких связей в браки.

О положении собственно детей-полукровок говорится:

...мы придерживаемся мнения, что в Того дети-полукровки принадлежат к туземцам. Соответственно эти дети по нашему распоряжению и при содействии наших миссионеров почти всегда воспитываются туземцами. К сожалению, нет недостатка в случаях, когда со стороны отцов заботы о них проявляется недостаточно или не проявляется вовсе. В результате возникают условия, которые вызывают живое возмущение как из-за детей полукровок и их матерей, так и из-за положения европейцев²⁸.

Далее миссионер высказывается о желательности принятия закона, который обязывал бы отцов таких детей-полукровок выплачивать алименты на их содержание²⁹.

Таким образом, в Рейхе существовал широкий спектр мнений по вопросу о смешанных браках с «туземцами», но победила точка зрения правительственных кругов, рекомендовавшая смешанных браков не признавать и причислять детей от таких браков и тем более внебрачных связей к «туземцам».

Более того, представитель правительства заявил в рейхстаге в 1913 г., что теоретически мыслимо предоставлять права подданных империи только некоторым полукровкам, ибо «чистокровные туземцы» не обнаруживают того «уровня образованности и хозяйствования, а также нравственного уровня жизни, который мог бы оправ-

²⁶ BABL, RKA 5427, Bl. 28–29.

²⁷ BABL, RKA 5427, Bl. 33.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

дать уравнение их в правах с немцами». В результате немецкое гражданство в кайзеровской Германии «афронемцам» предоставляли крайне редко и крайне неохотно³⁰.

В Веймарской республике ситуация с «афронемцами» изменилась в том смысле, что они перестали быть гражданами собственных протекторатов, и в ряде случаев им предоставлялось германское гражданство.

Характерен пример с уже упоминавшимся здесь Мторо Бакари. В 1922 г. он был вынужден обратиться к германскому правительству с просьбой о поддержке. В письме он рассказывает о своей работе в качестве преподавателя суахили в Восточном семинаре в Берлине и о том, что в результате потери Германией колоний потерял работу и он. Далее в письме говорится:

Он охотно и дальше послужит ставшему ему милым немецкому народу, если ему будет обеспечена защита и работа. Оставшись после увольнения без средств к существованию, нижеподписавшийся пытался заработать на жизнь себе и своей жене путем чтения лекций о своей восточно-африканской родине. Тот прием, который был оказан его лекциям, а также отзывы преподавателей убедили его в том, что он принес немецкому народу большую научную пользу. Однако в некоторых местах ему пришлось испытать множество неприятностей вследствие недоверия и недопонимания, так как его принимали за солдата французских колониальных оккупационных войск из Рейнской области; его даже как-то выбросили в первом часу ночи замерзать на улицу из последнего постоянного двора, после того, как во всех остальных ему было отказано в ночлеге, явно по недопониманию...³¹.

Он просит у правительства не денег, а охранных грамот, которые обязывали бы местные власти обеспечивать ему ночлег и скидку на проезд — то есть он готов и дальше зарабатывать на жизнь лекциями, если ему будет обеспечена безопасность. Интересно в письме и то, что люди с черной кожей в некоторых областях Германии стали восприниматься как солдаты французских колониальных войск, то есть враги.

³⁰ История германского колониализма. 1983, 175–176.

³¹ BABL, RKA 5422, Bl. 57–58.

История с Мторо Бакари на этом, однако, не кончилась. Министр по делам науки, культуры и образования запросил по поводу его письма Семинар восточных языков о личности просителя. Вот что ему ответили:

...Мторо бин Бакари был нанят в Семинар в качестве преподавателя языка суахили при посредничестве бывшего Министерства колоний весной 1900 г. и вступил в должность в апреле того же года. Он был превосходным преподавателем, с готовностью и усердием отвечавшим всем требованиям, предъявляемым к нему в этом отношении, его служебное и внеслужебное поведение за исключением последних месяцев его службы также было образцовым. Зимой 1904 / 1905 гг. он сообщил тогдашнему директору семинара, что хочет жениться на немецкой женщине. Директор предостерег его от такого шага с одной стороны из-за трудностей, связанных с религиозными различиями — Мторо мусульманин, а его жена христианка — с другой стороны из-за препятствий, которые колониальная администрация Восточной Африки стала бы чинить такому браку в интересах авторитета белой расы. Тем временем и колониальная администрация узнала о намерении Мторо и запретила ему этот брак под угрозой непродления его контракта в Семинаре. Мторо все же заключил брак, ушел из семинара и отправился в Восточную Африку, где ему было разрешено остаться, а его жене — нет. В этих обстоятельствах он вернулся в Германию вместе с женой и, насколько Семинару известно, нашел место в Колониальном институте в Гамбурге как преподаватель суахили. Что стало с ним потом, Семинару не известно. По слухам, во время войны он ездил по стране с лекциями. Данные, приведенные в его прошении, противоречат действительности в том смысле, что он потерял свое место в Восточном семинаре не с началом войны, а уже на Пасху 1905 г., т.е. почти десятью годами ранее...³².

Таким образом, судьба «афронемцев» складывалась в Веймарской республике непросто. Тем не менее, в бывших немецких колониях находились желающие пополнить собой их ряды. Так, например, в 1922 г. в бывшее Министерство колоний пришло письмо из Западной Африки, в котором сообщалось, что «двадцать перво-

³² BABL, RKA 5422, Bl. 61.

классных парней-тоголезцев, десять из них кузнецы, а десять — слесаря» хотят выехать на работу в Германию³³.

Среди архивных документов мне не удалось обнаружить, какое именно продолжение имела данная история, но полагаю, что вряд ли тут было принято положительное решение. В самой Германии безработица росла быстрыми темпами, и лишние рабочие руки из бывших колоний были не нужны. Более того, германское правительство стремилось выслать обратно в Африку тех «афронемцев», что оказались в Германии на положении безработных. Так, Президент Германского колониального общества Зейтц пишет в Германский МИД 14 октября 1925 г. о том, что в Берлине находится некоторое число³⁴ выходцев из Камеруна, Того и Восточной Африки, не имеющих постоянной работы.

Лучше всего, конечно, было бы, — замечает он, — если бы можно было просто отослать этих людей назад в Африку, но у Колониального общества нет на это средств³⁵.

Интересно, однако, что на этом фоне желание нанять на работу африканцев в некоторых специфических секторах, да еще и на хороших условиях, не пропало. Так, например, владелец табачной фирмы из Герлица в 1926 г. делает запрос в Министерство колоний:

...не можете ли Вы обеспечить мне мальчика-негра в возрасте примерно 14 лет? Мальчик использовался бы мной на легких работах, в частности на посылках. Он жил и питался бы в моем доме. Я могу также гарантировать хорошее обращение³⁶.

Надо сказать, что МИД отказал просителю, сославшись на то, что «ему неизвестно учреждение, которое могло бы подыскать мальчиков-негров»³⁷.

Интересно, что в те годы еще выплачивалось пособие по безработице «туземцам-выходцам из бывших германских колоний, поте-

³³ BABL, RKA 7562, Bl. 39.

³⁴ В приложенном списке африканцев с адресами в Берлине и Гамбурге указаны 17 человек. — см.: RKA 7562, Bl. 42.

³⁵ BABL, RKA 7562, Bl. 41.

³⁶ BABL, RKA 7562, Bl. 64.

³⁷ BABL, RKA 7562, Bl. 65.

рявшим работу». Пособие выплачивалось через Немецкое общество изучения туземцев и составляло 200 рейхсмарок в месяц³⁸. Однако уже через два года, в 1928 г., германские власти призывают это Общество максимально сократить выплаты «туземцам»:

Размер произведенных в последнее время выплат дает повод вновь подчеркнуть, что Германская империя (так в тексте. — *А.Б.*) не заинтересована в том, чтобы поддерживать и удерживать в Германии туземцев из своих бывших колоний, шатающихся без дела и без работы. Обоюдным интересам значительно более соответствовало бы, если бы подобные туземцы были как можно быстрее препровождены на родину. Я прошу максимально ограничить случаи выплаты пособий...³⁹.

Куда уж яснее высказать официальное отношение властей Веймарской республики к «афронемцам»! Далее в письме — небезынтесные детали, касающиеся тех из них, кто прошел в Германии профессиональное обучение:

Аква, прошедший обучение как слесарь и шофер, женатый на немке и имеющий семью, будет и впредь получать пособие в 110 рейхсмарок в месяц, пока он может доказать, что он сам невиновен в своем положении безработного.

Всем же остальным туземцам, обученным на ремесленников или торговых служащих, (т.е. только тем, кто имеет за плечами положенный срок обучения) пособия следует выплачивать лишь в том случае, если они предъявят доказательства отсутствия собственной вины в своем безработном положении и дадут письменное обязательство при первой же возможности отправиться на родину за казенный счет. Поскольку подобные туземцы действительно имеют волю к труду и использовали время обучения для приобретения знаний, они с легкостью найдут на родине гарантированные средства к существованию.

Всем же остальным туземцам, в особенности цирковым и киношным статистам, я прошу пособий более не выплачивать, а возможным просителям предлагать отправиться домой за казенный счет»⁴⁰.

³⁸ BABL, RKA 7562, Bl. 61.

³⁹ BABL, RKA 7562, Bl. 69.

⁴⁰ Ibid.

Таким образом, властями был решительно взят курс на высылку «афронемцев» на родину — проблема состояла в том, что «казенные средства», за счет которых предполагалось сделать это, находилось далеко не всегда.

Интересно, что решение о высылке «афронемцев» на родину влекло за собой ряд юридических последствий, в частности, вынуждало их официально оформить свои отношения с сожительницами-немками, если они собирались выехать в Африку всей семьей. Понятно, что немецкой женщине африканец должен был пообещать в будущей жизни на Черном континенте золотые горы. Вот как описывается такой случай в письме Общества по изучению туземцев от 12 июля 1927 г., подписанном Гатцфельдом:

...Сегодня берлинская продавщица Марта Леманн говорила со мной без ведома своего мужа. Она просила моего совета. Михаэль сказал ей, что он получит в Камеруне очень высокую должность, что у нее будет европейский дом и слуги и что он как миссионер будет все время путешествовать вместе с нею. Ее в последнее время все предостерегают, и она в нерешительности. После того, как я изобразил ей те обстоятельства, которые ожидают ее, она заявила сегодня, что она твердо решила не выходить за Михаэля замуж в Берлине и не уезжать с ним в Камерун...⁴¹.

Далее в письме упоминается между делом, что Михаэль уедет в Камерун без жены, но с четырьмя детьми⁴². Это значит, что старая точка зрения, выработанная еще кайзеровской Германией — детей-полукровок рассматривать как «туземцев» — сохранялась и в Веймарской республике.

К слову сказать, герой этой истории — камерунец Михаэль Вонья — все же женился на своей Марте Леманн и увез ее в Камерун. Правда, уже в следующем, 1928 г. она оставила мужа⁴³.

В архиве сохранился удивительный документ, отражающий всю сложность положения «афронемцев» в конце 20-х годов. Это — письмо на имя рейхсканцлера от камерунца Вильгельма Мурумие от

⁴¹ BABL, RKA 4457 / 7, Bl. 42.

⁴² Ibid.

⁴³ BABL, RKA 4457 / 7, Bl. 121.

12 декабря 1929 г.⁴⁴. В нем затрагивается столько проблем, что позволю себе привести пространные выдержки из него:

Я родился 25 июля 1897 г. в Дуале, Германская Африка, как негритянский гражданин рейха, посещал немецкую католическую миссионерскую школу и в 1913 г. приехал в Германию с чувством внутреннего удовлетворения, получив возможность изучить немецкие нравы и обычаи. Я — первопроходец и пионер немецко-камерунского сотрудничества. Я также являюсь первым негритянским гражданином рейха, который сумел пробудить в неграх из немецких колоний в Германии и в Камеруне доверие к немецкому государству. Мои устремления направлены на воспитание молодых немецких негров хорошими гражданами Германии.

Моей первой мыслью всегда было привозить в Германию негритянских мальчиков из Камеруна, чтобы духовно и политически воспитать их для германо-камерунского сближения. Я думаю, что этим я выполню свой долг и предназначение и сблизил оба народа.

В настоящее время в Берлине живут два человека — г-н Эльтестер в МИДе и г-н Мансфельд в Имперском управлении компенсаций. Оба в прошлом — низшие чиновники в Дуале, устремления которых направлены на то, чтобы подорвать имперскую колониальную дипломатию. Я познакомил обоих господ с моими вышеупомянутыми воспитательными идеями, на что они ответили, что не хотят, чтобы молодые немецкие негритянские граждане открывали в Берлине конторы и прочее. Это отрицание целей немецких негров отчетливо показывают, что оба этих господина пользуются методами, не соответствующими направлениям имперской колониальной политики. Это — явное предательство имперской хозяйственной и колониальной дипломатии⁴⁵.

Весь этот теоретический базис, небезынтересный сам по себе, нужен был автору письма, чтобы оправдать свой проступок. Он подделал английские пятифунтовые банкноты —

...из политических убеждений, желая создать фонд обучения камерунских мальчиков-негров на священнослужителей, врачей,

⁴⁴ BABL, RKA 4457/7, Bl. 212–219.

⁴⁵ Ibid., Bl. 212–213.

юристов, коммерсантов и ремесленников, чтобы они в дальнейшем⁴⁶.

В цитируемом письме, написанном в тюрьме, автор от верно-подданнических нот переходит к обвинениям в адрес немцев за несправедливое отношение к африканцам:

Бывшие немцы-африканцы (т.е. жившие в африканских колониях. — *А.Б.*) рассматривают нас, немецких граждан-негров, как своих врагов, которые могут повредить их деловым и личным интересам, поэтому они хотят уничтожить всех немецких граждан-негров, желающих духовно и физически связаться с немецким народом и произрастать тут... Мы, немецкие граждане-негры, живем с чувством глубокой горечи и разочарования...⁴⁷.

Автор письма не теряет надежды найти справедливость в высших органах власти Веймарской республики, однако углублявшийся экономический кризис не способствовал смягчению отношения властей к «афронемцам». С приходом же к власти Гитлера к экономическим факторам добавились и стали превалировать политико-идеологические.

Это хорошо иллюстрирует служебная записка германского МИДа от 7 ноября 1934 г. В ней говорится:

Развитие расовой проблемы в Германии привело к весьма негативным последствиям для проживающих здесь негров из наших бывших протекторатов.

Трудности, с которыми сталкиваются негры в практической сфере расового вопроса, в меньшей мере следует отнести за счет официальных мер, в значительно большей — за счет общего настроения населения.

Из официальных мер, по сообщениям пострадавших, отрицательное воздействие имело изъятие у них немецких паспортов и замена их на иностранные. Это сделало практически невозможным для негров путешествия за границу. Для живущих здесь негров, относительно большое число из которых принадлежит к музыкальным коллективам, это означает не возможность заработка за границей.

⁴⁶ Ibid., Bl. 213.

⁴⁷ Ibid., Bl. 215, 216–217.

Общее настроение населения в расовом вопросе проявляется в том, что негры часто подвергаются личным оскорблениям и изгнанию, в том, что, учитывая настроения публики, ни один предприниматель не осмеливается брать их на работу. Таким образом, и внутри страны возможность заработать деньги для негров практически закрыта. При этом страдают сильнее всего как раз порядочные элементы среди них.

Само собой разумеется, что при таком положении дел среди негров возникает недовольство. Это недовольство особенно неприятно для нас потому, что оно не ограничивается только живущими здесь неграми, но через связи, которые они естественным образом имеют с Африкой, распространяется и в Африке. Неблагоприятное воздействие этих настроений потому особенно сильно, что эти негры вследствие своего многолетнего пребывания в Европе и значительно более широких по сравнению со своими соплеменниками знаний естественным образом имеют на них большое влияние.

Это обстоятельство может возыметь крайне неприятные последствия для Германии, если актуальным окажется вопрос о предоставлении Германии мандатов в Африке. Враждебно настроенные к колониальным устремлениям Германии круги за рубежом наверняка попытались бы приобрести на этом капитал, частично за счет поднабивания негритянского населения соответствующих территорий, а частично за счет прессы и другой пропаганды в европейских странах.

Отсюда следовало бы попытаться по возможности устранить причины для недовольства живущих здесь негров <...> Отправка же живущих здесь негров в Африку по многим причинам представляется неосуществимой. Кроме того, имеются политические возражения против отправки негров домой⁴⁸.

Таким образом, МИД по внешнеполитическим соображениям выступал за смягчение положения «афронемцев» в Германии. Об этих внешнеполитических соображениях — возможном возврате бывших немецких колоний — иногда в Третьем рейхе вспоминали и далее, но превалировала другая тенденция — расистская. Вслед за лишением «афронемцев» гражданства Германии последовала дру-

⁴⁸ BABL, RKA 7562, Bl. 88–90.

гая — чудовищная по своей жестокости акция — насильственная стерилизация «расово неполноценных».

Выплаты, пособий нуждающимся африканцам-выходцам из бывших немецких колоний, однако, продолжались. Так, в архиве хранится документ за 1935 г., в котором приводятся список из 33 человек, получавших такие пособия через Немецкое общество по изучению туземцев. Указываются различные характеристики этих людей, самые разноплановые, типа: «женат», «двое внебрачных детей», «плохая слава» и пр.⁴⁹

В 1937 г. было решено создать «немецкое африканское шоу», в котором были объединены оставшиеся без работы артисты-африканцы. Сделано это было, конечно, не из гуманистических соображений, а в пропагандистских целях — вновь и вновь муссировался вопрос о возвращении Германии колоний. Однако уже в 1939 г. в официальном послании МИДа Министерству просвещения и пропаганды Германии от 4 апреля отмечается, что «колониально-пропагандистское значение выступлений туземцев в таком шоу крайне мало» и шоу предлагается закрыть⁵⁰.

Интересно рассуждение одного из музыкантов-африканцев, тоголезца Квасси Брюса, о культурно-исторической роли Германии в судьбах Африки, высказанное в письме в МИД:

...Мы никогда не приходили в Европу как завоеватели и никогда не пытались поставить Европу на колени или эксплуатировать ее. Это Европа пришла в Африку... Европа обстригла Африку Библией миссионера, конторской книгой торговца и сводом законов белого человека. Европа принесла на наш континент свои проблемы и лишила нас нашего внутреннего мира. Нас заставили перепрыгнуть через века культурного развития, ведь не белый человек приспособливался к нам, а мы к нему. От походного гамака мы сделали скачок сразу к железной дороге и зашли здесь так далеко, что в Того задолго до начала войны при путешествии по железной дороге от покупки билета до сдачи его в конце путешествия путешественник не встречал ни одного белого человека⁵¹.

⁴⁹ BABL, RKA 7562, Bl. 115–117.

⁵⁰ BABL, RKA 7562, Bl. 128.

⁵¹ BABL, RKA 7562, Bl. 94–95.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эти несколько конкретных примеров показывают, как непросто складывались судьбы африканцев, попавших в разное время в главные колониальные державы мира — Великобританию, Францию и Германию. Важно подчеркнуть, что абсолютное большинство из тех африканцев, о которых здесь идет речь, не были представителями «варварской» Африки: они были выходцами из местных очагов цивилизации. Более того, кто-то из них приезжал в Европу не учиться, а учить. Но, конечно, для европейского обывателя все они были варварами. Что говорить о Европе конца XIX – начала XX веков, если ныне, в наступившем XXI веке в нашем отечестве отнюдь неоднозначное отношение не только к африканцам, но и к жителям Кавказа и Средней Азии, которые «еще не успели перейти на иной, более высокий уровень цивилизации и вернулись к обычным, привычным для себя нормам бытия»⁵²?

Важно подчеркнуть, что африканцы, о которых рассказывается в этой статье, были частью того ручейка, который впоследствии превратился в могучий поток «афроазиатизации» мира, по выражению А.Б. Давидсона, и привел к миграционному кризису, разразившемуся уже в нашем веке. Более того, еще в начале XX в. вырабатывались некоторые меры по отношению иммиграции африканцев в Европу, активно дискутируемые в наши дни. Так, в Германии еще в 1906 г. были приняты меры по ограничению приема африканцев из бывших колоний, а с другой стороны в годы Веймарской республики нуждающимся африканцам-иммигрантам выплачивались государственные пособия.

ЛИТЕРАТУРА

Балезин А.С. 2015: Черная Африка и Европа: к проблеме встречи культур в колониальную эпоху. — М.

⁵² Военное обозрение, 13 декабря 2013 г. Цит. по: Давидсон А.Б. 2017, 325.

- Балезин А.С.* 2012: Варварство и цивилизация в доколониальной и колониальной Африке. Восточноафриканское Межозерье // Цивилизация и варварство. Трансформация понятий и региональный опыт. / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). — М., ИВИ РАН, 150–164.
- Бондаренко Д.М.* 1997: Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке. — М.
- Гавристова Т.М.* 2002: Африканские интеллектуалы за пределами Африки. — Ярославль.
- Давидсон А.Б.* 2017: Письма с мыса Доброй Надежды. — М.
- История германского колониализма. 1983: История германского колониализма в Африке / Г. Штеккер (ред.) — М.
- Blakely, Alison.* 1993: Blacks in the Dutch World. — Bloomington a.o.
- Emili Ruete.* 1998: Emili Ruete, born Salme, Princess of Oman and Zanzibar. Memoirs of an Arabian Princess from Zanzibar. — Zanzibar.
- The King's Men.* 1964: The King's Men. Leadership and Status in Buganda on the Eve of Independence. — L.
- Müller F.F.* 1959: Deutschland-Zanzibar-Ostafrika. — B.
- Mukasa H.* 1975: Sir Apollo Kaggwa Discovers Britain. — L.
- Northrup David.* 2013: Africa's Discovery of Europe. — Oxford.
- Pawlikova V.* 1975: Sir Apolo Kaggwa and the Origins of Luganda Literature // Asian and African Studies. 11. 200–201.
- Ruete E.* 1886: Memoiren einer arabischen Prinzessin. — Leipzig.

A.S. Balezin

THE «BARBARIANS» IN THE «CIVILIZED WORLD»
 BASED ON ARCHIVAL MATERIALS AND
 MEMORIES OF AFRICANS

The article discusses a number of little-known stories of Africans in Europe in the mid XIX – early XX century. The article is based on original archival sources and publications of the memoirs of Africans. The fates of Africans coming in different times, to major colonial powers — Britain, France and Germany, were not easy. The vast majority of them were representatives of the «barbaric» Africa: they originated from the centers of civilization. Moreover, some of them came to Europe to study and teach. But, of course, for the Europeans

they were all barbarians. However, they played a huge role in expanding mutual perceptions of «barbarians» and «civilized world».

Keywords: Africans in Europe, the «barbarians» and «civilized world», different and challenging fates, the expansion of mutual perceptions.

BALEZIN Alexander Stepanovich — Doctor of History, Professor, Chief Researcher of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 32A, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russian Federation. — alex.balezin@yandex.ru

REFERENCES

- Balezin A.S. 2015: Chernaya Afrika i Evropa: k probleme vstrechi kul'tur v kolonial'nyu epokhu. — M.
- Balezin A.S. 2012: Varvarstvo i tsivilizatsiya v dokolonial'noi i kolonial'noi Afrike. Vostochnoafrikanskoe Mezhozer'e // Tsivilizatsiya i varvarstvo. Transformatsiya ponyatii i regional'nyi opyt. / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). — M., IVI RAN, 150–164.
- Bondarenko D.M. 1997: Teoriya tsivilizatsii i dinamika istoricheskogo protsessa v dokolonial'noi Tropicheskoi Afrike. — M.
- Gavristova T.M. 2002: Afrikanskije intellektualy za predelami Afriki. — Yaroslavl'.
- Davidson A.B. 2017: Pis'ma s mysa Dobroi Nadezhdy. — M.
- Istoriya germanskogo kolonializma. 1983: Istoriya germanskogo kolonializma v Afrike / G. Shtekker (red.) — M.
- Blakely, Alison. 1993: Blacks in the Dutch World. — Bloomington a.o.
- Emili Ruete. 1998: Emili Ruete, born Salme, Princess of Oman and Zanzibar. Memoirs of an Arabian Princess from Zanzibar. — Zanzibar.
- The King's Men. 1964: The King's Men. Leadership and Status in Buganda on the Eve of Independence. — L.
- Müller F.F. 1959: Deutschland-Zanzibar-Ostafrika. — B.
- Mukasa H. 1975: Sir Apollo Kaggwa Discovers Britain. — L.
- Northrup David. 2013: Africa's Discovery of Europe. — Oxford.
- Pawlikova V. 1975: Sir Apolo Kaggwa and the Origins of Luganda Literature // Asian and African Studies. 11. 200–201.
- Ruete E. 1886: Memoiren einer arabischen Prinzessin. — Leipzig.

С.Е. Голубкина

ВИКТОРИАНСКИЙ ГЕРОЙ В НЕ-ВИКТОРИАНСКОЕ ВРЕМЯ

СЕСИЛ РОДС В КНИГАХ И НА ЭКРАНЕ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ЕКА)

В статье анализируется формирование в англоязычной литературе легенды о «великом строителе империи» Сесиле Родсе, в основе которой лежал образ романтического героя, посвятившего жизнь служению на благо интересов Pax Britannica. Прослеживается путь от восхваляющих биографий первой четверти XX века к английскому фильму 1936 года «Родс Африканский», ставшего ярким выражением имперской колониальной идеологии и ориенталистских клише по отношению к «варварскому черному континенту».

Ключевые слова: Британская империя, Южная Африка, колониализм, расизм, Сесил Родс, образ Африки, история кино.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В плеяде наиболее знаменитых людей, связанных с историей Британской империи, особое место занимает имя «алмазного конкистадора» Сесила Родса. Споры о его наследии не утихали никогда. В историографии отношение к нему как «строителю империи» изме-

ГОЛУБКИНА Светлана Евгеньевна — магистр истории кафедры новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ). Российская Федерация, 603950, Нижегородская область, Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23, к. 1. — golubkina.svietlana@mail.ru

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 216–259
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 216–259

нялось от преобладающей положительной, почти агиографической оценки до крайне негативной. Вектор этих изменений, очевидно, отражал трансформацию отношения к системе колониализма как такового, и к результатам «бремени белого человека» в Африке, в частности.

С уверенностью можно сказать, что героический ореол вокруг имени С. Родса начал складываться еще при его жизни. В 1889 г. им была основана Британская южноафриканская привилегированная компания, а через год он стал премьер-министром Капской Колонии. К 1891 г. под его руководством были завоеваны огромные территории, ставшие британскими колониями. Имя Сесиля Родса с этого момента не только пополнило список национальных героев империи, но и воплотилось в названии ее новых владений (Родезия), стало свидетельством того, что великие дни Pax Britannica еще не прошли. Многие современники видели в нем воплощение англосаксонских идеалов «self-made man».

Удар по репутации был нанесен в результате знаменитого рейда Джеймсона¹, после которого Родс вынужден был покинуть пост премьер-министра и, на первых порах, не избежал значительной волны порицания в метрополии. В этот период критика политических методов С. Родса достигла апогея, однако ему вскоре удалось вернуть утраченные позиции. Но и при распространяющемся в общественном мнении скептицизме и осуждении, они, по всей видимости, уходили на второй план перед восхищением масштабом его мыслей и действий.

Наиболее ярким примером амбивалентного отношения к фигуре Родса служат слова *Марка Твена*. Описывая свои путешествия в изданной в 1897 г. книге «По экватору», знаменитый автор сетовал, что из всех достопримечательностей Африки ему не удалось увидеть лишь Сесиля Родса:

¹ Рейд Джеймсона (29.12.1895 – 02.01.1896) — рейд на Трансваальскую Республику под руководством британского колониального чиновника Линдера Джеймсона родезийских и бечуаналендских полицейских формирований. Его невыполненной целью было вызвать восстание трансваальских ойтландеров. После перехода отрядом границы Трансвааля, он почти сразу был обезоружен и взят в плен бурами. Участники были преданы суду.

Будь мистер Родс действительно благородным и почтенным патриотом и государственным деятелем, каким считают его тысячи людей, или будь он сам дьявол в образе человека, каким считают его все остальные, он все равно является самой импозантной фигурой в Британской империи за пределами Англии. Когда он стоит на мысе Доброй Надежды, тень его падает до Замбези. Он единственный колонизатор во всех британских доминионах, чье каждое движение служит предметом наблюдения и обсуждения во всем мире и чье каждое слово передается по телеграфу во все стороны земного шара; он единственный человек некорольского происхождения, чей приезд в Лондон привлекает такое же внимание, как затмение солнца.

И далее:

Он сделал все что мог, дабы обеспечить свое падение; на его месте десятка полтора великих мира сего рухнуло бы со своих пьедесталов, а он и по сей день стоит на головокружительной высоте, под самым куполом неба, оставаясь чудом своего времени, загадкой нынешнего века, архангелом с крыльями — для одной половины мира, и дьяволом с рогами — для другой. Откровенно признаюсь, я восхищаюсь им; и когда пробьет его час, я непременно куплю на память о нем кусок веревки, на которой его повесят².

После рейда Джеймсона С. Родсом было сделано многое ради восстановления своей репутации. Но в 1899 г. разразилась англо-бурская война, вызвавшая огромный международный резонанс и сильно ударившая уже по самой Британской империи. Стало ясно, что события 1895 г. были «первым звоночком» перед большим конфликтом. Снова неизбежно вставал вопрос о роли алмазного магната в этих событиях: не были ли они следствием его политики? Какова его роль в развязывании войны?

В условиях борьбы за Южную Африку образ С. Родса приобрел по-настоящему идеологическую окраску. С момента начала войны в Лондоне будет издано множество его жизнеописаний, главным лейтмотивом которых станет поклонение «сыну матушки Британии». В 1899 г. писатель *Джордж Гриффит*, пользовавшийся за-

² Твен М. 1961, 562–564.

метным успехом у британской публики после фантастического романа «Ангел революции», выпустил в свет сборник эссе «Люди, которые создали империю», в которой С. Родс завершал плеяду великих национальных героев, таких как Оливер Кромвель, Джеймс Кук, Лорд Клайв, адмирал Нельсон, Чарльз Гордон.

Задачей автора эссе, очевидно, было не просто рассказать о жизни и деяниях южноафриканского деятеля, но сделать это в определенном свете: раскрывая суть английской позиции в англо-бурском конфликте и расставляя ударения на верности решений. Так утверждалось, что Африка — последний континент, на котором для Британской империи было возможно увеличить свои территории «без конфликта с какой-либо уже установленной и признанной властью, более или менее цивилизованной»³. Правительство Трансваала таковым, по мнению автора, не являлось. Мечтой его главы Поля Крюгера было объединение Южной Африки под псевдореспубликанским правлением, которое на деле привело бы к коррупции и тиранической олигархии Претории. Заявлялось, что лишь британское правление во главе с С. Родсом могло защитить Южную Африку от этой архаичной, противоестественной модели развития и от восстания туземного населения. Гриффит назвал С. Родса *единственным человеком, которому полностью доверяет бурское большинство в Капском парламенте, и которого уважают все туземные племена*⁴. Бурской идее была противопоставлена «естественная, логичная и даже опережающая свое время» идея создания Южно-Африканской федерации королевских колоний, по-настоящему «республиканских» и самоуправляемых, каждая из которых ответственна за свои дела и наслаждается равными свободами под единым британским флагом.

Подобное острое противопоставление двух проектов (за двумя главными именами — П. Крюгера и С. Родса), присутствует и в предисловии к изданию сборника речей Сесиля Родса, вышедшего в годы войны. Издатель отмечал, что его фигура слишком пострадала от журналистов и сборник призван рассказать о нем в правильном ключе. Речи должны были пролить свет на борьбу двух конкурирующих

³ Griffith G. 1899, 284.

⁴ Ibid. 303.

идей: имперской идеи (демократической и прогрессивной), предлагающей равные права для каждого цивилизованного человека вне зависимости от расы и республиканской идеи (аристократической и реакционной), с преимущественными политическими правами для олигархии бурских фермеров, основанной на профессиональной иерархии, и значит, в действительности опирающейся на расовое неравенство⁵.

В этом ракурсе биографам важно было показать, что за проектами С. Родса стояло не просто расширение империи вглубь африканского континента, но также распространение цивилизации и прогресса. Однако, и в начале XX века не все были согласны с такой позицией. Апологеты отвечали на это просто: у по-настоящему великих людей всегда есть недоброжелатели. Так, тот же Дж. Гриффит писал, что враги С. Родса на деле являются врагами своей собственной страны, вне зависимости от их национальности.

К таковым он отнес писательницу Оливию Шрейнер, ставшую самой знаменитой выразительницей противоположного взгляда. Слава этой женщины с конца 1880-х гг. была поистине огромной (оказавшись после первого своего произведения в центре культурной жизни Лондона, она могла похвастаться знакомством с О. Уайльдом, Р. Хаггардом, Гладстоном и многими другими), а ее романы переводились далеко за пределами ее родины — Капской колонии. Повесть «Рядовой Питер Холкит из Машоналенда» (1897 г.) принесла ей известность человека, не боявшегося высказывать протест против жестокой британской колониальной экспансии и всемогущего южноафриканского алмазного магната. Главным героем этого рассказа стал английский военный, в котором без труда угадывается один из родовых пионеров. Издание открывалось фотографией виселицы с трупами африканцев. Объясняя популярность О. Шрейнер среди читателей в начале прошлого века и мгновенное издание переводов, А.Б. Давидсон пишет:

В ту пору «раздела мира», когда общественное мнение Европы считало колониализм явлением естественным и даже благотворным, «Питер Холкит» — пожалуй, первое художественное про-

⁵ *Verschoyl F.* 1900, 8–10.

изведение, в котором преступления колониализма осуждались так беспощадно⁶.

В годы англо-бурской войны О. Шрейнер встала на сторону бу-ров, хотя этот выбор представлялся не столь очевидным: в своих произведениях она многое критиковала в их образе жизни (см. «Историю африканской фермы»). Кроме прочего, писала она на английском языке и по матери была англичанкой. Сегодня О. Шрейнер называют родоначальницей англоязычной художественной литературы Южной Африки. Но тогда, в начале XX века, отношение к ее произведениям обозначало отношение к реалиям расовых конфликтов и колониальному делению мира.

По силе воздействия на современников критику действий С. Родса, высказанную писательницей, можно сравнить лишь с работами знаменитого и по сей день британского экономиста Джона Аткинсона Гобсона. Его посещение Южной Африки в 1899 г. в качестве штатного журналиста газеты «The Guardian», события, стало основой для формирования теории, объясняющей феномен империализма.

В небольшой брошюре «Капитализм и империализм в Южной Африке» (1900 г.) он доказывал, что первопричина современных проблем лежит в растущей необходимости влиятельных в экономике людей стать еще и управителями политической жизни⁷. Подробнее развиты эти тезисы в работе «Война в Южной Африке: её причины и последствия» (1900 г.), а также в обобщающем труде «Империализм» (1902 г.), который и принес ему настоящую славу. Автор смело заявил, что желание распространения цивилизации и христианства, улучшения экономического и интеллектуального состояния низших рас, уничтожение рабства — составные части империализма, но не главный его мотор, а скорее факторы, носящие искупительный характер. Реальной —

...движущей силой агрессивного империализма являются организованные силы конкретных профессиональных и коммерческих классов, которые стремятся получить определенные экономические преимущества под псевдо-патриотическими предложениями⁸.

⁶ Давидсон А., Филатова И. 2010, 181.

⁷ Hobson, J.A. 1900.

⁸ Ibid. 28.

В силе этих классов, оказывающих прямое влияние на политическую жизнь и косвенное — через прессу — на общественное мнение, он и видел главный источник бед.

Оценка Дж. Гобсоном Сесила Родса носила поистине ревизионистский и новаторский характер. В ракурсе выдвинутый теории, он — не великий строитель империи, не уникальный по своим качествам человек, а лишь успешный капиталист, главная цель для которого — нажива. В его карьере и деятельности на «черном континенте» в чистом виде проявился феномен «нового империализма». Автор доказывал, что Родс не был «империалистом от рождения», но стал им из соображений финансовой выгоды: достаточно посмотреть на законы, принимавшиеся в пользу его компании (освобождение от налогов, разрешение системы компаундов и каторжного труда)⁹.

Любопытно, что, по мнению Дж. Гобсона, власть западных народов над тропическими странами не всегда является незаконной. Он верит в возможность «просвещенной политики культурной взаимопомощи», ставя условие, что вмешательство в дела «низших рас» прежде всего должно обеспечивать безопасность и прогресс мировой цивилизации, а не специфические интересы вмешивающейся нации. Но если «здоровый империализм» посвящает себя покровительству, воспитанию и органическому развитию «низшей расы», то «нездоровый» — «обрекает эти расы на экономическую эксплуатацию белых колонистов, пользующихся ими как «живым инструментом», а их землями — как хранилищами руды и других сокровищ»¹⁰.

Примером именно такой «нездоровой» системы явилась для Гобсона современная ему Южная Африка, где государство не заботится о благе управляемых народов, но повсеместно использует различные средства принуждения для того, чтобы заставить туземцев работать ради выгоды белых хозяев. Владельцы рудников Трансвааля и Родезии рассматривают налоговое обложение как важное средство к достижению этих целей и уверены в этом своем праве. Горнопромышленники становятся управителями политики. В этом свете, активно критикуя систему законтрактованного труда, автор оценивает и знаменитый Глен-Грей Акт, отношение к которому впослед-

⁹ Ibid. 11–13.

¹⁰ Гобсон Дж. 1927, 196–197.

ствии станет «лакмусовой бумажкой» при оценке работы С. Родса в Южной Африке у разных биографов.

Только, когда алмазные россыпи очутились в затруднительном положении из-за недостатка рабочих рук, вследствие чего пришлось поднять заработную плату, — только тогда м-р Родс, главный собственник копей, использовал свое положение Капского премьера и провел через парламент акт, который должен был помочь Де-Бирс заполучить дешевые рабочие руки¹¹.

На Родса и других крупных промышленников, финансистов, акционеров Ранда, автор возложил ответственность за рейд Джеймсона и развязывание войны с бурами. Он не идеализирует последних, но встает на их защиту, доказывая, что в последние годы политика Трансвааля занимает оборонительную позицию.

У любого образованного, «высокоморального» человека не вызывает сомнений тот факт, что цивилизация Йоханнесбурга, кажущаяся незрелой, показной и меркантильной, бедной на «высокие идеалы», тем не менее хорошо приспособлена к характеру и интересам ее жителей¹².

Главное обвинение Дж. Гобсона обоюдоострое и заключается в том, что глав горнодобывающих компаний не волнует ни прогресс «нижних рас», ни интересы Британской империи — они руководствуются лишь своими эгоистическими интересами и максимальной прибылью.

Заметим, что такая интерпретация истоков англо-бурской войны, освещавшая фигуру капиталиста С. Родса в совершенно новом свете, имела место в британском обществе сразу после начала войны, но, как справедливо отмечает Т.Н. Черкашина, «именно английский экономист и журналист Дж. Гобсон развил данный тезис наиболее обстоятельно»¹³. Он проанализировал впечатляющее количество документов различного происхождения и статистического материала.

При этом, мысли, высказанные О. Шрейнер и Дж. Гобсоном, наиболее верно было бы охарактеризовать как исключения из пра-

¹¹ Там же. 212–213.

¹² *Hobson J. A.* 1900, 18.

¹³ *Черкашина Т.Н.* 2007, 183.

вила. Провозглашение С. Родсом цели создания «единой цепи британских владений от Капа до Каира» в период, когда с борьбой за последний не поделенный континент и общей политической стратегией по отношению к колониям начинает связываться все благополучие английской нации, сделало его героем дня. В эпоху «колониальной горячки» образ Сесила Родса — «настоящего человека действия» — стал олицетворением неоромантизма. Его жизнь казалось сравнимой с жизнью героев приключенческих романов Р.Л. Стивенсона и Дж. Конрада, воплощавших —

...моральное кредо долга и самопожертвования, дисциплины и веры, гармоничного единства силы духа и физической мощи» и воспевавших целеустремленность, готовность к риску и борьбе, жажду странствий, преодоление препятствий не ради богатства, а ради выполнения долга перед своей матерью-родиной¹⁴.

Он — кумир для англичан, поддерживавших колониальную политику Дж. Чемберлена и пропагандирующих особую миссию белого человека.

26 марта 1902 г. С. Родс умирает, так и не дождавшись окончания войны. Одним из главных центров памяти становится Оксфорд, в котором он получил магистерскую степень, и которому завещал свое наследство для учреждения стипендии, действующей и по сей день. Здесь, в 1907 г. даже был издан сборник стихов, посвященных различным эпизодам его жизни. Их автор, Теодор Дантон, писал о самоотречении Родса от «земных благ» во имя идеи и выражал уверенность, что именно благодаря таким людям, благодаря огромной силе их духа, Англия смогла противостоять соперничеству с Германией и Португалией в Южной Африке и по сей день оставаться «владычицей морей»¹⁵.

Главные «официальные» биографии «алмазного короля» были изданы в 1910 г. Их авторами стали Льюис Мичел и Томас Фуллер — люди, лично знакомые с С. Родсом. Обе работы носили хвалебный характер. Не отрицались некоторые очевидные негативные эпизоды, но тут же объяснялось, почему их невозможно было избежать.

¹⁴ Богомолов С.А. 2004, 26–29.

¹⁵ Watts-Dunton T. 1907.

В предисловии к своей работе Л. Мичел, писал:

Я не буду доказывать что все, что он делал — похвально, но буду демонстрировать, что он был великим человеком, великим даже в своих недостатках и все, что он делал, было ради распространения цивилизации и ради своей страны¹⁶.

Т. Фуллер, прибегая к сравнению Сесиля Родса с Наполеоном Бонапартом, указывал, что они были схожи не только в обширности своих планов, но также и в некоторых слабостях. Автор доказывал, что основатель Родезии никогда не был сторонником солдатских методов и был бы рад обойтись без них, но считал войны с местным населением неизбежными ради победы цивилизации над варварством¹⁷. Отмечалось, что именно эта высокая и благородная цель, необходимым звеном которой является объединение рас Южной Африки, была руководящим мотивом его деятельности, но, к сожалению, П. Крюгер стоял на пути ее реализации. Т. Фуллер постарался подробно остановиться на анализе идей Родса, считая представления об имперской миссии и избранности англо-саксонской расы религией его героя. Связь С. Родса с рейдом Джеймсона представлялась, скорее, как несчастный случай. Он с самого начала относился к этому плану с тревогой и сомнением, хоть и полностью принял ответственность на себя, став, в итоге, его главным пострадавшим. В целом, Л. Мичел и Т. Фуллер придерживались апологии, «прощая» С. Родсу его промахи и восхищаясь великими задачами и внушительными результатами.

В одном ряду с этими биографиями стоит работа британского историка и журналиста *Яна Колвина*, вышедшая в год десятилетней годовщины со дня смерти С. Родса (1912 г.)¹⁸. В ней автор описывает его как политика, всегда руководствовавшегося интересами империи и человечества, ставившего их в деловой и общественной жизни выше собственных интересов. Автор, к примеру, приводит информацию о финансировании Родсом строительства железнодорожных и телеграфных линий из собственного кармана. Рейд Джеймсона в его работе предстает оправданным обстоятельствами.

¹⁶ *Michell L.* 1910, 65.

¹⁷ *Fuller T.* 1910.

¹⁸ *Colvin I.D.* 1912.

К памяtnому 1912 г. (десятилетней годовщине смерти) вокруг имени Родса выстроилась определенная легенда, романтический ореол. В Кимберли закончилось строительство монументального мемориала по проекту архитектора Герберта Бейкера в его честь: сорок девять ступеней символизировали каждый год жизни человека, который «любил Южную Африку и служил ей». На его открытии Лорд Грей произнес:

Критика, в такое время как наше, уступает место благоговейной и искренней признательности за все лучшее и бескорыстное в нашем друге¹⁹.

Однако, и в этих словах можно заметить желание избежать крайностей. Расизм и агрессивная политика начинают оправдываться тем, что Родс был «сыном своего времени». Отмечалась сложность объективной оценки его деятельности для современников, невозможность отделить зерна от плевел. Несмотря на обилие работ, высказывалось мнение, что «спокойный свет лампы на столе историка еще не осветил фигуру, столь великую и столь спорную»²⁰. И, тем не менее, образ Родса оставался символом гордости за империю и ее великую миссию по управлению дикими народами. В целом, в литературе о нем неизменно подчеркивалось, что деньги интересовали Родса лишь как средство достижения глобальных целей колониальной политики. Значительное внимание уделялось роли поставленному ему смертельному диагнозу и небогатого происхождения. Создавалась история восхождения «сына простого викария», которому смерть всегда наступала на пятки, до званий «покорителя Африки», «африканского Наполеона» «алмазного короля» и «отца Британской Империи». Родс характеризовался как друг туземцев, их защитник и покровитель.

В 20-е гг. такой ракурс в историографии остается главенствующим. В качестве примера можно привести статью о С. Родсе в сборнике «Портреты XIX века» Т. Рэймонда и биографию авторства Бэзила Уильямса, в которой особенно четко прослеживается мысль о решающей роли личности в истории²¹. Восторгаясь качествами ге-

¹⁹ *Markham V.* 1913, 30.

²⁰ *Ibid.* 28.

²¹ *Raymond E.T.* 1921.

роя, автор, как бы предвосхищая вопросы критически настроенных читателей, пишет: «В основе его империализма, несмотря на все тяжкие ошибки, было желание оказать добрые услуги для человечества»²². Количество вышедших к концу 20-х гг. различных биографий С. Родса было крайне внушительным, что, учитывая ожидания публики, ставило высокую планку для писателей. Вот симптоматичный пример: на очередную биографию — работу 1928 г. — рецензент газеты «New York Times» отзывался следующим образом:

Мистер Макдональд <...> мало добавил к нашему пониманию личности Родса. Он ни каким образом не попытался провести аналитическое исследование о нем; не попытался выявить тонкий конфликт человеческих эмоций, уравновешенный проверкой критических оценок и приправленный использованием воображения, что могло бы дать не только более живой и драматический портрет великого человека, но и помочь оценить и понять по достоинству его величие и место в британской истории, как одного из немногих представителей империализма XIX века <...>²³.

К началу 20-х гг. XX в. можно с уверенностью говорить о сложившемся в англоязычной историографии культе «строителя империи» Сесиля Родса. Книжки о нем фиксировали, отражали и формировали общественное умянастроение. В них был создан образ романтического героя, делом жизни которого было служение своей стране — Великой Британии. В этом образе идея цивилизаторской миссии, существующая в национальном сознании, соединилась с патриотической пропагандой, одним из компонентов которой, безусловно, был культ строителей империи. Его миссией в мире считалось просвещение нецивилизованного народа во имя распространения цивилизации на земле.

Заметим, что колониальная тематика и воспевание империи характерно для английской идеологии в викторианский период — период расцвета. Однако, из приведенного анализа следует, что воспевание благ, которые несет империя (в данном случае, глава «пионеров» Родс в дикуую Африку) сохранилось в литературе и на

²² Basil W. 1921, 6.

²³ The New York Times. June 17, 1928.

протяжении первой четверти XX в., то есть во время кризиса отношений Англии со своими колониями и потери Британской империей своих лидирующих позиций на мировой арене. Легенда, сложившаяся вокруг имени Родса, продолжала существовать на его родине, вольно или нет оправдывая методы колониальной экспансии, поэтизируя ее. Тогда, в период продолжавшегося колониального дележа мира, успех Сесила Родса подтверждал главную идею британской имперской историографии об эффективности Великобритании в управлении заморскими территориями и служил очевидным целям восхваления могущества и благородства белого человека.

«СЕСИЛ РОДС» С.Г. МИЛЛИН, НЬЮ-ЙОРК, 1933 ГОД

В общей историографической плоскости с более ранними работами лежит и изданная в 1933 г. в Нью-Йорке биография Сесила Родса пера Сары Миллин. Она смогла завоевать особый успех и неслучайно, среди десятка написанных к тому моменту биографий, именно это исследование было выбрано в качестве основы для сценария к фильму 1936 г.

В течение 20-х гг. Миллин было создано несколько художественных романов с острой социальной тематикой. Первое значительное произведение — «Божьи пасынки», посвященное греху кровосмешения, было сдержанно принято в Южной Африке и ее метрополии, но зато имело просто ошеломительный успех в США. А после работы «Южно-Африканцы» (1926 г.) ее имя стало хорошо известным и на родине²⁴. Некоторые ее романы привлекли внимание и в Советском Союзе, были переведены на русский язык²⁵. Зарубежные газеты отзывались хвалебно на ее счет, и в 1930 г., на волне успеха, она предпринимает тур в Соединенные Штаты Америки, где была встречена как литературная знаменитость²⁶. Благодаря дружбе

²⁴ Green M. 1991, 4.

²⁵ «Божьи пасынки» (1924 г.), рус. пер. — «Цветная кровь» (1927 г.), «Явление господ» (1928 г.), рус. пер. — «На высотах Гибсона» (1930 г.).

²⁶ См., напр.: The New York Times. February 10, 1925 («God's stepchildren»); The New York Times. April 3, 1927 («The South Africans»), The New York Times. August 4, 1929 («The Fiddler»).

с Яном Сметсом (премьер-министром Южной Африки в 1919–1924 и 1939–1948 гг.), Миллин имела возможность встретиться с президентом Гувером и стать гостьей в доме Франклина и Элеоноры Рузвельт²⁷. Исследователи называют С.Г. Миллин самой успешной южноафриканской писательницей своего поколения, одной из наиболее влиятельных интеллектуальных фигур в 1920–1930-е гг. в Южной Африке, но в то же время — одним из самых критикуемых авторов в настоящее время. Причина в том, что если ее ранние работы были отмечены сочувствием к небелому населению, то более поздние отличались консервативными, правыми взглядами, поддержкой расистских теорий и политики апартеида²⁸.

Биография Сесила Родса пера южноафриканской писательницы привлекла значительное внимание в США: журнал «The American Review» назвал работу писательницы одной из самых интересных биографий за последние годы, а в «The Saturday review», указав на остроумный шарм повествования, выразили убеждение, что книга должна быть прочитана широкой публикой²⁹. Многие рецензенты указывали на особое понимание Миллин ситуации в Южной Африке изнутри, ее культурную близость к «родсовским» местам³⁰.

На родине алмазного магната новая книга также не могла остаться незамеченной. Обозреватель британского журнала «The Spectator», внеся несколько уточнений в детали биографии, писал:

Стиль повествования миссис Миллин, иногда сбивающий с толку, возможно, не каждому придется по вкусу. Но в целом это живая, образная, остроумная и проникательная книга, автор которой обладает важным даром для любого биографа — даром проникновения в разум и чувства человека, не теряя при этом способности смотреть на него со стороны³¹.

²⁷ Shain M., Pimstone M.

²⁸ Matthew E. 2013, 396.

²⁹ The American Review. November 1933; The Saturday Review of Literature. September 9, 1933.

³⁰ The Literary Digest. September 16, 1933; The New York Times. 10 September, 1933.

³¹ The Spectator. 10 March 1933.

На несколько спорных моментов было указано и в рецензии, появившейся в журнале Королевского Африканского Общества, что не помешало в целом хвалебному тону³².

В работе С.Г. Миллин повторялись все главные элементы героического образа Сесила Родса. В книге последовательно прослеживались все важные периоды его жизни, начиная с юношеских лет. Значительный акцент был сделан на состоянии здоровья и огромной целеустремленности, благодаря которой, как видится автору, Родс смог прожить до 49 лет. Приводя тексты знаменитых завещаний, она подробно останавливалась на «великих идеях» своего героя, считая их его главными вдохновителями. Указывая на влияние Рёскина, Дизраэли, Дарвина, увлечение историей Рима и любовь к классическому труду Гиббона, С. Миллин не раз повторяла, что «идея расширения Британской империи везде, где это было бы возможно, никогда не покидала его» и была его религией. Как и многие другие биографы до нее, она часто прибегала к сравнениям его личности с Александром Македонским, Цезарем, Наполеоном Бонапартом.

Стараясь создать подробный психологический портрет, много внимания автор уделила размышлениям о качествах характера Родса. В ее книге мы знакомимся с уникальным для Южной Африки человеком, «англичанином до мозга костей», который всегда опережал своё время, был полон планов и точно знал, чего хотел. Восхищению его личностью не мешало признание недостатков его натуры. Например, признавая, что Родс не был отличным оратором, Миллин делала оговорку, что речи его, тем не менее, всегда были прямыми, искренними, смелыми. Отмечалось практическое отношение Родса к деньгам: он знал им цену, но они интересовали его лишь как средство достижения целей, сам он мог довольствоваться скромными условиями жизни. Но тут же следовало уточнение, что ему не чужды были подкупы, взятки и тому подобные методы. Он умел находить разные подходы: мог быть властным и безжалостным, а мог — уступчивым, сочувствующим, будучи уверенным, что у каждого человека есть своя цена. Это не делало его портрет негативным. Миллин пишет: «Родс был романтиком, и романтизм удерживал его от цинизма». В другой главе встречаем:

³² Wyndham H.A. 1933.

Даже враги никогда не называли Родса лицемером. Мошенником, лгуном, негодяем, воплощением идеалов капитала, человеком бессовестным, являющимся проклятием для своей страны, но никогда — лицемером.

В ее работе читатель найдет и другие недостатки характера С. Родса: он был неуклюж, беспокоен, не внимателен к выбору одежды, не ладил с женщинами, слишком много говорил о своих идеях, имел страстный и порой просто неконтролируемый характер и, в этом отношении, был далек от идеала. Она проницательно отметила, что подобный человек никогда бы не стал получателем стипендии С. Родса. Но этот факт и определенные негативные качества, в итоге, лишь подчеркивали величину его достижений, учитывая подобные препятствия.

В своей работе Миллин уделила большое внимание фоновым событиям, в том числе истории бурских поселений в Южной Африке, открытию алмазных месторождений, золотой лихорадке, англо-германскому соперничеству, популярности империалистических идей и т.д. Отдельно стоит остановиться на том, как был преподнесен расовый конфликт и отношение главного героя ее книги к туземцам и бурам. Ведь именно этот вопрос — краеугольный камень, вызывающий самые различные трактовки в историографии, от ответа на который, в конечном счете, и зависит финальный приговор.

По мнению автора, С. Родс был человеком, которому не была присуща враждебность к другим расам, несмотря на отсутствие сомнений в том, что переустройство мира на английский манер — это путь к совершенству. Он был хорошо известен благодаря этой идее³³. В 1880-е гг., когда в его лексиконе часто звучали слова «цивилизация» и «белый человек», Родс следовал бурской традиции, так как всеми силами стремился к союзу с Бондом. После рейда Джеймсона, когда отношения с африканерами были испорчены, он все чаще выступал за равные права. Отношение к туземцам претерпевало изменения с течением времени, однако Родс всегда сохранял колониальный взгляд: с одной стороны заявляя, что «не думает, что они отличны от нас», с другой — называя их детьми³⁴. Снова возвраща-

³³ *Millin S.G.* 1933, 219.

³⁴ *Ibid.* 255.

ясь к аналогиям с античным миром, Миллин сравнивает завоевание Родсом матабелов с завоеванием Цезарем германцев, как это описано у Гиббона. За проскальзывающим между строк сочувствием к местным жителям следовало утверждение, что столкновение было неизбежным: туземцам хотелось бы жить так, как веками жили их предки, но это невозможно. Автор не отрицала, что договор о концессиях с Лобенгулой был подписан им сообща с Джеймсоном и А. Бейтом обманным путем и подробно останавливалась на попытках туземного вождя балансировать, сохранить свои земли и мир для своего племени. При описании ситуации, в которой, по ее мнению, только Лобенгула сдерживал столкновение белых и туземцев, нет слепого поклонения Родсу: читателям становится ясно, что герой ее книги через многое переступал ради достижения своих целей. Не скрывая ужасающее количество жертв неравной борьбы, она заключает:

Заставил ли он матабеле страдать? Он всегда был человеком уверенным, что меньшее должно уступать место великому. Любил он деньги, власть и славу? Любили и Александр, Цезарь, Траян и Наполеон — люди, истории жизни которых он изучал³⁵.

Вслед за многими другими биографами (примерно такие же строчки мы можем встретить, к примеру, в биографии Т. Фуллера) Миллин писала, что Родс никогда не любил военных методов, и всегда, где это было бы возможно, старался разрешить ситуацию мирным путем. Она создает картину, в которой, несмотря на все сочувствие к участи туземцев, присутствует ясное понимание невозможности другого пути: ведь мир изменяется, а они нет. Рассказывая читателям о том, что сыновья Матабеле служили у Родса в качестве слуг, она пишет:

Правда в том, что туземцы чувствуют, что белый человек — так как он белый — превосходит их. Сыновья туземных вождей благодушно работали в европейских домах, не сокрушаясь на этот счет. Они любили Родса и были рады служить ему.<...> Не так просто, даже просто чисто по-человечески, судить о том, каковы права нецивилизованных людей в цивилизованном мире³⁶.

³⁵ Ibid. 212.

³⁶ Ibid. 212.

Не раз в своей книге, она указывала на то, что туземцы уважали Родса, называя его своим отцом, а своих детей — его именем³⁷. Система компаундов, созданная «Де-Бирс», получила в работе положительную оценку как эффективная мера борьбы с воровством, а принятый при содействии Родса Глен-Грей Акт был охарактеризован как эффективная стратегия для решения туземного и рабочего вопросов, которая, к сожалению, не была полностью реализована³⁸.

Что касается описания автором англо-бурского конфликта, невозможно не отметить ее попытку понять ситуацию с двух сторон. Лейтмотивом выступила, однако, та же логика, как с туземцами: за Паулем Крюгером стоял старый уклад жизни. Тем не менее, по мнению Миллин, Сесил Родс всегда поддерживал капских буров и готов был с ними сотрудничать. Будущее он видел в союзе двух белых наций, но не отказывался от главной идеи — Соединенных Штатов Южной Африки как части Британской империи. Диалог не удался не по вине южноафриканского магната, но из-за людей близких ему либо... волею судьбы. Так, в дни, предшествующие подписанию концессии Лобенгулой, переговоры Родса и Крюгера сорвались из-за убийства бурского посланника племени бечуана, однако президент Трансвааля был уверен, что в этом деле не обошлось без англичан. Но главное, что всю ответственность за рейд 29 декабря 1895 – 2 января 1896 гг. Миллин полностью возложила на Л. Джеймсона, на отсутствие у него терпения и изрядную самоуверенность. По ее мнению, Родс слишком привык доверять людям и за это поплатился: провал Джеймсона стоил ему больше, чем любой другой предыдущий успех. В конце концов, алмазный магнат и стал главным пострадавшим от этого события, так как уже не смог полностью восстановить прежнее влияние на политическую жизнь Южной Африки. В целом, в своей версии биографии С. Родса, Миллин высказала несогласие с популярной позицией, что англо-бурская война стала непосредственным следствием рейда: она «была результатом вековой вражды между бурами и англичанами»³⁹. Она отвела от Родса обвинения в развязывании англо-бурской войны, считая их не

³⁷ Ibid. 37, 211.

³⁸ Ibid. 234–240.

³⁹ Ibid. 326–327.

просто необоснованными, но противоречащими его главным целям. Знаменитый владелец «Де-Бирс» всегда был сторонником переговоров и до последнего не верил в реальную возможность вооруженного противостояния, в отличие от главных его зачинщиков — П. Крюгера, Дж. Чемберлена, А. Милнера.

Миллин бесконечно восхищалась Сесилом Родсом: его дальновидностью, романтичностью, целеустремленностью. Но эту биографию уже невозможно было бы называть чопорной апологетикой, пропитанной пропагандистскими штампами: в ней было желание найти компромисс.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ «РОДС АФРИКАНСКИЙ», 1936 ГОД, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

В 1936 г. появилась первая кино-биография алмазного магната. Первая и, что может показаться удивительным, учитывая его медийный образ, единственная — вплоть до конца XX века. Эта работа, снятая на британской киностудии «Гаймонд Бритиш», не завоевала большого успеха среди зрителей, и, не став классикой кинематографа, постепенно оказалась забытой. Сегодня фильм может представлять интерес как образец имперского взгляда на биографию Родса, а также как определенный род мышления, непосредственно связанный с колониальной пропагандой.

Жизнь Сесила Родса, одного из самых известных людей своего времени, и до 1936 г., конечно, не раз привлекала внимание кинодельцов. Но первая немая версия 1916 г., а затем еще три в 1920-х гг. были запрещены к съемкам из-за протеста Южно-Африканского союза, руководство которого не без основания считало, что подобный фильм лишь обострит противоречия между двумя белыми обществами (бурами и англичанами). Историк Джеймс Бернс, прослеживая историю этих несостоявшихся попыток, описывает, как, отказывая очередному претенденту, правительство ЮАС искало способ объяснить свою позицию. Одной из ведущих кинокомпаний — студии «British Instructional Film» — в 1929 г. было заявлено о наличии нескольких эпизодов в жизни С. Родса, которые «делают проблематичным ее освещение в популярной и, одновременно, в

правдивой манере»⁴⁰. Появление фильма в 1936 г. стало возможным по ряду обстоятельств.

В 1930-е гг. колониальная тематика в кино и сюжеты, местом действия которых являются далекие части империи, приобрели значительную популярность у зрителя. В Великобритании имперские ценности активно пропагандировались в фильмах творческого союза братьев Корда: «Сандерс с реки» (1935 г.), «Маленький погонщик слонов» (1937 г.), «Барабан» (1938 г.), «Четыре пера» (1939 г.). Голливуд был не менее активен в прославлении империи, чем британские киноделы: достаточно назвать такие масштабные и крайне дорогостоящие американские киноленты, как «Жизнь бенгальского улана» (1935 г.), «Атака легкой кавалерии» (1936 г.), «Ганга Дин» (1939 г.), «Стенли и Ливингстон» (1939 г.). Параллельно развивался и другой тренд: растущий интерес к биографическому жанру в кино («Дизраэли» [1929 г.], «Клайв Индийский» [1935 г.]). В сложный межвоенный период кино предпочитало ностальгический взгляд на времена открытия новых территорий и расцвета империи вместо изучения реалий современного империализма. Экзотический фон разворачивающихся на экране событий позволял увести зрителя в настоящую «страну грёз», создавал иллюзию путешествия во времени и в пространстве. Фильмы на колониальную тематику этих лет обыкновенно несли сильный эмоциональный заряд, были наполнены множеством динамичных событий, приключениями, романтикой, мистикой и авантюрами. Но жанр биографии выделяется среди них значительно большей статичностью и серьезностью. Развлекательный момент в них должен был уходить на второй план по отношению к чувствам гордости и патриотизма.

К 1934 г. сразу три компании выразили свое желание экранизировать историю жизни «великого строителя империи», среди которых была и американская студия Metro Goldwyn Mayer. Победителем стала британская киностудия British Gaumont Instructional (BGI), сумевшая убедить правительство Южной Африки и Южной Родезии, что если фильму суждено появиться на свет, то это должна быть британская версия событий. Свою роль сыграло понимание возмож-

⁴⁰ См. подр.: *Burns. J.* 2000.

ности большего контроля над содержанием ленты, чем при сотрудничестве с Голливудом.

Выбор студии также не был случаен. Учрежденная в 1933 г., компания BGI специализировалась на съемке образовательных фильмов и небольших видеосюжетов для школьников, проявляя вместе с тем особый интерес к популяризации империи. К концу 1930-х гг. на ее счету числилось более 400 короткометражных фильмов. Для проведения съемок компанией устраивались экспедиции в разные части империи. Ее глава, Генри Вульф, отмечал —

...острую потребность показывать и рассказывать детям об империи для того, чтобы по мере их взросления они имели аргументированные основания их политической веры⁴¹.

Продюсером выступил Микаэль Бэлкон, интерес которого к указанной теме проявится впоследствии в создании таких фильмов как «Копи царя Соломона» (1937 г.) и «Великий барьер» (1937 г.). Содержательно все три фильма могут быть объединены в кинотрилогию. Пол Мэйлэм небезосновательно отметил, что в каждом из них —

...особое значение придавалось пионерскому духу строителей империи, которые прокладывали железные дороги, открывали и исследовали полезные ископаемые и колонизовали неизведанные территории⁴².

Во всех трех лентах сорежиссером был Джеффри Баркас, снявший для «Родса» и «Копей Царя Соломона» южноафриканские кадры. Его коллегой стал австрийский по происхождению режиссер Бертоль Виртель.

Студия BGI, М. Бэлкон, правительство Великобритании и власти Южной Африки были заинтересованы в создании позитивного образа Сесиля Родса по политическим причинам. Важно было соблюсти определенный баланс: не желательно было раздражать общественность Южной Африки (в первую очередь африканеров), где

⁴¹ См.: <http://www.colonialfilm.org.uk/production-company/gaumont-british-instructional> (декабрь, 2017).

⁴² *Maylam P.* 2005, 110.

многие винили его в развязывании англо-бурской войны 1899–1902 гг. Также нужно было сделать историю максимально понятной и для американской аудитории, где немногие знали историю жизни этого человека в Южной Африке. Эти обстоятельства сыграли свою роль в том, что в основу сценария была положена работа С.Г. Миллин: написанная простым языком, подробная, наполненная восхищением героем, но не скрывающая и негативных моментов, при этом написанная автором, хорошо известным в США.

В титрах режиссер выразил благодарность правительству и жителям Южной Родезии за сотрудничество. Фильм освещал значительный хронологический промежуток — от появления будущего строителя империи на алмазных приисках до его смерти. Идеологический вектор был задан сразу — во вступительной заставке к фильму звучало:

Жизнь Сесила Родса — это драма человека, который в одиночку решил объединить континент. Следуя намеченной цели, он не жалел ни себя, ни других. Для одних он был вдохновляющим их лидером, для других — амбициозным авантюристом. Но для ма-табеле — тех самых людей, которых он завоевал, он был воином-королем, который смягчил горе их поражения, подарив им свое правление. На его похоронах они дали в его честь королевский салют «Байете!». Возможно, эти дети Африки приблизились к пониманию сердца этого выдающегося человека.

Фильм М. Бэлкона визуализировал образ великого строителя империи, созданный С. Миллин. Главный герой — человек сильный, сдержанный, мудрый, уверенный и, главное, одержимый благородными идеями распространения цивилизации, вхождения южноафриканских территорий в состав Британской империи. Средства кинематографа не могли передать пространственных рассуждений о свойствах характера, уместных на бумаге, на экране появился более однозначный, хвалебный портрет. Он рисовался различными методами. Например, путем создания контраста с образом Барни Барнато — главного конкурента Родса за лидерство на алмазных приисках, в последствии пожизненного президента корпорации «Де-Бирс». В фильме этот человек — полная противоположность протагониста: прагматичный, суетливый, нервный, щеголеватый. Нашла свое

отражение и литературная традиция сравнивать Сесила Родса с Наполеоном. Так, в одной из сцен зритель мог наблюдать в центре кадра репродукцию знаменитой картины Жака Луи Давида «Коронация Наполеона»: располагаясь на стене, она разделяет Л. Джеймсона и Б. Барнато в то время, когда они ведут диалог о Родсе (см. Илл. 1). В другой раз, уже сам алмазный магнат, указывая на картину, самодовольно произносит: «Он пытался объединить Европу и провалился, я пытаюсь объединить Южную Африку и у меня это получается!».

В основе кинобиографии лежала история о преодолении самых различных сложностей и препятствий на пути к великой цели, а неудачи объясняются либо невезением, либо недопониманием. Во-первых, как и во всех биографиях Родса, подчеркивалась героическая борьба со смертельным диагнозом, звучат девизы: «Смерть не очень сочетается с моими планами», «Так многое нужно сделать и так мало для этого времени!». Ряд сцен призваны были продемонстрировать, что Сесил Родс продолжал работать, несмотря на тяжелые приступы болезни. В одном из диалогов главный герой произносит, что «Африка спасла ему жизнь, так что это не удивительно, что он готов положить свою жизнь ради нее».

Во-вторых, в фильме демонстрировалось, что далеко не все были согласны с его далеко идущими планами: Родсу всегда приходилось преодолевать сопротивление и недальновидность коллег. Так, герой, указывая на карту Африки, доказывает компаньонам по «Де-Бирс» необходимость смотреть шире, а не ограничивать свой бизнес лишь добычей алмазов (см. Илл. 2–3)⁴³. Интересно, как в фильме объясняется тот факт, что «алмазный король» не отправился в тяжелый поход для завоевания земель матабеле, будущей Родезии, вместе с пионерами. В книге Миллин деликатно объяснялось, что Сесил Родс был бы рад поехать с ними и изначально планировал сделать именно так, но вынужден был остаться, обеспечивая их безопасность в качестве премьер-министра Капа. На киноленте же появилась театральная сцена о получении им известия о назначении на эту долж-

⁴³ Само построение кадра примечательно, оно имеет общие черты и со знаменитой карикатурой английского журнала «Панч» 1892 г., изобразившего Родса возвышающимся над африканским континентом, одной ногой опираясь на Кап, другой — на Каир.

ность вскоре после старта экспедиции⁴⁴. Сразу после произнесения речи перед «войском» о том, как мечты становятся реальностью, ему вручают бумагу с важным сообщением. В эпизоде главенствовал мотив долга: он вынужден потерять свободу и уехать, несмотря на свои желания. В следующий раз Родс предстает зрителям уже за рабочим столом полным бумаг, а его секретарь произносит плотное расписание встреч.

Но главным препятствием на пути достижения великих целей явилась политика П. Крюгера. Согласно фильму, «алмазный конкистадор» всегда выступал за сотрудничество буров и англичан, но президент Трансвааля изначально был настроен враждебно. Осознавая, что такой союз обозначал бы потерю независимости, Крюгер верил в победу буров, в случае вооруженного конфликта, Родс же заявлял: «Неважно кто будет победителем, ведь война разрушит все, что мы строили». Кинопортрет Крюгера соответствовал образу, созданному в книге С. Миллин, впрочем, как и сложившейся в англоязычной литературе традиции. Приведем примеры. Опубликованная в Лондоне в 1900 г. работа авторства Фредерика Макензи начиналась словами:

Пол Крюгер является примитивным человеком, который одной только силой лидерских качеств своего характера преуспел в жизни... Если бы мы попытались представить старца времен Авраама среди нас сегодня, он был бы не более оторванным от уклада и образа современной жизни, чем этот бурский правитель⁴⁵.

В работе С.Г. Миллин читателям представлен следующий портрет лидера буров:

В Претории Крюгер, а за ним и его совет — его Вольксраад — восседал как Иисус Навин, приказавший солнцу стоять на месте. Он был большим, толстым человеком, в черном сюртуке, черных брюках, в черной шляпе, парадном зеленом поясе, его лицо с мешками под глазами выражало небольшую болезненность, борода опоясывала его челюсть от уха до уха, а рука сдавливала пальцы, пытаясь остановить время и движение планет⁴⁶.

⁴⁴ *Millin S.G.* 1933, 122–125, 164.

⁴⁵ *McKenzie F. A.* 1900, 7.

⁴⁶ *Ibid.* P. 78.

Актер Оскар Хомолка, сыгравший эту роль, неизменно предстает в фильме в черном шюртуке, с курительной трубкой, а главное — с хитрым прищуром глаз. Неслучайно дважды его появлению в кадре предшествует образ льва, очевидно служащий целям подчеркнуть хищнические качества его натуры (см. Илл. 4–5). Он дремлет днем в кресле, накрыв голову тканью, но никогда не теряет бдительность: зрителю представлен человек решительный, коварный, авторитарный, не лишенный мудрости. С помощью фоновых деталей режиссер указывал на известную религиозность героя: на стене в его доме висит репродукция «Тайной вечери», а на столе лежит Библия.

Из фильма следует, что президент Трансвааля и так был склонен скорее к отказу от сотрудничества с англичанами, что подчеркивается тем, как негостеприимно принимает он Родса в своем доме. Но главную роль сыграл случай: на Родса падает ложное обвинение в убийстве одного из ближайших людей Крюгера, что значило конец диалога и взятие курса на конфронтацию. Осознав невозможность союза, английский «строитель империи» был вынужден действовать в одиночку. Показательно, две встречи Родса и Крюгера, ставшие в фильме основными драматическими, решающими для сюжета пунктами, являются вымышленными. Придуманной была и другая важная сцена — диалог С. Родса с вождем матабеле Лобенгулой при подписании концессий.

Образ Лобенгулы закономерен, симптоматичен. Внешне он выглядит как и все остальные представители его племени: одетый лишь в набедренную повязку, с перьями на голених, но в меховой шапке с пером и окруженный свитой (см. Илл. 6–7). Его манера разговора схожа с речью ребенка, который только что научился говорить. Но когда он говорит — члены племени кивают. Родс, заявив, что он — посланник «великой белой королевы», сразу завоевывает его доверие. Он показывает племени монету с ее изображением, что вызывает восхищение и благоговейный трепет. Крупным планом камера фиксирует реакцию матабеле: сначала одобрительно кивающую группу улыбающихся мужчин с кольцами на головах, а затем женщин в бусах и также с широкой улыбкой. Принципиально важно, что в сцене заключения договора присутствует белый переводчик и из контекста следует, что он — не человек Родса, а миссионер, живу-

щий при Лобенгуле. Его Родс просит *дословно* перевести договор. Этим простым действием в фильме отменяются сомнения в честности англичан при получении исключительных прав на разработку недр всего междуречья рек Замбези и Лимпопо, и опускаются подробности этого долгого, многонедельного процесса. Как известно, Лобенгула, пытаясь отстоять независимость и избежать войны, не раз повторял, что концессия была получена обманом, указывая и на неверный перевод⁴⁷. Однако в фильме был представлен образ вождя, более соответствующий колониальной идеологии. Беря в руки договор, он внимательно рассмотрел его с одной стороны, затем перевернул на 180 градусов, и продолжил изучать, кивая головой. Все племя нагнулось к нему, пытаясь рассмотреть удивительную бумагу, а после перевода текста Лобенгула поставил свою подпись — крестик — под зачитанными условиями. Определенного рода обман в этой истории не скрывался, но из контекста следовало, что он стал возможен не подлостью или хитростью англичан, но из-за невежественности и детской глупости туземцев. В сцене разговора Джеймсона и Лобенгулы последний, активно жестикулируя, по-ребячески обиженным голосом жаловался, что не ожидал прихода целой армии. Он понял, что предал своих людей и отнял у них землю, но уже ничего не мог сделать. Инфантильный образ туземного правителя мы можем встретить и в других фильмах этого периода, например, в ленте З. Корды «Сандерс с реки» (1935 г.).

Южная Африка была представлена зрителям в фильме как страна дикарей, что подчеркивало правоту цивилизаторской миссии, которой так вдохновлен главный герой. Фильм открывался типичной для многих колониальных (особенно часто приключенческих) фильмов этого периода картинкой — картой. В данном случае — картой Африки, где цветом выделены лишь Капская колония и Трансвааль (см. Илл. 8). Закадровый текст объяснял, что остальное пространство — неизведанные территории, простирающиеся на миллионы квадратных километров. Среди них, указывалось комментатором, есть и земли матабеле, где проживают «туземные воины» (*native warriors*), управляемые королем Лобенгулой, но границы, при этом,

⁴⁷ См. подр.: Давидсон А.Б. 1984, 107–128.

не были указаны. Этот визуальный образ в полной мере согласовывался с определениями, которые дал пространствам Южной Африки в фильме Сесил Родс: незаселенные (waste, empty), бескрайние (endless), поразительные (magnificent), сказочные (fairytale) территории. Из фильма следует, что до него никто, в сущности, не осознавал их истинную ценность: англичане приезжали сюда с целью разбогатеть на приисках, а затем вернуться на родину. Африка противопоставлялась Англии, где «дома, полные людей и города, полные домов». Акцентируя культурную дистанцию и экзотичность жителей «черного континента», создатели киноленты наделили их характеристиками, типичными для образа Другого. Это такие хорошо узнаваемые ориенталистские клише как леность, вороватость, несамостоятельность, воинственность. Показательная сцена с рабочим алмазных приисков: он клянется, что ничего не крал, но когда достают касторку, тот в испуге хватается за рот и сводит глаза в кучу (зрителям демонстрируется крупный план (см. Илл. 9). Этой маленькой «зарисовкой» обыгрывается знаменитая история о том, как Родс справился с воровством среди рабочих.

Образ племени матабеле наиболее ёмко описывается характеристикой «туземных воинов»: главной значимой чертой дикарей оказалась кровожадность и неуправляемость. Их первому появлению в кадре предшествовало устойчивое клише — звук барабанов. Полуголые, с причудливыми прическами или в париках, в перьях и обязательно с копьями, они представлены устрашающей, нецивилизованной силой (см. Илл. 10–11). Указывалось, что после подписания концессии, Лобенгула стремился сохранить мир, но «не смог сдержать дикость его молодых воинов». Фильм не обошелся и без другой обязательной эмблемы племенной жизни: ритуального воинственного танца. Как и в ставшей классической сцене из вестерна «Большое ограбление поезда» (1903 г.), где главарь банды стрелял в экран, в фильме «Родс Африканский» присутствуют кадры туземцев, направляющих свои копья буквально на зрителей. Эти визуальные образы, маркирующие в первую очередь варварство, вели к определению колонизации территорий как благородного акта защиты африканских дикарей от них самих. Создается впечатление, что создатели фильма в целом разделяли с главным героем их произведения покровительственное отношение к туземцам.

В этом контексте интересно, что съемки с местным населением дались авторам кинобиографии нелегко. «New-York Times» в преддверии премьеры фильма писала, что —

...стратегии и политическое маневрирование на конференциях по вопросам мира не сравнятся с сагой дипломатии, о которой сообщает Джеффри Баркас <о съемках ленты про Родса>⁴⁸.

С долей юмора сообщалось, что главные трудности, возникшие при съемках, были антропологического характера: нанятые туземцы отказывались сниматься в тех или иных «позорных» сценах, до тех пор, пока им не поднимали оплату. Отдельной сложностью было найти актера («высокого, хорошо-сложенного, величественного») на роль Лобенгулы. Ее исполнил Ндансиа Кумало (Ndansia Kumalo), который, как оказалось, был племянником последнего вождя матабелов. Но и он вначале склонялся скорее к отказу:

Во-первых, — пишет корреспондент, — потому что он боялся, что другие вожди будут намекать на политическое значение в таком перевоплощении. Во-вторых, боясь оскорбить тем самым своего благородного предка, который, хоть и был мертв вот уже много лет, мог тем не менее, узнать о предложенной роли от душ предков.

Несмотря на заданный идеологический вектор фильма, его создателями была предпринята попытка показать неоднозначность отношения общества к методам Родса. Это сделано через неожиданный ход: в сюжет была введена героиня, очевидным прототипом которой стала южноафриканская писательница О. Шрейнер. Через диалог с ней режиссер продемонстрировал любовное отношение Сесила Родса к Африке и его взгляд на «низшие расы». «Я всегда думаю о туземцах как о детях, мы должны быть с ними крайне терпеливыми и понимающими, и обучать, обучать, обучать...», — произносит он. Но если при первой встрече писательница выразила свое восхищение им, радуясь, что «поколения этих детей в надежных руках», то при следующей — выступила как критик его политики, в сердцах произнеся, что Родс «превратил страну, которая могла

⁴⁸ The New York Times. February 23, 1936.

бы быть раем, в ад». Само допущение в восхваляющий по тону фильм подобной линии значимо и может быть проинтерпретировано, как намерение показать различные точки зрения, но все-таки подсказать зрителю правильную.

А верной для создателей ленты явилась позиция, выраженная пером Миллин: все принципиальные моменты экранизированы по следам этой биографии. Среди них и ключевое событие — знаменитый рейд на Трансвааль: в фильме вина за него также полностью перекладывалась на Л. Джеймсона. Значение литературного прототипа особенно заметно, если обратить внимание на роль текста в общей структуре фильма. Изображение, конечно, не всегда говорило само за себя: визуальное «работает» в киноленте лишь в сумме с вербальным, помогая раскрытию авторского замысла. Текст не просто интерпретировал изображение на экране, но программировал и диктовал определенный взгляд. Особенно важны в этом плане были интертитры, лаконичные формулировки, которых выдавали точку зрения авторов фильма за бесспорный факт. Эта особенность присуща пропагандистскому кино: текст на экране подчеркивает главное, дает возможность заложить оценку репрезентируемого события и направить мысль в конкретное русло. Принципиальными в этом отношении всегда являются вступительные (речь о них уже заходила выше) и заключительные слова, задающие тон и определяющие «правильный» вывод, который должен быть сделан зрителем после просмотра ленты. Именно благодаря интертитрам создатели «Родса Африканского» развернули фильм в нужном идеологическом ключе: они дали возможность опустить кровавые события войны с матабеле (а вместе с этим и критику действий пионеров, присутствующую у Миллин), а затем и англо-бурскую войну. Именно вербальная, а не визуальная компонента сыграла ключевую роль в финале ленты.

Не сложно заметить, что события после рейда в биографиях часто описываются довольно сжато, в фильме же и вовсе: одной строчкой замечалось, что «спустя несколько лет произошло столкновение, которое Родс предвидел — англо-бурская война». Под триумфальную музыку закадровый голос сообщил зрителям, что результатом войны стал триумф жизненных идеалов героя — Южно-Африканский Союз. Финальная сцена фильма явилась и его идеоло-

гической квинтэссенцией. Сцена посвящена похоронам, где страна с почестями провожает в последний путь своего героя: она логично увенчала общий торжественный тон кинокартины. Интересно, что подробного описания похорон не было в биографии С. Миллин, зато в биографии 1910 г. Т. Фулера читаем:

Все остановки на долгом пути к месту захоронения на Матопос были заполнены людьми различных национальностей, пришедшими отдать дань памяти “великому умершему”. Фермеры и их жены из далеких вельдов, старые и молодые колонисты из городов и деревень, многие — со слезящимися глазами, приносили свои венки и благоговейно возлагали их на гроб. Очевидец рассказывал мне, что он никогда не видел такого проявления горя. На расстоянии тысячи миль мужчины, женщины и дети покидали свои дома, чтобы бросить последний взгляд на то, что осталось от их дорогого друга <...>. Процессия растянулась на расстояние более пяти миль <...>. Более 2000 туземцев присутствовало на этой церемонии. Все выглядели сильно потрясенными происходившим и слова «Мой отец мёртв» были слышны среди них⁴⁹.

Именно такое описание похорон соответствовало пафосу сцены прощания с великим героем. Главным в этом эпизоде было показать отношение местных жителей к потере, тем самым еще раз продемонстрировав что Сесил Родс — настоящий друг и отец туземцев. Сцена похорон и прозвучавший на них крик «Байете» не должны были оставить у зрителя никаких сомнений в том, что завоевание территорий, получивших имя Родезии, — благородный акт цивилизации диких племен.

«Родс Африканский» не имел оглушительного успеха в прокате, как многие другие картины на колониальную тематику. По данным «Film Weekly», одного из ведущих в 20-х – 30-х гг. английских журналов о кино, лента не попала в лидеры по кассовому успеху даже в год премьеры. В рейтинге лучших британских кинокартин 1936 г. она заняла лишь восьмое место. Уолтер Хьюстон завоевал шестое место в номинации за лучшую мужскую роль, на две пози-

⁴⁹ Fuller T. 1910, 264.

ции обогнав Оскара Хомолку (Крюгер)⁵⁰. Во влиятельной газете «The Times» указали на некоторые неточности в фильме, но согласились, что упрощения необходимы, если речь идет об историческом фильме, и признали, что они не привели к существенным искажениям истории⁵¹. Консервативный журнал «The Spectator» также не выразил восторгов, охарактеризовав ленту сухой и лишенной чувства юмора. Обозреватель Г. Грин сравнивал эту «респектабельную» картину с работой «Октябрь» С. Эйзенштейна, и суждение оказалось в пользу последней, благодаря яркости, эмоциональности и смелости.

Никто при создании этого английского фильма не имел четких взглядов за или против Родса и его работы в Африке, ни немецкий режиссер мистер Бертольд Виртель, ни американская звезда Уолтер Хьюстон,

— отмечалось в рецензии⁵².

По рейтингам американского журнал «Photoplay» ясно, что «Родс Африканский» не привлек особого внимания заокеанских зрителей, максимально поднявшись лишь до характеристики «одной из лучших картин мая» (месяц премьеры). Фильм получил характеристику «душевной картины об известном бриллиантовом магнате, патриоте, ученом», но наивысшую похвалу в нем сыскал О. Хомолка (П. Крюгер). Его отметил и корреспондент «The New York Times», который, рассуждая о съемках в США различных империалистических саг, «помогающих нести бремя белого человека», писал, что у Голливуда кино-биография знаменитого алмазного магната могла бы получиться значительно лучше:

Согласно задуманному, фильм должен был стать прославлением строителя империи, но получилась скорее благожелательная история о дядюшке Поле Крюгере, бурском президенте. П. Крюгер показан в фильме абсолютно правым по всем фронтам, включая его циничное отношение к целям Англии относительно колонизации Африки⁵³.

⁵⁰ James R. 2014, 223.

⁵¹ См.: <http://www.colonialfilm.org.uk/node/797> (декабрь, 2017).

⁵² The Spectator. March 27, 1936.

⁵³ The New York Times. November 8, 1936.

Важно отметить, что, несмотря на желание избежать проблем, фильм вызвал волну критики со стороны белых сообществ Южной Африки. Дж. Бернс отмечает, что Ян Смэтс, предвкушая такой поворот, настоял на предварительном закрытом показе. Африканерская пресса была возмущена образом Крюгера. В результате, фильм был запрещен для южноафриканского населения, включая и жителей Южной Родезии⁵⁴.

Итак, создатели первой киноленты о Сесиле Родсе не смогли удивить западного зрителя и не смогли выдержать баланс таким образом, чтобы не задеть чувства жителей Южной Африки. Причины этого видятся в самой традиции изложения его жизни в англоязычной литературе, многие элементы которой были просто переложены на визуальный язык. Главные элементы мифа о великом строителе империи были сохранены: Родс предстал в кино безусловным героем, который и мыслями, и действиями, и планами был всегда впереди своего времени. Но фильм невозможно назвать экранизацией романа С. Миллин, он действительно скорее «снят по мотивам». Конечно, киноязык с необходимостью внес определенные коррективы: некоторые сцены пришлось выдумать, многие истории опустить. Логика перевода и трансформации литературного текста в кинотекст обозначала упрощение (в первую очередь это очевидно в понимании бурского и туземного вопросов), при этом соответствие литературному прототипу сохранялось. Анализ различных коннотаций, описание противоположных точек зрения на одно событие, которые были возможны на бумаге, показать на экране прямо оказалось невозможным. Однако существующую диалогичность по отношению к критическому направлению в историографии нельзя не отметить. Намеки на амбивалентное отношение к деятельности Родса есть: наиболее очевидным в этой связи является образ писательницы О. Шрейнер, имя которой не встречается на страницах биографии у С. Миллин. Но в целом выбранные создателями киноленты трактовки конкретных эпизодов жизни Сесила Родса каждый раз призваны были работать на создание положительного образа главного героя. Такое решение соответствовало и пропагандистским соображениям, лежавшим в основе замысла.

⁵⁴ *Burns J.* 2000, 115.

В результате фильм стал воплощением легенды, создававшейся в англоязычной литературе с конца 1890-х гг., проводником идей колониальной идеологии. Это немаловажно, учитывая что речь идет о периоде, когда кризисные явления начали охватили различные части Британской империи и наметилось развенчание идей «бремени белого человека». Такой процесс безусловно вел за собой и пересмотр наследия главных героев времен «раздела и передела мира».

«Родс Африканский» обозначил веху этого переходного этапа. Действительно, в 1930-е гг. имя знаменитого строителя империи меморизировали: в 1934 г. появляется его статуя в институте Кейптауна, а в 1938 г. в Англии в родном городе С. Родса Бишоп-Сторфорде — дом-музей. Однако одновременно с этим негативные и критические ноты в работах о нем начинают звучать все чаще, а с 1940-х гг., принесших осуждение расизма и империализма, эта тенденция будет только укрепляться. Постепенно произошел пересмотр главных составляющих культа Сесила Родса: восстанавливается вклад других людей в завоевания Британской Империи в Южной Африке, обличаются идеи превосходства англо-саксонской расы, а романтизм и самопожертвование в биографиях заменяются цинизмом и жаждой наживы⁵⁵.

К XXI в. легенда о Сесиле Родсе не просто поблекла: восхваляющий тон сменился диаметрально противоположным. Его имя все чаще связывается со становлением режима апартеида. Одним из наиболее ярких примеров этого стал второй в истории кино фильм о нем — сериал «Родс» (1996 г.) производства ВВС (оказавшийся, к слову, одним из самых дорогих проектов этой организации), где главный герой представлен зрителям абсолютным злодеем-психопатом, замешанным в смерти тысяч африканцев. До настоящего времени в Зимбабве (до 1980 г. — Южная Родезия) остро стоит вопрос о том, должна ли сохраняться могила Родса на священном для местных жителей холме Матопос. Когда в 2002 г. президент Мугабе выступил в защиту памятника, способствовавшего притоку туристов в страну, многие высказали протест:

⁵⁵ См. напр.: *Galbraith J.* 1973.

Скажите мне, если бы Гитлер был похоронен на израильской земле, вы думаете, еврейское население согласилось бы, потому что некоторые туристы платят за это деньги? Сесил Родс — это наш Гитлер,

— ответил один из жителей страны в интервью западному журналисту⁵⁶. Наконец, показательным является студенческое протестное движение «Rhodes must fall», начавшееся в 2015 г., за снос памятника этому имперскому герою в Университете Кейптауна, а также статуи на фасаде Колледжа Ориел в Оксфорде (см. Илл. 12). Эти процессы отражают остающуюся и сегодня сложность оценки наследия Сесила Родса для Южной Африки и Великобритании и ярко демонстрируют то, как с течением времени меняется отношение к колониализму.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Илл. 1.

Сцена разговора Л. Джеймсона и Б. Барнато о С. Родсе на фоне репродукции картины Ж.Л. Давида «Коронация Наполеона».

⁵⁶ *Ankomah B.* 2002; *The Telegraph*. December 15, 2010

Илл. 2–3.

С. Родс (У. Хьюстон) указывает на карту Африки.

Илл. 4–5.
«Хищный» образ П. Крюгера (О. Хомолка).

Илл. 6–7.
Образ Лобенгулы (Н. Кумало).

Илл. 8.
Карта Южной Африки в заставке к фильму.

Илл. 9.
Кадр из сцены с туземцем, провинившемся за воровство.

Илл. 10–11.

Образ воинственного племени матабелов.

Илл. 12.

Демонтаж памятника С. Родсу в университете Кейптауна
(09.04.2015).

ЛИТЕРАТУРА

- Богомолов С.А. 2004: Художественная версия концепции «Нового империализма» в неоромантизме Р. Л. Стивенсона // Вестник Оренбургского государственного университета. 2, 26–29.
- Гобсон Д.А. 1927: Империализм / В.Б. Беленко (пер.). — Ленинград.
- Давидсон А. Филатова И. 2010: Россия и Южная Африка: три века связей. — М.
- Давидсон А.Б. 1984: Сесил Родс и его время. — М.
- Твен М. 1961: Собрание сочинений. Т. 9. По экватору / Э. Березина, Н. Банникова, Н. Емельяникова (пер.). — М.
- Черкашина Т.Н. 2007: Англо-бурская война в английской историографии XX – начала XXI вв. (дис. ...канд.ист.наук). — Омск.

- Ankomah B.* 2002: Cecil Rhodes stays at Matopos... for the meantime // New African. May. — <http://connection.ebscohost.com/c/articles/6659464/cecil-rhodes-stays-matopos-meantime> (декабрь, 2017).
- Basil W.* 1921: Cecil Rhodes. — N. Y.
- Burns J.* 2000: Biopics and Politics: The making and unmaking of the Rhodes films // Biography: an Interdisciplinary Journal. 23.1, 108–126.
- Burns J.* 2010: Rhodes of Africa // Colonial Film Database. — <http://www.colonialfilm.org.uk/node/797> (декабрь, 2017).
- Colvin I. D.* 1912: Cecil John Rhodes. — L.
- Fuller T.* 1910: The Right Honorable Cecil John Rhodes; a monograph and a reminiscence. — L.
- Galbraith J.* 1973: Cecil Rhodes and his 'Cosmic Dreams': A Reassessment // Journal of Commonwealth and Imperial History. 1–2, 173–189.
- Green M.* 1991: Blood and Politics / Morality Tales for the Immorality Act: Sarah Gertrude Millin in Literature History and Social History // English in Africa. 18.1, 1–23.
- Griffith G.* 1899: Men who have made the Empire. — L.
- Hobson, J. A.* 1900: Capitalism and Imperialism in South Africa. — N.Y.
- James R.* 2014: Popular culture and working class taste in Britain 1930–1939. — Manchester.
- McKenzie, F. A.* 1900: Paul Kruger: his life story. — L.
- Markham V.* 1913: The South African Scene. — L.
- Matthew E.* 2013: National Citizens, Global Economies: Sarah Gertrude Millin and the Professionalization of Envy // Safundi: The Journal of South African and American Studies. 14. 4. 395–424.
- Maylam P.* 2005: The Cult of Rhodes: Remembering an Imperialist in Africa. — Claremont, South Africa.
- Michell, L.* 1910: The life of the Rt. Hon. Cecil John Rhodes. — L.
- Millin S.G.* 1933: Cecil Rhodes. — N.Y.
- Raymond E.T.* 1921: Portraits of the Nineties. — L.
- Rice T.* 2009: Gaumont British Institutional // Colonial Film Database. — <http://www.colonialfilm.org.uk/production-company/gaumont-british-instructional> (декабрь, 2017).
- Shain M., Pimstone M.* Sarah Gertrude Millin // Jewish Women's Archive Encyclopedia. — <http://jwa.org/encyclopedia/article/millin-sarah-gertrude> (декабрь, 2017).

- The American Review. November, 1933.
The Literary Digest. September 16, 1933.
The New York Times. April 3, 1927.
The New York Times. August 4, 1929.
The New York Times. February 10, 1925
The New York Times. February 23, 1936.
The New York Times. June 17, 1928.
The New York Times. November 8, 1936
The New York Times. September 10, 1933.
The Saturday Review of Literature. September 9, 1933.
The Spectator. March 10, 1933.
The Spectator. March 27, 1936.
The Telegraph. December 15, 2010.
Verschöyle F. (Vindex). 1900: Cecil Rhodes: His Political Life and Speeches. — L.
Watts-Dunton, T. 1907: The Rhodes memorial at Oxford. The work of Cecil Rhodes; a sonnet-sequence. — L.
Wyndham H.A. 1933: "Rhodes", by Sarah Gertrude Millin // Journal of the Royal African Society. 32.128, 236–239.

S.E. Golubkina

VICTORIAN HERO IN NON-VICTORIAN TIMES

CECIL RHODES IN BOOKS AND ON THE SCREEN (FIRST HALF OF THE XX CENTURY)

The present article studies the image building of Cecil Rhodes through English literature, creating the "Great Empire-BUILDER" legend based on the image of the romantic hero, who devoted his entire life to the service of the Pax Britannica interests. The author retraces the path mapped by eulogistic biographies of the first quarter of the twentieth century to the English movie "Rhodes of Africa" (1936) which was a clear expression of the Imperial colonial ideology and orientalist clichés relative to the "barbaric black continent".

Keywords: British Empire, South Africa, colonialism, racism, Cecil Rhodes, the image of Africa, the history of cinema.

GOLUBKINA Svetlana Evgenievna — Master of History, Department of the history of foreign countries of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University. 23, bld. 1, Prospect Gagarin, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, 603950, Russian Federation. — golubkina.svietlana@mail.ru

REFERENCES

- Bogomolov S.A. 2004: Khudozhestvennaya versiya kontseptsii «Novogo imperializma» v neoromantizme R. L. Stivensona // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2, 26–29.
- Gobson D.A. 1927: Imperializm / V.B. Belenko (per.). — Leningrad.
- Davidson A. Filatova I. 2010: Rossiya i Yuzhnaya Afrika: tri veka svya-zei. — M.
- Davidson A.B. 1984: Sesil Rods i ego vremya. — M.
- Tven M. 1961: Sobranie sochinenii. T. 9. Po ekvatoru / E. Berezina, N. Bannikova, N. Emel'yanikova (per.). — M.
- Cherkashina T.N. 2007: Anglo-burskaya voyna v angliiskoi istoriografii XX – nachala XXI vv. (dis. ...kand.ist.nauk). — Omsk.
- Ankomah B. 2002: Cecil Rhodes stays at Matopos... for the meantime // New African. May. — <http://connection.ebscohost.com/c/articles/6659464/cecil-rhodes-stays-matopos-meantime> (dekabr', 2017).
- Basil W. 1921: Cecil Rhodes. — N. Y.
- Burns.J. 2000: Biopics and Politics: The making and unmaking of the Rhodes films // Biography: an Interdisciplinary Journal. 23.1, 108–126.
- Burns J. 2010: Rhodes of Africa // Colonial Film Database. — <http://www.colonialfilm.org.uk/node/797> (dekabr', 2017).
- Colvin I. D. 1912: Cecil John Rhodes. — L.
- Fuller T. 1910: The Right Honorable Cecil John Rhodes; a monograph and a reminiscence. — L.
- Galbraith J. 1973: Cecil Rhodes and his 'Cosmic Dreams': A Reassessment // Journal of Commonwealth and Imperial History. 1–2, 173–189.
- Green M. 1991: Blood and Politics / Morality Tales for the Immorality Act: Sarah Gertrude Millin in Literature History and Social History // English in Africa. 18.1, 1–23.
- Griffith G. 1899: Men who have made the Empire. — L.
- Hobson, J. A. 1900: Capitalism and Imperialism in South Africa. — N.Y.
- James R. 2014: Popular culture and working class taste in Britain 1930–1939. — Manchester.

- McKenzie, F. A. 1900: Paul Kruger: his life story. — L.
- Markham V. 1913: The South African Scene. — L.
- Matthew E. 2013: National Citizens, Global Economies: Sarah Gertrude Millin and the Professionalization of Envy // *Safundi: The Journal of South African and American Studies*. 14. 4. 395–424.
- Maylam P. 2005: The Cult of Rhodes: Remembering an Imperialist in Africa. — Claremont, South Africa.
- Michell, L. 1910: The life of the Rt. Hon. Cecil John Rhodes. — L.
- Millin S.G. 1933: Cecil Rhodes. — N.Y.
- Raymond E.T. 1921: Portraits of the Nineties. — L.
- Rice T. 2009: Gaumont British Institutional // Colonial Film Database. — <http://www.colonialfilm.org.uk/production-company/gaumont-british-instructional> (декабр', 2017).
- Shain M., Pimstone M. Sarah Gertrude Millin // Jewish Women's Archive Encyclopedia. — <http://jwa.org/encyclopedia/article/millin-sarah-gertrude> (декабр', 2017).
- The American Review. November, 1933.
- The Literary Digest. September 16, 1933.
- The New York Times. April 3, 1927.
- The New York Times. August 4, 1929.
- The New York Times. February 10, 1925
- The New York Times. February 23, 1936.
- The New York Times. June 17, 1928.
- The New York Times. November 8, 1936
- The New York Times. September 10, 1933.
- The Saturday Review of Literature. September 9, 1933.
- The Spectator. March 10, 1933.
- The Spectator. March 27, 1936.
- The Telegraph. December 15, 2010.
- Verschoye F. (Vindex). 1900: Cecil Rhodes: His Political Life and Speeches. — L.
- Watts-Dunton, T. 1907: The Rhodes memorial at Oxford. The work of Cecil Rhodes; a sonnet-sequence. — L.
- Wyndham H.A. 1933: "Rhodes", by Sarah Gertrude Millin // *Journal of the Royal African Society*. 32.128, 236–239.

В.В. Петров

ЯЗЫКИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТРАНСГРЕССИЯ В ЭССЕИСТИКЕ ПЕТЕРА НАДАША*

В статье рассматриваются темы, присущие мировоззрению П. Надаша, главной из которых, по его собственному признанию, является тема обретения идентичности — индивидуальной, национальной, языковой, культурной. Проблематика «своего» и «чужого» анализируется на фоне рассмотрения множества оппозиций и разрывов. Обсуждаются антагонизмы между региональным и универсальным, национальным и общеевропейским, патриархальным и прогрессистским. Указано, что Надаш предпочитает представлять ментальности в виде особых «языков» или дискурсов, что переводит рассмотрение с уровня понятий на уровень речевых актов и чувствований, подключает к рассуждению лингвистические пласты. Показано, что различия в национальных мировоззрениях Надаш предпочитает рассматривать, вглядываясь в их речевые особенности; национальные «образы мира» он воспринимает через призму национальных языков, которые этот мир описывают. В фокусе внимания — «язык диктатур» с его «новоязом» и умолчаниями. Анализируется представление о культуре, как иерархически структурированном социальном пространстве, и метания таких видных её представи-

ПЕТРОВ Валерий Валентинович — доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии Российской Академии наук. Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. — campas.iph@gmail.com

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (РГНФ) № 17–21–07001 «Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация в ракурсе исследовательской парадигмы XXI века».

Цивилизация и варварство
2017. Вып. VI. С. 260–279
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2017. Issue VI. P. 260–279

телей, как Томас Манн, между тягой к трансгрессии и необходимостью соответствовать своей «репрезентативной личности», старательно конструируемой на протяжении жизни. Рассматриваются коммуникативные разрывы между разнящимися цивилизационными дискурсами и проект Надаша по их преодолению через создание общеевропейского словаря важнейших терминов, которые были бы переведены и прояснены для каждой из приграничных культур. Отмечен присущий мировоззрению Надаша отказ от механической каузальности, предпочитающий соположения, обусловленные логикой художественного целого.

Ключевые слова: Петер Надаш, идентичность, языки культуры, трансгрессия, репрезентативная личность, модернизм.

Как заметил один критик, эссеистика, в конечном счете, сосредоточена на том, что литература может дать миру. В этой работе мы рассмотрим несколько повторяющихся тем и мотивов, представленных в эссеистике выдающегося венгерского прозаика, драматурга и публициста Петера Надаша¹. Как отмечал сам Петер Надаш, его главной темой является проблема идентичности и её поиска. Сказанное касается идентичности любого рода — личной, культурной, половой, национальной, которые неотделимы от рассуждений о «своем» и «чужом» в культуре, литературе и политике. Характерной особенностью Надаша является то, что ментальности и особенности поведения он именует языками. Таким образом, рассуждение переводится с уровня понятийных схем на уровень речи и языка. Например, когда Надаш пишет о различии ментальностей народов Западной и Восточной Европы, он замечает, что на политической сцене восточноевропейских столиц, словно плотный смог, висит «язык диктатур». Соответственно, характерное для пост-социалистических стран стремление к патриархальности и замыканию на себя Надаш именует языками сепаратизма и изоляционизма. Соответственно, для преодоления этих разрывов, по мнению Надаша, необходима «огромная исследовательская работа лингвистов, антропологов и этнографов». Надаш даже вычерчивает проект преодоления вавилонского столпотворения языков, предлагая, возможно, утопиче-

¹ На русском языке эссе Надаша опубликованы в сборнике «Тренинги свободы», см. *Надаш*. 2004. Цитаты из Надаша даются в пер. В. Середы.

скую программу по преодолению коммуникационных и цивилизационных разрывов. Он считает важным установить, какие смыслы вкладывают в общеупотребительные понятия и слова люди, живущие по разную сторону разграничительных линий и разломов. Собранные лингвистические и семиотические данные, считает Надаш, требуется перевести на все европейские языки, создав особый многоязычный словарь для слов и понятий, которые в разных культурах понимаются по-разному. Нужно проделать и работу по обратному переводу слов, в том виде, как они понимаются на европейских языках, на язык регионов, испытывающих коммуникационные и цивилизационные трудности. Более того, культурные и цивилизационные конфликты следует выразить на «каком-либо из больших языков-посредников» (видимо, английском). Тогда, «своеобразное, местное, особое встроилось бы в контекст больших языков-посредников».

В каком-то смысле частичным ответом на озвученный в 1999 г. призыв Надаша явился опубликованный в 2004 г. «Европейский словарь философий: лексикон непереводаемостей», вышедший под редакцией Барбары Кассен². Целью «словаря» постулировалось не нивелирование различий, существующих между ключевыми понятиями разных языков, но их прояснение через интерпретацию на других языках. Как формулировала Кассен: «Разве под словом *mind* мы подразумеваем то же самое, что под словом *Geist* или *esprit*? Правда (*pravda*) — это слово, означающее *vérité* (истину) или *justice* (справедливость)? А *мимесис* — это *изображение* или *имитация*?»³. Словарь, содержащий непереводаемые на другие языки понятия, вышел на французском, а позднее был переведён на английский.

Применительно к цивилизационным различиям Надаш пытается порвать с устоявшейся терминологией, и задать более точные критерии описания и дифференциации. Он полагает, что настало время отказаться от понятий «Западная», «Восточная» и «Центральная» Европа, которые после 1989 года утратили свою релевантность. Границы проходят вовсе не там, где их полагает газетный публицистический дискурс. Например, «существует мощный водораздел между колониальными державами и теми европейскими нациями и

² Cassin B. (Ed.). 2004; Cassin B. (Ed.). 2014.

³ Кассен Б. 2001. С. 7.

государствами, у которых никогда не было колоний или которые сами находились на положении колоний». Логично, что стержень Европейского Союза образуют бывшие колониальные державы (Англия и Франция), поскольку «европейскую администрацию можно создать, лишь обладая этим имперским опытом». Надаш считает, что «колониальные основы Европейского Союза» создаются теперь не ценностями, накопленными «за сотни лет работоторговли, рабовладения и грабежа, но тем огромным знанием, которое вырастает из опыта многовекового управления чужими мирами».

Существует еще множество других границ, например границы урбанизации: «в Венгрии к востоку от Дуная человек живет на другом уровне урбанизации, чем к западу от Дуная, так же как в Северной Германии урбанистическая ментальность совсем иная, чем на юге». Опять же, есть нации, чья новейшая история задана Реформацией, а есть такие, у которых она находится под влиянием Просвещения. В Западной Европе завершена буржуазная эмансипация, а в Восточной люди до сих пор остаются не эмансипированными перед лицом своего государства. Есть границы между католиками и протестантами, между католиками-протестантами и православными, между христианами и мусульманами. Таким образом, реальность много сложнее простых делений, о которых говорят политики.

Культуры различаются также по тому, имеют ли они развитую национальную философию. «Есть нации с самостоятельной философией; есть нации, у которых есть философы, но нет самостоятельной философии; есть в Европе и такие нации, у которых и философов-то нет». К примеру, у венгров, по мнению Надаша, собственной философской традиции нет. И поскольку, в силу этого, венгерский язык не имеет развитой и наработанной в нем понятийной рефлексивности, «которой на индивидуальном уровне владел бы каждый венгр», каждый говорящий на венгерском языке, должен всякий раз начинать обсуждение любой темы заново — будто раньше по-венгерски никто, ни с кем, никогда и ни о чем не разговаривал. В развитых культурах, наработавших свои философские языки, дело обстоит иначе. Там выработаны устойчивые структуры, к которым по мере необходимости, даже не сознавая того, прибегает каждый. Поэтому Хайдеггера, говорит Надаш, невозможно перевести на венгерский

язык не в силу того, что он труден. Просто ради Хайдеггера пришлось бы разработать те, отсутствующие в венгерском языке структуры, которые задействует этот философ, когда мыслит на немецком языке. Заметим, что с чем-то подобным мы сталкиваемся и в русской культуре, когда ей приходится осваивать тот или иной философский дискурс, наработанной в иноязычной традиции. Когда русская философская мысль приступила к Хайдеггеру, то в переводе Бибикина, который пытался воспроизводить по-русски прихотливую игру в этимологии и созвучия, характерные для языка Хайдеггера, соответствующие русские эквиваленты выглядели муляжами, не проясняя, но затемняя смысл рассуждения. Сходным образом, с отсутствием разработанного понятийного аппарата русская философская традиция сталкивается при переводе античной философской классики, при переводе современной французской философии, в которых наработаны свои дисциплинарные языки и легко опознаваемые представителями соответствующих школ терминологические пласты. Тот же феномен венгр Надаш фиксирует в обыденной речи немцев среднего класса, вспоминая о том, как ему пришлось провести месяц в медицинской клинике для обеспеченных немцев, которые съезжались туда из разных областей Германии. Этих, говоривших на множестве диалектов людей, объединяла одна общая черта: почти все они «изъяснялись ритуализованным языком Канта». Надаш поясняет, что он имеет в виду. «Некто ненавязчиво высказывает утверждение. Его собеседник задает встречный вопрос, из которого следует, что предмет беседы нуждается в определении. Тогда первый определяет суть дела. Второй, в свою очередь, излагает собственное понимание предмета. Оба устанавливают, что расходятся или, наоборот, сходятся во мнениях. Второй собеседник возвращается к исходному утверждению, чтобы самому рассмотреть, осуществимо ли, вопреки расхождению или же благодаря совпадению определений, предполагавшееся в нем действие. Если оно неосуществимо, то процесс согласования начинается сначала». То, что Надаш определяет как «язык Канта», на самом деле является ритуальным языком культуры с ее этикетом и набором условностей. Не случайно Надаш тут же отмечает, что восточные немцы понимали подобный способ общения в минимальной степени. В этом, замечает Надаш, они были по-

добны венграм: «Если они хотят чего-то, они берут и добиваются этого. Если же это не удастся, им кажется, будто на них ополчился весь мир. А раз так — пусть летит он ко всем чертям!».

Язык и национальная идентичность. Надаш вспоминает, как хозяйка его квартиры в Восточном Берлине, которая разговаривала так, словно «командовала торпедным катером», спросила его: все ли венгры говорят так же тихо и медленно, как он. Надаш замечает на это, что по его «тихой от языковой неуверенности немецкой речи» немка судила обо всех венграх. Она не могла понять, является ли эта манера говорить личным качеством или национальной особенностью. Свой вопрос «она ставила таким образом, словно заведомо предполагала, что я не должен отличаться от всех прочих венгров». Надаш признает, что и сам он, так или иначе, сопоставляет характер другого человека с характером его нации, понимая при этом, что человек своей нации не тождествен. Если идентичность личности — безусловная данность, то идентичность нации — абстракция, привязанная к тем или иным условиям. Как бы то ни было, сам Надаш платит своей берлинской хозяйке той же монетой: он отказывает немке в личной уникальности и считает её вопрос типичным образчиком «немецкого отношения к миру», поскольку, как он читал у Луи Дюмона, традиционное мирозерцание немцев выражается максимой: «По сути своей я — немец, благодаря качеству своей немецкости я — человек».

О себе Надаш говорит, что не отождествляет себя со своей нацией, «так как я — отдельная личность со своим индивидуальным, “отдельным” характером». Впрочем, даже собственная национальная идентичность представляет для Надаша проблему. Он неоднократно определяет себя как венгра, но при этом помнит о своих еврейских корнях. Это приводит к раздвоению, которое ему пришлось осознать уже в раннем детстве: «После того, как я торжественно заявил, что ненавижу евреев, мать заставила меня посмотреть в зеркало и сказала в точности следующее: “На, погляди хорошенько, вот тебе еврей! Хочешь — ненавижь его, хочешь — презирай”. Если во всех вымыслах, созданных мною до сих пор, центральную роль играет проблема идентичности, поисков моей собственной идентичности, то истоки ее наверняка кроются в той минуте, когда мне при-

шлось взглянуть в зеркало на свое собственное наивное “я”. Анти-семит увидел своего жида, жид — своего антисемита, обоих — в одном и том же лице. И если есть у человека духовный жизненный путь, то, возможно, нет на этом пути ничего важнее, чем познать две противоположные стороны самого себя. С тех пор я и стараюсь не забывать о своей “другой” половине».

В целом, Надаш склоняется к персонализму: «определенное общество заставляет нас видеть мир так или этак... Я не спрашиваю, на каком языке говорит человек; я спрашиваю, *кто* говорит и на каком языке. Я не спрашиваю, немец ли он; я спрашиваю, *что за человек* этот немец. Я не спрашиваю, какова она, Германия; я спрашиваю, *что это за страна*, которую я считаю или другие считают Германией, и *почему* я считаю ее или другие считают такой-то и такой-то. Вслед за Монтескье я склонен утверждать, что я по необходимости — человек, но лишь по случайности — француз» («je suis nécessairement homme, et je ne suis français que par hasard»).

Противопоставление французского и немецкого «языков» или менталитета является у Надаша одной из рекуррентных тем. Французы и немцы — европейские соседи с богатой историей и литературой, их национальный характер запечатлен во множестве текстов. В то же время, их национальное мировоззрение весьма различно. Надаш воспроизводит мнения, которые можно обнаружить уже в манифестах периода романтизма, заявляя, что французская культура фиксируется на визуальном, тогда как немецкая — на музыкальной стихии. Лувр потому и существует, что французы обладают визуальным самосознанием. Сам Надаш, неоднократно говорит, что ему хотелось бы иметь ментальность с характеристиками «француза», но как венгр он понимает, что в реальности он ведёт себя как «немец». И биографически и в художественном плане он тесно связан с Германией, которая становится символом единства и преодолеваемого цивилизационного раскола: «Берлин, таинственная, символическая и подлинная столица европейского континента... Если есть пирамида Хеопса, если есть Тадж-Махал, то почему не быть и такому вселенскому чуду, как Берлинская Стена».

Надаш строит свои рассуждения относительно французской и немецкой самоидентификации, отправляясь от противопоставлений,

заимствованных у Дюмона: «Я по необходимости человек, а француз я лишь случайно» и «Я — немец по своей сути, я — человек благодаря качеству своей немецкости». Если для француза личная идентичность — природная данность, а культурные и социальные обстоятельства представляют собой рамки, в которых эта идентичность получает выражение, то немец, напротив, формулирует личностную идентичность через свою культурную и этническую принадлежность. В подтверждение этой теории Надаш рассматривает дневники двух влюбленных, которые велись параллельно друг другу. Немка Хелен Хессель (Helen Hessel, 1886–1982) и француз Анри-Пьер Роше (Henri-Pierre Roché, 1879–1959) описывали одно и то же — свои отношения, но в тексте каждого ярко отпечатались особенности их национального характера (художественно трансформированную историю их истории можно увидеть в фильме Франсуа Трюффо «Жюль и Джим»).

Как это свойственно Надашу, он полагает, что особенности обоих прежде всего запечатлеваются в их языке, более того, язык выражает национальный характер: «Анри-Пьер остается верным своему языку, слова чужого языка он применяет лишь как приправу»; Хелен Хессель «говорит и пишет по-французски, но переносит собственное словоупотребление на другой язык»; «Анри-Пьер нагромождает определения: три, пять, иногда шесть... Хелен же всегда употребляет одно или два, ибо немецкий язык не любит определенных»; «Анри-Пьер словно бы старается не высказывать определенного мнения, тогда как Хелен стремится именно к определенности. Для наших героев эта микродинамика дискурса остается незаметной». «Анри упрекает Хелен в том, что немцы не способны точно называть вещи, потому что им в этом мешает мировоззрение, в то время как у французов мировоззрения нет, а потому они способны называть вещи точно».

Хелен недовольна тем, что Анри-Пьер выражается недостаточно однозначно, но это её и привлекает, поскольку расширяет свободу действий. А французу нравится её прямота, грубость выражения, нацеленность на суть. При этом он понимает, что именно эта определенность сужает пространство для маневра, подчас не оставляя Хелен иного выхода, заставляя ее лгать. Первичной данностью для

Анри-Пьера являются собственные спонтанные поступки, в том числе и любовные похождения, к которым он относится, как к данности. Напротив, Хелен неустанно ищет мотивацию и оправдание для своих действий (включая измены), привязывая их к целям и идеологемам, лежащим вне ее личности. В результате, «Анри-Пьер верен ей лишь в конечном счете; Хелен же в конечном счете всегда неверна». Соответственно, Хелен воспринимает индивидуальность как личное достижение, как то, «что нужно найти и развить», Анри-Пьер — как естественную данность. Анри-Пьер ни разу не упоминает, что он француз, тогда как Хелен раз за разом подчеркивает и гордится тем, что она немка. Тем не менее, есть глубинные уровни, которых национальные и культурные различия не достигают — это уровни чувственности и телесности. Применительно к Анри-Пьеру и Хелен, Надаш отмечает, что «то, что в диалоге их тел проявилось как тождество, в речи превращается в непонимание, ссоры, злобу, а то и даже в борьбу». И напротив, «чем ожесточеннее словесная битва, тем теснее — вопреки языку — становится их тождество в регионах плоти. Так усиливается потребность в том, чтобы словами они не убили то, чего могут достичь в сфере чувственности». Сказанное относится к важным константам мировосприятия самого Надаша, и является стержнем его художественного мира в романе «Книга воспоминаний» (*Nádas* 2014), инкорпориовавшим многие из теоретических постулатов, сформулированных в эссеистике.

Рассуждая о национальности в её связи с языком Надаш во многом повторяет подходы, которые в России применительно к характеристикам различных ментальностей использовал литературовед и философ Георгий Гачев (Гачев 1998; Гачев 2003). При этом Надаш обращает внимание не только на семантику слов, но и такие параметры, как образные и ассоциативные ряды, порождаемые у субъекта звучанием того или иного слова⁴. Надаш вспоминает, что в детстве, когда он практически не знал немецкого, то вслушивался в другой язык с позиции звучания собственного языка». Слыша речь и

⁴ Ср. теории Андрея Белого относительно соотношения звучания и смысла, которые он формулирует в «Глоссолалии». Теории эти имеют немецкие корни, восходя к антропософским теориям языка у Р. Штейнера (который, в свою очередь, зависит от В. Гумбольдта).

интонацию говорящих по-немецки людей, он всякий раз думал, будто эти люди «крайне встревожены или возмущены чем-то». Надаш сравнивает звукообразы, порождаемые словами венгерского и немецкого языков: «Слово “страна” по-венгерски — нечто просторное, открытое, овеянное ветром (Ország). Слово “страна” по-немецки (Land) в моих ощущениях... как некий тяжелый, темный ком глины». При переводе венгерского слова на немецкий или французский, говорит Надаш, вместе со звуковым обликом слова будет утрачена его этимология и многочисленные ассоциации, которые окружали его в родном языке. Именно здесь ощущения начинают расходиться со знанием: ощущения говорят одно, знания — другое. При этом «я понятия не имею, что происходит у немца или у француза». И поскольку «языки взаимно утаивают друг от друга скрытые в звуковом облике слова мифические и магические сферы; эта закрытость чревата разрушительными последствиями». «Пока нет сравнительных словарей», — заключает Надаш, — «мы будем болтать на других языках наподобие попугаев, взаимно терпя последствия неизбежного в таких случаях недопонимания».

На деле же, заключает Надаш, «мы ощущаем гораздо больше, чем знаем, и знаем гораздо больше, чем можем выразить». Иногда можно выразить правду не только через язык, но и через молчание. Пауза и безмолвие оказываются красноречивее любой словесной трескотни. Его собственная притча «Сказка об огне и знании» иллюстрирует эту мысль. В новелле речь идет о том, что в эпоху, когда свобода речи была под запретом, «неизвестные лица... подожгли со всех четырех углов Венгрию». Речь идет о магическом реализме, когда сложно сказать однозначно, идет ли речь о физическом пожаре, либо о возгорании, понимаемом метафорически. Сюжет притчи строится вокруг невозможности высказать правду о пожаре в условиях «языка диктатуры». «В описываемый период» венгры уже привыкли к оруэлловскому новоязу: «практически все слова в языке венгров, понимаемые в меру личного знания или общего неведения, всякий раз означали нечто иное, чем то, что они означали; о значении слов приходилось догадываться в зависимости от того, кто говорит, или от соотношения изначального смысла слова с его новым значением». Более того, залогом выживания и благополучия стала

модель поведения, опробованная персонажем Я. Гашека — бравым солдатом Швейком, который укрывался под личиной идиотизма. Вот и венгры «за последние полтора века своей истории... убедились в том, что лишь коллективное неведение может их уберечь от какой бы то ни было индивидуальной глупости». Мы вновь встречаем тему «умалчивания», которую Надаш считает нормой современного общеевропейского культурного дискурса, вытесняющего экзистенциальное и глубинное на периферию сознания. Притча заканчивается тем, что в выпусках новостей диктор телевидения отрицает сам факт пожара, заметив, что источником провокационных слухов послужило то, что в Венгерском картографическом институте недавно уничтожались старые географические карты, «поджигаемые с четырех углов». За этим последовала оговорка по Фрейду. Вместо того, чтобы сказать, что сжигались давно аннулированные карты страны, диктор сказала: «сжигались карты давно аннулированной страны». Впервые за долгое время «высказывание означало именно то, что оно означало. И от этого тишина наступила в стране такая, что не услышать ее было невозможно. Общее безмолвие было сильнее слов. И тогда за этим всеобщим безмолвием все расслышали гул полыхающего пожара. Ведь безмолвие может нарушить лишь звук. Никто из венгров не проронил ни слова. С этой минуты, к общему счастью, каждый думал о том же, о чем остальные. Только бы не иссякла в колодцах вода...».

Сексуальность и культура. Характерным для Надаша является проведение оппозиций и разграничительных линий, которые парадоксальным образом являются конституирующей частью дискурса самоидентификации. Одной из оппозиций при этом является противопоставление внутреннего переживания и экзистенции — внешним формам приемлемого для социума поведения, противопоставление инстинктивных порывов культурным нормам, ограничивающим и подавляющим естественную, но до-культурную сексуальность индивида. Культура при этом предстает как иерархически организованное социальное пространство, в которой неотретушированность «я» закрывается несколькими слоями «репрезентативных» оболочек, конвенционально приспособленных к социальной среде, в которой индивид себя выражает. При этом сущностные характеристики лич-

ности, которая стоит за этими репрезентациями, лишь угадываются по еле различимым намекам, оставшимся в текстах и поведении, продуцируемых индивидом. Как мы уже видели, в качестве объектов размышления Надаш выбирает пишущих образованных людей, оставивших откровенные дневниковые записи. Например, когда Надаш рассматривает фигуру Томаса Манна, он обращается к его интимным дневникам, являющим фигуру, разительно отличающуюся от той роли, которую писатель придумал для себя и играл «на протяжении всей своей долгой и полной трудов жизни». Осью напряжения для Манна становится разрыв и разлад между его скрытыми от внешнего мира сексуальными порывами и его текстами, а также образом жизни, в котором эти порывы были подавлены, глубоко спрятаны, трансформированы почти до неузнаваемости так, что в его литературных произведениях от них остались лишь намеки. К примеру, в дневниках Манн пишет о своих гомосексуальных или инцестуальных влечениях, подавление которых обрекает его на страдания и бегство от самого себя, тем более, что сам Манн считает эти влечения проявлениями своего природы: «Я нахожу вполне естественным, что влюблен в своего сына». (Как представляется, инцестуальные мотивы в собственном романе Надаша «Книга воспоминаний» если не иницированы, то являются рефлексиями на то, что он фиксирует у Томаса Манна). Петер Надаш фиксирует полное отсутствие у Манна свободного от стилизации метафизического мышления, открывшего бы ему возможности для экзистенциальной рефлексии и дискурса. Их место у Манна заменяет набор гуманистических ценностей. «Отсутствие метафизического представления о мире» Манн восполняет стилистическим отношением, посредством юмора и иронии замещая в публикуемых текстах отрицательные переживания личного плана на позитивные. Расплатой за это, по мнению Надаша, становится трагическое отсутствие самой личности Манна.

На примере дневников Томаса Манна Надаш рассуждает о диктате культуры и особенностях репрезентативной личности, которую индивид вынужден конструировать для того, чтобы не быть отвергнутым социумом. Процесс подавления самости, который Манн переживает в сфере личного и сексуального, у других людей и в дру-

гих условиях может принимать форму оппозиции между свободой индивидуальной мысли и выражения и репрессивным характером социальной среды или правящего режима. Расплатой за попытку замены своего подлинного «я» на «я» репрезентативное, является утрата личности и экзистенциальная опустошенность. Поэтому, как пишет Надаш, «предавая огню дневники, Томас Манн, вне всяких сомнений, совершил самый мужественный в своей жизни поступок. Он уничтожил документальные свидетельства... глубоко скрытой, интимной и безусловно необходимой для него душевной работы». Уцелевшие фрагменты дневников Томаса Манна Надаш сравнивает с «едва колышущимся внутренним морем», зажатым между «полуостровами его творчества и его жизни». То, что осталось — это его опубликованные сочинения, в которых остаются лишь глухие намеки на личные переживания и исходные замыслы. Роман о своей любви к Паулю Эренбергу Томас Манн сжег после того, как женился на Кате Прингсхейм, а под давлением Эрики Манн он исключил из «Доктора Фаустуса» главу о любви Адриана Леверкюна к Руди Швердтфегеру. Томас Манн отказывается от трансгрессии, которая, по замечанию Батая, «отличается от “возвращения к природе” тем, что снимает запрет, не ликвидируя его». Драма жизни Манна протекает под сенью «самой трепетно охраняемой и самой сокровенной тайны либерального мышления»: он является «человеком страдающим», человеком, отделившим «свою половую жизнь от личности в целом», т.е. оскотившим себя. Подчинив себя требованиям «культуры», писатель отказался от себя, заместил свое «я» «репрезентативной личностью». Говоря о том, что венгерское издание дневников Томаса Манна является сильно цензурированной версией оригинала, Надаш замечает, что свою неверность оригиналу эта выборка оправдывает верностью репрезентативной личности Томаса Манна.

То же самое противоречие между «культурным» и «природным» Надаш усматривает в отношениях Гёте и Эккермана. Он не согласен с оценкой, предоставляемой «Словарем философских понятий» Иоханнеса Хофмейстера, который определяет Гёте как «универсального человека». Согласно Хофмейстеру Гёте подобен вселенной, поскольку сосредоточивает в единой индивидуальности огромное многообразие характеров, при этом эта индивидуальность

остаётся единой и исключительной». Надаш последовательно опровергает это утверждение. Во-первых, притягательность и популярность Гёте в XX веке существенно снизились вследствие внешних обстоятельств — двух мировых войн, которые развязала Германия, и которые вызвали неприятие «немецкого» в мире на бытовом уровне. Место Гёте заняли «универсалисты» Кавафис и Пессоа. С другой стороны, масштаб страданий и ужасов XX века обесценил проблемы героев Гёте, начиная с Вертера. Современный читатель обращается к тому, с чем имеют дело Камю и Беккет. Наконец, внутренней причиной девальвации Гёте является, по мнению Надаша, отсутствие той самой универсальности, которую ему приписывает Хофмейстер. Для Надаша «Фауст» представляет собой не универсальный нарратив, но «очень рациональное, очень субъективное описание некой огромной депрессии, превратившейся в постоянный недуг». Авторский гений Гёте, как и в случае с Томасом Манном, проявляется в искусном ретушировании главной проблемы посредством бесконечного «нагромождения слов». В этом Гёте предстаёт создателем модели всей современной европейской ментальности, основанной на замалчивании и подавлении. Задолго до Манна Гёте нашел способ, позволивший «упорным, ежедневным трудом... скрыть собственную реальную сущность. Он последовательно говорил совсем не о том, что знал, и тем самым заложил основы современной европейской практики умолчания». Его Вертер лжет самому себе, выдумывая несуществующую любовь, но не признаётся в чувстве, которое питает к другу. Сам Гёте не имеет правдивых слов относительно причины, заставляющей его проводить всё свое время с Эккерманом. Как формулирует Надаш, Гёте научил европейцев тому, как излагать постыдные факты интимной биографии в такой отвлеченной форме, чтобы они никого не смущали и не отпугивали. Сам же факт подобной любви Надаш, как и Манн, полагает естественным феноменом. Он заявляет, что «любовь, которую молодой питает к пожилому, рвущийся вверх — к авторитету, это эротический ритуал, который молодые европейские девушки и юноши, принадлежащие к среднему классу, должны усвоить без всяких вопросов и сомнений». Истоки этого ритуала находятся в классической Греции, а христианская культура лишь камуфлирует его, сохраняя «во всех ее моментах».

Влечение между молодыми и пожилыми запретно, но «отношения эти тесны и завязываются на всю жизнь». Гиперактивность Гёте является сознательным способом скрыть тяжелую депрессию. В этом он является первопроходцем. «Общий обет молчания — вот то, по чему безошибочно можно узнать личность современного европейца». В этом смысле Эрнст Юнгер и Владимир Набоков становятся последними представителями духа Гёте.

Современный литератор более не подавляет свою сексуальность, отказывается от немоты, выбирая трансгрессию и её репрезентацию в актах письма. Впрочем, и это не гарантирует хэппи-энда: гибель происходит не на духовном, а на физическом уровне. Один из самых откровенных экскурсов в область трансгрессивного Надаш осуществляет, когда рассматривает случай из жизни философа Мишеля Фуко (1926–1984) и его молодого любовника — Эрве Гибера (1955–1991), автора откровенных эго-документов. В романе «Другу, который не спас мне жизнь» (1990) Гибер пишет о последних годах жизни Фуко, уже больного СПИДом, а также о собственной болезни. Гибер вспоминает, как в 1983 году, поняв, что болен СПИДом, он спешно покинул Мексику и вернулся в Париж. Когда на следующий день он ужинал у Фуко, тот — «хотя его собственная болезнь перешла чуть ли не в конечную стадию, и жить ему оставалось меньше года» — всячески пытался разубедить Гибера, утешая: «Бедный малыш, ну что тебе мерещится? Если бы все вирусы, гуляющие по свету с тех пор, как ввели дешевые самолетные рейсы, были смертельны, думаешь, много на земле осталось бы народу?» Как замечает на это Надаш: «Поистине странное утешение в устах больного человека, который знает уже все фазы протекания болезни. Четвертый том своего монументального труда “История сексуальности” Фуко не успел завершить. Гибер, которого он, сидя на кухне своей квартиры на рю де Бак, назвал малышом, тоже уже мертв. Даже обладая очень большим опытом, трудно ответить на вопрос, что за существо человек: живущее в одиночку или в стае?.. Если ты живешь в социально регулируемой стае: в семье, орде, стаде, племени, нации, государстве, если ты живешь организованно, — то почему при первом же удобном или неудобном случае ты восстаешь против стаи, почему норовишь переступить, сломать, обойти те формы, которые придают

твоей жизни определенные рамки, почему вскармливаешь и в себе, и в других такие отклонения (девиантности), которые делают тебя неприступным и неприятным для других?»).

Казуальность и соположение. Еще одной особенностью мировоззрения Надаша является отказ от традиционного представления о каузальности. Он предпочитает не иерархический и причинно-следственный язык описания явлений, но контекстуальный, основанный на соположениях, на ситуативных или образных аналогиях. Он говорит, что ни один объект не может быть описан сам по себе, в изоляции, но каждая новая манифестация, каждый новый аспект вещи может быть встроен в другие последовательности и ряды перекликающихся событий и явлений. Надаш называет их «объяснениями», хотя сам признает, что они ничего не объясняют, а в лучшем случае иллюстрируют через подобие или аналогии.

Применительно к личине, которую создает тот или иной автор, Надаш указывает, что, к примеру, Марсель Пруст, каким он предстает в своих текстах, высвобождается из системы жестко структурированных иерархических связей окружавшего его мира, создавая такой тип дискурса и языка, в которых он получает право самому выстраивать прихотливые, не имеющие конца цепи аллюзий и реминисценций, наполняющих многотомное повествование его личностной эпопеи. Его противоположностью является Томас Манн, в текстах которого мы видим мир, выстроенный иерархически и не отличающийся принципиально от мира социального.

Примером таких, внешне алогичных, параллелей, имеющих свою логику внутри авторского художественного сознания, может служить, следующий пример. Надаш задается вопросом, является ли необходимостью то, что Франц Кафка превратился в насекомое именно в Праге времен монархии? Могло ли это случиться в одной из других европейских столиц и в другую эпоху: «в Риме, в Париже, в кайзеровском Берлине?... В Варшаве? В Будапеште?» Судьба Кафки символически совпадает в глазах Надаша с судьбой Ярослава Гашека. Кафка писал о Йозефе К., но умер в 1924 году, не доведя историю до конца. Гашек скончался в 1923 году и не смог завершить историю Йозефа Швейка. Отчего «оба шедевра так и остались незавершенными? Именно в этом месте? И именно в это время?», —

спрашивает Надаш. С одной стороны, всё это представляется игрой случая, но «не стоит ли поискать более глубокую, сущностную взаимосвязь между ними?» Поскольку умер Гашек, его создатель, Йозеф Швейк остался в живых до того, как попал на настоящую войну, где его ждал бы апокалипсис. Только так Швейк избежал ужасной развязки. А вот Кафка, прежде чем умереть, успел написать заключительную главу истории Йозефа К., в которой тот погибает: «Но уже на его горло легли руки первого господина, а второй вонзил ему нож глубоко в сердце и повернул его дважды. Потухшими глазами К. видел, как оба господина у самого его лица, прильнув щекой к щеке, наблюдают за развязкой. — Как собака, — сказал он так, как будто этому позору суждено было пережить его». «Мы ищем последние слова Швейка», — завершает свои сопоставления Надаш. — «Было бы очень важно найти их. Эти два Йозефа, не они ли — наш миф?».

Почему Надаш сопоставляет те или другие детали, сводя их на одном полотне, выстраивая между ними переклички? Он не признает механической каузальности. Фрагменты реальности складываются в целое по прихоти его художественного сознания или в силу логики книги, которую он пишет. Этот *ius operis*, «логика нарратива», как его определял Гораций, становится нитью, сшивающей воедино части, которые другой человек соединил бы совершенно иначе. Важны не причины и следствия, а соположение в пространстве авторского дискурса, а потому ближайшим аналогом для словесных зарисовок Надаша, для ассоциативных цепочек, которые он выстраивает, является такой пространственный вид искусства, как фотография. Всё, что попало в объектив — неважно, случайно или нет — становится частью картины. Сам Надаш признается, что предпочитает Манну и Прусту — Музиля, Гоголя, Чехова, Толстого, поскольку те не являются «стилистами», но высказывают о человеке нечто новое, совершают открытия, касающиеся человеческих отношений. Гоголь и Чехов, Толстой и Фонтане знают и могут рассказать о человеке очень много. Напротив, современная литература концентрируется на единственном человеке — и это пресловутый «человек без свойств» — сам автор, изолированный человек-невидимка, лишенный других людей, в которых могли бы проявиться эти свойства.

Справедливости ради нужно заметить, что роман «Книга воспоминаний» самого Надаша представляет сочинение именно такого типа: несколько чередующихся повествователей — при всём обилии деталей, бесконечных описаний и связанных с ними нюансов переживаний, при всём наличии поддерживающих основной нарратив микроисторий — эти несколько повествователей настолько бесплотны, что критики не всегда могут отличить одного от другого, так что даже их общее число в романе остается под вопросом. Таким образом, здесь авторское «я» и критические устремления Надаша расходятся. В эссеистике он смотрит со стороны, а потому замечает различия, в романе он выражает себя, а потому идентичность нарратора размывается, на его месте находится слепое пятно: в силу устройства человеческого глаза, человек не способен видеть самого себя. Для этого ему нужен Другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Гачев Г. 1998: Национальные образы мира: курс лекций. М.: Academia.
- Гачев Г. 2003: Ментальности народов мира. М.: Эксмо, Алгоритм.
- Надаш П. 2004: Тренинги свободы. Избранные эссе / Сост. и пер. с венгерского Вячеслава Середы. М.: Три квадрата.
- Надаш П. 2014: Книга воспоминаний. Роман / Пер. с венгерского Вячеслава Середы. Kolonna Publications; Митин журнал.
- Кассен Б. 2001: В защиту непереводаемости. Беседа с Микаэлем Устинофф // Логос. № 5-6 (84). С. 4–12.
- Cassin B. (Ed.) 2004: Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles / P.: Seuil. — <http://robert.bvdep.com/public/vep/accueil.html> (декабрь, 2017).
- Cassin B. (Ed.) 2014: Dictionary of untranslatables: a philosophical lexicon / Transl. by S. Rendall et al. Princeton University Press.
- Kelly S. Essayism is ultimately about how literature can make a difference // New Statesman 23 July 2017, <https://www.newstatesman.com/culture/books/2017/07/essayism-ultimately-about-how-literature-can-make-difference> (декабрь, 2017).

V.V. Petroff

LANGUAGES OF CIVILIZATIONS, IDENTITY
AND TRANSGRESSION
IN THE ESSAYISM OF PÉTER NÁDAS

The topics under discussion are those characteristic to Péter Nádas's worldview, of which the most important, by his own words, is the theme of acquiring identity — individual, national, linguistic, cultural. The problems of “one's own” and “another's” are analyzed against the background of many oppositions and gaps inseparable from it. Antagonisms between regional and universal, national and pan-European, patriarchal and progressive are discussed. It is indicated that Nádas rather represents mentalities in the form of special “languages” or discourses, which transposes the consideration from the level of concepts to the level of speech acts and experiences of life, engages linguistic strata, adding them to the reasoning. It is shown that differences in the world view of different nationalities, Nádas prefers to consider by examining the characteristics of their speech; he perceives national “images of the world” through the prism of the national languages, which describe this world. The “language of dictatorships” is discussed with its “Newspeak” and reticence. The concept of culture as a hierarchically structured social space is analyzed, together with the struggling of such prominent representatives as Thomas Mann between the craving for transgression and the need to correspond to his “representative personality”, painstakingly constructed throughout life. Communicative gaps between the divergent civilizational discourses are discussed, as also Nádas's suggestion for their overcoming through the creation of a common European dictionary of the most important terms that would be translated and clarified for each of the border cultures. The typical Nádas's rejection of mechanical causality is considered, and his preferring of juxtapositions conditioned by the logic of the artistic whole.

Keywords: Péter Nádas, identity, languages of culture, transgression, representative personality, modernism.

ПЕТРОВ Валерий Валентинович — Doctor of Philosophy, Associated Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. — campas.iph@gmail.com

REFERENCES

- Gachev G. 1998: Nacional'nye obrazy mira: kurs lekcij. M.: Academia.
- Gachev G. 2003: Mental'nosti narodov mira. M.: Jeksmo, Algoritm.
- Nadash P. 2004: Treningi svobody. Izbrannye jesse / Sost. i per. s vengerskogo Vjacheslava Seredy. M.: Tri kvadrata.
- Nadash P. 2014: Kniga vospominanij. Roman / Per. s vengerskogo Vjacheslava Seredy. Kolonna Publications; Mitin zhurnal.
- Kassen B. 2001: V zashhitu neperevodimosti. Beseda s Mikajelem Ustinoff // Logos. № 5-6 (84). S. 4–12.
- Cassin B. (Ed.) 2004: Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles / P.: Seuil. — <http://robert.bvdep.com/public/vep/accueil.html> (dekabr', 2017).
- Cassin B. (Ed.) 2014: Dictionary of untranslatables: a philosophical lexicon / Transl. by S. Rendall et al. Princeton University Press.
- Kelly S. Essayism is ultimately about how literature can make a difference // New Statesman 23 July 2017. — <https://www.newstatesman.com/culture/books/2017/07/essayism-ultimately-about-how-literature-can-make-difference> (dekabr', 2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

АДСВ	— Античная древность и Средние века. — Свердловск; Екатеринбург.
АЭФ	— Африканский этнографический сборник. — Ленинград.
ВВ	— Византийский временник. — Москва.
ВДИ	— Вестник древней истории. — Москва.
ВЕ	— Вестник Европы. — Москва.
ВЕДС	— Восточная Европа в Древности и Средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти члена корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 19 – 21 апреля 2017. Материалы конференции. — Москва.
ВИ	— Вопросы истории. — Москва.
ДГ	— Древнейшие государства на территории СССР. — Москва.
ИВ	— Исторический Вестник. — Санкт Петербург.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — Москва.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. — Москва; Магнитогорск.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. — СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2009. Т. 1–43.
РС	— Русская Старина. — Санкт Петербург.
СА	— Советская археология. — Москва.
СВ	— Средние века. — Москва.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы. — Санкт Петербург.
ЭСБЕ	— Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
AJA	— American Journal of Archaeology. — Boston.
Amb.	— <i>S. Ambrosii opera</i> // PL. XIV–XVII.
Amb. Ep.	— <i>Ambrosius Mediolanensis. Epistulae Variae</i> // PL. XVI. 876C–1177C.

- Amm. Marcell.;*
Amm. Marc. — *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt* / W. Seyfarth (ed.). — Leipzig, 1978. 1–2; *Он же*. Римская история / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А.И. Сонни. — СПб., 1996.
- App.* — *Appianus Alexandrinus*, Roman history. — London, 1953–1955. I–IV.
- ARM — Archives Royales de Mari. — Paris, 1950 —
- Augustin. De civ. Dei.* — *S. Aurelii Augustini De civitate Dei* // CCSL. — Turnhaut, 1955. 47–48.
- Avien.* — *Rufus Festus Avienus. Descriptio orbis terrae* // GGM. — Paris, 1861. II. 177–189; *Он же*. Описание морского берега Испании // ВДИ. 1939. 2. 227–237.
- BM — British Museum. — London.
- BZ — Byzantinische Zeitschrift. — München.
- Caes.* — *C. Iulii Caesaris commentarii. Bellum Gallicum.* — Lipsiae, 1957. I.
- CCSL — Corpus Christianorum. Series Latina. — Turnhaut, 1953–
- Chron. Gall. — *Chronica Gallica a 452 et 511* // Th. Mommsen (ed.) // MGH. AA. IX. Chronica minora. Saec. IV–VII. — Berolini, 1892 I. 629–666.
- Cic. De Re Publ.* — *M. Tulli Ciceronis De Re Publica. Librorum sex quae manserunt quartum recognovit K. Ziegler* // *Idem. Scripta quae manserunt omnia. Fasc. 39.* Lipsiae 1958; *Он же*. О государстве // *Он же*. Диалоги / Пер. с лат. и комм. В.О. Горенштейна. — Москва, 1994.
- Cic.* — *M. Tulli Ciceronis De Domo Sua ad Pontifices Oratio* / R.G.M. Nisbet (ed.). — Oxford: Oxford University Press, 1939 [repr. 1979].
- Claud.Cl.* — *Claudius Claudianus. Carmina* / J. Coch (rec.). Lipsiae, 1893.
- CSEL — Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. — Vindobonae.
- CTh. — Codex Theodosianus / Th. Mommsen (hg.). — Berlin, (Neudruck), 1954.
- DEPM — *Durand J.-M. Documents epistolaires du palais de Mari.* I – III. — Paris, 1997–2000.
- Dig. — *Digesta* / Ed. T. Mommsen // Corpus Iuris Civilis. Vol. 1: Institutiones. Digesta. — Berlin: Weidmann, 1954.

- Diod. Sic.* — *Diodori Bibliotheca historica* / F. Vogel (rec.). — Lipsiae, 1888; *Он же*. Греческая мифология. — Москва, 2000.
- Epiphan. Lib. de XII gemm.* — *Epiphanií episcopi Constantíae Libri de XII gemmis versio antiqua* // PG. — Paris, 1858. XLIII. 293–366.
- Epiphan. Adv. haer.* — *Epiphanií episcopis Constantia Adversus haereses libri I tomus I* // PG. XLI. 173–846.
- ETCSL — The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. Oriental Institute, University of Oxford (<http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/> [декабрь, 2017]).
- Eunap.* — *Eunapius. Text and Translation* // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus / R.C. Blockley (ed. and transl.). — Liverpool, 1983. II; Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / С.Ю. Дестунис (перевод). — Рязань, 2003.
- Eutrop.* — *Eutropi. Brevearum ab urbe condita* / Rec. H. Dr. MGH. AA. — Berolini, 1879. II. 8–182.
- FHG — *Fragmentae historicorum graecorum* / K. Müller (ed.). — Paris, 1849–1870. I – V.
- Flor* — *Juli Flori, Epitomae de Tito Livio bellorum omnium annorum DCC libri duo* // Epitome of Roman history. — London, 1929.
- Fredeg. Chron.* — *Fredegarius. Chronicum cum suis continuatoribus* // PL. — Paris, 1849. LXXI. 605–664; *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii libri IV* / B. Krusch (ed.) // MGH. SRM. 1882. 2.
- GGM — *Geographi graeci minores* / K. Müller (ed.). — Paris, 1885–1861. I – II.
- GPA — *Willelmus Malmesburiensis. 1855: De gestis pontificum Anglorum* // *Willelmus Malmesburiensis. Opera omnia* // PL. CLXXIX.
- GRBS — Greek, Roman, and Byzantine Studies. — Durham.
- Greg. Naz.* — *Gregorius Theologus vulgo Nazianzenus opera omnia* // PG. XXXV – XXXVIII.
- Greg. Tur. Hist. Franc.* — *Gregorii Turonensis episcopi historiarum libri X*. // MGH. SRM. — Hannover, 1887. I. 1.

- Hdt.* — *Herodotus*, *Historiae* / C. Hude (hg.). — Oxford, 1960. I – II; *Он же*. История в девяти книгах. Пер. и примечания Г.А. Стратановского. — Л., 1972.
- HGM — *Historici graeci minores* / L. Dindorf (ed.). — Lipsiae, 1870–1871. I–II.
- Hecataei.* — *K. Müller*. *Fragmenta Historicum Graecorum*. — Paris, 1841.
- Hor.* — *Q. Gorati Flacii Carmina* / F. Volmer (rec.) — London.
- HZ. — *Historische Zeitschrift*. — München.
- Iust.* — *Juniani Justini Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi* / F. Rühl (rec.). *Accedunt Prologi in Pompeium Trogum, ab A. de Gutschmid recensiti*. — Lipsiae, 1886. *Он же*. Эпитома сочинений Помпея Трога «История Филиппа» / Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского; Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. 1954. 2–4; 1955. 1.
- Iord. Get.* — *Iordanes. De origine actibusque Getarum* / Th. Mommsen (ed.) // MGH. AA. — Berlin, 1882. V. 1; *Он же*. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Вступ. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. Изд. 2. — Санкт Петербург, 1997.
- Isid. Hist.* — *Isidorus Hispalensis. Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum* / Th. Mommsen (ed.) // MGH. AA. XI. *Chronica minora. Saec. IV–VII. II*. — Berolini. 1894. 267–303.
- JRS — *Journal of Roman Studies*. — London.
- LCI — *Lexicon der christlichen Ikonographie*. — Rom; Freiburg; Basel; Wien.
- Lib. Or.* — *Libanius. Orationes* / R. Foerster (ed.) — Lipsiae, 1908. I–IV.
- Liv.* — *Titi Livii Historiarum Romanorum libri qui supe recensione Madvigii, secunda et tertia edition*. Hauniae, 1873–1883.
- Marc. Com.* — *Marcellinus Comes. Chronicon*. // MGH. AA. XI. *Chronica minora. Saec. IV–VII. Berolini, 1894. II*.
- MGH. AA — *Monumenta Germaniae historica, Auctores Antiquissimi*. — Berlin, 1826.
- MGH. SRM — *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Merovingicarum*. — Hannover.
- MIÖG — *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. — Köln; Graz.

<i>Olymp.</i>	— <i>Olympiodorus</i> . Fragmenta (Historia) // Photius. Bibliothèque / R. Henry (ed.). — Paris, 1959. I. 166–187; <i>Idem</i> . Fragmenta / C. Müller (ed.) // FHG. — Paris, 1868. IV. 57–68.
<i>Orient. Carm.</i>	— <i>Orientius</i> . Carmina // CSEL. — Vindobonae, 1888. XVI. 1. 205–243.
<i>Oros.</i>	— <i>Orosius Paulus</i> . Historiarum adversus paganos libri VII / C. Zangemeister (ed.) // CSEL. — Lipsiae, 1889. V.
PG	— <i>J.P. Migne</i> (ed.). Patrologiae cursus completus. Series graeca. — Paris, 1857.
<i>Philost.</i>	— <i>Philostorgii</i> Historia ecclesiastica // PG. — P., 1858. LXV.
PL	— <i>J.P. Migne</i> (ed.). Patrologiae cursus completus. Series latina. — Paris, 1844–.
<i>Plin. Ep.</i>	— <i>C. Plinii Caecilii Secundi</i> Epistularum libri nove R.C. Kukula (rec.) — Lipsiae, 1908.
<i>Plin. Nat. Hist.</i>	— <i>C. Plinii Secundi</i> Naturalis historia libri XXXVII / Ed. C. Mayhoff. — Lipsiae, 1892–1898. I–VI.
<i>Plut.</i>	— <i>Plutarchus</i> // Plutarch's Lives / With an English translation by B. Perrin. — Cambridge (MA): Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd., 1921.
PLRE I	— <i>Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.</i> 1971: The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. A.D. 260–395. — Cambridge.
PLRE II	— <i>Martindale J.R.</i> 1980: The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. A.D. 395–527. — Cambridge.
<i>Prosper. Chron.</i>	— <i>Prosperus Aquitanus</i> . Chronicum integrum // PL. — Paris, 1861. LI. 535–606.
RE	— Pauly–Wissowa–Kroll. Real–Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. — Stuttgart.
RIME 3/2	— <i>Frayne D.R.</i> Ur III Period (21122004 BC) (The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. 3/2). — Toronto, 1997.
<i>Ruf.</i>	— <i>Rufinus Tyrannius</i> . Opera omnia // Pl., XXI, 295628.
<i>Sall. Cat.</i>	— <i>C. Sallusti Crispi</i> Catilina, Iugurtha Historiarum Reliquiae codicibus servatae. Accedunt Rhetorum Opuscula Sallustiana / H. Iordan (rec.). — Berlin, 1887.
<i>Salv. De gub. Dei</i>	— <i>Salviani presbyteri Massiliensis</i> De gubernatione / C. Halm (rec.) // MGH. AA. — Berolini, 1877. I. 1.
SEM	— <i>Chiera E.</i> Sumerian Epics and Myths. — Chicago, 1934.

SHA	— Scriptores Historiae Augustae / E. Hohl (ed.). — Lipsiae: Teubner, 1965.
<i>Sidon. Apoll. Epist.</i>	— <i>Sidonius Apollinaris. Carmina et epistulae</i> // MGH. AA. — Berolini, 1887. VIII.
<i>Soc.</i>	— <i>Socrates. Historia Ecclesiastica</i> / R. Hussey (ed.). — Oxford, 1853, Revised by W. Bright. — Oxford, 1893.
<i>Soz.</i>	— <i>Sozomenus. Historia ecclesiastica</i> // PG. 1859. LXVII, 843–1630; <i>Idem. Kirchengeschichte</i> / J. Bidez, G.Ch. Hansen (hrsg). — Berlin, 1960.
<i>Strabo.</i>	— <i>Strabonis, Geographica.</i> — Leipzig, 1895–1899. I–III; <i>Он же. География в 17 книгах. Пер., статья и комментарии Г.А. Стратановского.</i> — М., 1964.
<i>Syn.</i>	— <i>Synesius Cyrenensis. Oratio de regno Arcadium imperatorem</i> // PG. LXVII.
<i>Syn. De prov.</i>	— <i>Synesii Cyrenensis De providentia</i> // <i>Synesii Cyrenensis Hymni et Opuscula</i> / N. Terzaghi (ed.). — Roma, 1944. 2.
<i>Tacit.</i>	— <i>P. Cornelius Tacitus. Libri qui supersunt</i> E. Köstermann (ed.). — Leipzig, 1960–1961. I–II. (Ann. — <i>Annales ab excessu divi Augusti</i> ; Agr. — <i>De vita Julii Agricolae</i> ; Hist. — <i>Historiae</i> ; Germ. — <i>De origine et situ Germaniae</i>).
TCL	— Tablettes cuneiformes du Louvre.
<i>Themist.</i>	— <i>Themistius. Orationes quae supersunt</i> / H.Schenkl (ed.). — Lipsiae, 1965.
<i>Themist. Eph.</i>	— <i>Themistagoras Ephesius. Fragmenta</i> / C. Müller (ed.) // FHG. IV. 512.
<i>Theod.</i>	— <i>Theodoretus. Opera omnia</i> // PG. LXXX–LXXXIV.
UET	— Ur Excavations Texts. — London.
<i>Vell. Pat.</i>	— <i>Velleius Paterculus. Historiae Romanae.</i> — London, 1924 (Loeb Classical Library).
Vit. Sanct. Orient.	— <i>Vita Sancti Orientii</i> // <i>Acta Sanctorum. Mai.</i> 1680. I. 61–62.
ZfdA	— Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. — Wiesbaden.
<i>Zos.</i>	— <i>Zosimus. Historia nova</i> / I. Bekkeri (rec.). — Bonnae, 1837; <i>Idem. Historia Nova</i> / L. Mendelson (ed.). — Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887; <i>Idem. Histoire nouvelle</i> / F. Paschoud (ed.). — Paris, 1971–1986. 1–3.

СОДЕРЖАНИЕ

Буданова В.П.

Варварский мир в представлении человека варварского мира (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ).....	7
---	---

РАЗДЕЛ 1

ЧЕЛОВЕК ВАРВАРСКОГО МИРА

ПОРТРЕТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Суриков И.Е.

«Великий варвар» как субъект и объект истории: Кир Старший в классической греческой традиции.....	49
--	----

Никишин В.О.

Аутсайдер, ставший лидером: о некоторых перипетиях биографии Спартака до начала восстания.....	79
---	----

Ермолова И.Е.

К вопросу об одном из создателей исторического портрета варвара.....	96
---	----

РАЗДЕЛ 2

ОБРАЗ АРИСТОКРАТА... ВАРВАРА И ВАРВАРСТВА

ТРАДИЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

Немировский А.А.

Западные варвары: конструирование образа аморейских племен в вавилонской традиции II – I тысячелетий до нашей эры.....	105
---	-----

Камари Д.М.

Контакты между греками и местным населением Пиренейского полуострова до и после морского сражения при Алалии.....	123
---	-----

<i>Петрова М.С.</i>	
Вся жизнь — борьба?	
К вопросу о противостоянии «чужому».....	137
<i>Васютин С.А.</i>	
Образы кочевых «варваров» эпохи Тюркских каганатов (взгляд из Поднебесной).....	157

РАЗДЕЛ 3

НОВОЕ ВРЕМЯ И «НОВОЕ ВАРВАРСТВО»

МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ И ВАРВАРСТВОМ

<i>Кирьяш О.А.</i>	
Образ Петра I в сознании европейского сообщества XVIII века: между варварством и варварством.....	173
<i>Балезин А.С.</i>	
«Варвары» в «цивилизованном мире» (Конкретные судьбы по архивным материалам и мемуарам африканцев).....	184
<i>Голубкина С.Е.</i>	
Викторианский герой в не-викторианское время: Сесил Родс в книгах и на экране (первая половина XX века).....	216
<i>Петров В.В.</i>	
Языки цивилизаций, идентичность и трансгрессия в эссеистике Петера Надаша.....	260
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	280
CONTENTS.....	288
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	290

CONTENTS

Budanova V.P.

The Barbarian World in the Image of the Man of the Barbarian World (INSTEAD OF FOREWORD).....	7
--	---

CHAPTER 1

THE MAN OF THE BARBARIAN WORLD

THE PORTRAIT AND ITS INTERPRETATION

Surikov I.E.

The «Great Barbarian» as a Subject and Object of History: Cyrus the Elder in the Classical Greek Tradition.....	49
--	----

Nikishin V.O.

An Outsider, which Became a Leader: about some Complexities of Spartacus' Biography before the Beginning of the Revolt.....	79
--	----

Ermolova I.E.

To the Question about one of the Creators of the Historical Portrait of the Barbarian.....	96
---	----

CHAPTER 2

THE IMAGE OF ARISTOCRATS... BARBARIAN AND BARBARITY

TRADITION AND RECONSTRUCTION

Nemirovsky A.A.

Western Barbarians: Construction of an Image of the Amorite Tribes in the Babylonian Tradition II–I Millennium BC.....	105
---	-----

Kamari D.M.

Contacts between Greeks and the Local Populations in the Iberian Peninsula before and after the Sea Battle of Alalia.....	123
--	-----

<i>Petrova M.S.</i>	
Is all Life a Fight?	
On the Opposition to “Alien”.....	137
<i>Vasyutin S.A.</i>	
Images of Nomadic «Barbarians» of Turkic	
Khaganates Period (Celestial Empire’s view).....	157

CHAPTER 3

THE NEW TIME AND THE «NEW BARBARITY»
BETWEEN CIVILIZATION AND BARBARITY

<i>Kiryash O.A.</i>	
The Image of Peter I in the Minds of the European Community	
of the XVIII Century: between Barbarism and Barbarism.....	173
<i>Balezin A.S.</i>	
The «Barbarians» in the «Civilized World»	
(Based on Archival Materials and the Memoirs of Africans).....	184
<i>Golubkina S.E.</i>	
Victorian Hero in Non-Victorian Times:	
Cecil Rhodes in Books and on the Screen	
(first half of the XX century).....	216
<i>Petroff V.V.</i>	
Languages of Civilizations, Identity and Transgression	
in the Essayism of Péter Nádas.....	260
ABBREVIATIONS.....	280
CONTENTS.....	288
INFORMATION FOR AUTHORS.....	290

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Проблемно-тематическое издание «Цивилизация и варварство / Civilization and Barbarity» является научным, по тематике — историческим. К публикации принимаются рукописи, отражающие результаты оригинальных исследований. Содержание рукописи должно относиться к исторической проблематике, соответствовать научному уровню академического издания, обладать определенной новизной и представлять интерес для специалистов гуманитарного профиля.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. К рассмотрению принимаются рукописи статей в электронном виде в формате MS Word, присланные по электронной почте на адрес: labcb@yandex.ru, соответствующие тематике издания и оформленные в соответствии с требованиями к оформлению рукописей. Отсутствие оформления статей согласно требованиям издания может стать причиной отказа в публикации. Получение рукописей подтверждается. Если уведомление не получено в течение семи дней, пожалуйста, продублируйте отправку материалов.

2. К рассмотрению принимаются научные статьи и переводы научных статей. К публикации *не принимаются* обзоры конференций, фрагменты диссертаций, тексты учебно-образовательного и научно-популярного характера, тезисы различного рода докладов и тексты, не соответствующие тематике и формату издания или написанные в иных жанрах, кроме научного.

3. Рекомендуемый объем статей 0.5 – 1 а.л., включая сноски, список литературы, аннотацию и ключевые слова. (1 а.л. = 40 000 знаков, включая пробелы и сноски). По согласованию с главным редактором принимаются статьи и большего объема.

4. Языки публикаций: русский, английский, французский, немецкий, испанский. *Не принимаются* статьи, написанные на иностранных языках русскоязычными авторами.

5. Статьи должны быть подготовлены к процедуре анонимного рецензирования. Информация об авторе должна быть представлена в отдельном файле.

6. Автор гарантирует, что текст не был опубликован ранее и не был сдан в другое издание.

7. Ссылка на издание «Цивилизация и варварство» при использовании материалов статьи в последующих публикациях обязательна.

8. Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и названий.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

1. Статья должна быть оформлена в соответствии с принятыми в издании требованиями и тщательно вычитана автором.

Текст набирается в программе Word: размер шрифта — 14, гарнитура (шрифт) — Times New Roman, межстрочный интервал — 1,5, поля — 2 см со всех сторон.

Абзацы даются с отступом.

Заголовки даются жирным шрифтом (по центру).

Кавычки даются угловыми (« »), внутренние кавычки — круглыми (“ ”).

Тире между датами дается короткое (–), без пробелов.

Тире во всех остальных случаях дается (—) длинное.

Даты в скобках даются так: (1990–1998).

Даты в тексте даются так: 1930 г., 1930-е гг., 1780–1799-е гг.

2. Авторские материалы должны включать следующие элементы:

- — заглавие;
- — аннотация (объем — до 700 знаков);
- — ключевые слова (5-10 основных терминов или персоналий);
- — основной текст статьи;
- — примечания в виде автоматических *постраничных* сносок (в сокращенном варианте);
- — библиографический список источников и литературы, размещенный в конце статьи, входит в общий объем статьи и сформирован по алфавиту;
- — сведения об авторе / авторах (имя, отчество и фамилия полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, почтовый (места работы) и электронный адрес (автора / авторов) и номер телефона. Для работы с авторами редколлегии необходим *контактный телефон* (желательно мобильный), данная информация *не подлежит публикации*.

3. *Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе должны быть представлены на русском и английском языках.* В переводе заголовка, аннотации, ключевых слов не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводаемых названий собственных имен.

4. Библиографическая запись должна содержать следующие пункты: автор / авторы, год издания, заглавие, место издания, например: *Уколова В.И. 1992: Поздний Рим. Пять портретов. М.: Наука.*

Если описывается *сборник статей*, материалы конференции и т.д., то указывается редактор или составитель, например: *Цивилизация. 2003: Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Э.В. Сайко (ред.); Науч. совет «История мировой культуры». М.: Наука.*

То же правило используется и при описании *статьи в сборнике*; следует указывать страницы, на которых расположена статья, например: *Хачатурян*

В.М. 2002: Возможна ли глобальная история? (по материалам XIX Международного конгресса исторических наук в Осло) // *Цивилизации* / А.О. Чубарьян (ред.). М., 223–238.

При описании *статьи в журнале* обязательно указывается год издания, номер, страницы, на которых расположена статья, например: *Соломоник Э.И.* 2009: О римском флоте в Херсонесе // *ВДИ.* 2, 165–171.

Ссылки на архивные документы приводятся в общем библиографическом списке по автору или, при его отсутствии, по названию документа. Обязательно указывается название архивохранилища (полное!), номер фонда, название фонда (при наличии), номер описи (при наличии), порядковый номер дела по описи (при наличии), номера листов в деле, например: *Зиновьев И.А.* Секретная депеша от 28 сентября / 11 октября 1901 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 364.

Ссылки на публикации в электронных СМИ или на сайтах приводятся в общем библиографическом списке по автору или заглавию публикации с указанием адреса, где эта публикация размещена, и *датой проверки наличия ресурса*, например: *Микаелян Г.* Экономические факторы эмиграции населения Армении // Аналитические записки Института Кавказа, март 2015. — http://c-i.am/wp-content/uploads/policy-brief-03_2015_ru.pdf (декабрь, 2015).

5. Иллюстрации (фотографии, рисунки, схемы, графики, диаграммы, карты) должны быть выполнены с учетом возможностей *черно-белой печати* (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов), их следует представлять отдельным файлом и сопровождать *подписями*. Графические материалы (схемы, диаграммы и т.п.) должны быть представлены в векторном формате (AI, EPS, Excels); рисунки и фотографии — в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 DPI. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Все статьи, планируемые к публикации, проходят процедуру анонимного рецензирования и утверждения на редколлегии.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Решение о публикации принимается в течение трех месяцев с момента предоставления рукописи.

2. Авторы всех опубликованных статей получают один экземпляр.

3. Авторские экземпляры рассылаются только иногородним. Проживающие в Москве и Московской области получают экземпляр издания в Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства по адресу: Москва, Ленинский пр. 32А, 15-й этаж.

4. Плата за публикации не взимается; гонорары не предусмотрены.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ЧЕЛОВЕК ВАРВАРСКОГО МИРА И
ВАРВАРСКИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА (Часть 1)

Выпуск VI

Главный редактор
Вера Павловна Буданова

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН
<http://igh.ru>

Рецензенты
доктор исторических наук *А.Н. Кожановский*
кандидат исторических наук *М.Г. Гусаков*

Reviewers
Prof. *Alexander N. Kozhanovsky*
Dr. *Mikhail G. Gusakov*

Научное издание

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Оригинал-макет и компьютерная верстка
подготовлены в издательстве «Аквилон»

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924-97-30
Электронная почта: aquilopress@gmail.com

Подписано к печати 27.12.2017
Формат 60х90/16
Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 25. Тираж 500 экз. Зак. № _____

Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545-37-10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISSN 2307-7794

На обложке: Эдвард Берн-Джонс. Колесо фортуны. XIX в.